

ЕЎРАПЕЙСКИ ГУМАНІТАРНЫ УНІВЕРСІТЭТ

ЦЭНТР ЯЎРЭЙСКІХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

ЦАЙТШРЫФТ

ЧАСОПІС

*для даследавання яўрэйскай гісторыі, дэмаграфіі і эканомікі,
літаратуры, мовы і этнаграфіі*

ТОМ 9 (4)

МЕНСК – ВІЛЬНЯ

2014

ЕВРОПЕЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЦЕНТР ЕВРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦАЙТШРИФТ

ЖУРНАЛ

*по изучению еврейской истории, демографии и экономики,
литературы, языка и этнографии*

ТОМ 9 (4)

МИНСК – ВИЛЬНЮС

2014

Научно-консультативный совет:

проф. Надежда Аблова (Беларусь)
д-р Феликс Акерманн (Германия – Литва)
проф. Эяль Бен-Ари (Израиль)
д-р Ирена Вайшвилайте (Литва)
д-р Юргита Вербицкене (Литва)
д-р Семен Гольдин (Израиль)
д-р Аркадий Зельцер (Израиль)
д-р Михаил Кизилов (Россия)
д-р Евгений Котляр (Украина)
д-р Илья Лурье (Израиль)
д-р Виктория Мочалова (Россия)
проф. Алексей Сиверцев (США),
д-р Павел Терешкович (Беларусь)
д-р Велвл Чернин (Израиль)
проф. Шауль Штампфер (Израиль)
д-р Дебора Ялен (США)

Главный редактор:

Дмитрий Шевелёв (Беларусь)

Редакционная коллегия:

Андрей Замойский (Беларусь)
Анастасия Иокша (Армения)
Артур Марковский (Польша)
Александра Полян (Россия)
Евгений Розенблат (Беларусь)
Инна Соркина (Беларусь)

Цайтшрифт / *Časopis* включен
в базы данных EBSCO

<http://tsaytshrift.com>

Ежегодник основан в 2011 году

В левом нижнем углу обложки
фрагмент картины Сальвадора Дали
«Постоянство памяти»

ISSN 2029-9486

Европейский гуманитарный университет
ул. Тауро, 12, LT-01114
Вильнюс, Литва

© Европейский гуманитарный университет, 2014
© Центр еврейских исследований, 2014
© Коллектив авторов, 2014

Advisory Board:

Prof. Nadezhda Ablova (Belarus)
Dr. Felix Ackermann (Lithuania)
Prof. Eyal Ben-Ari (Israel)
Dr. Velvl Chernin (Israel)
Dr. Semyon Goldin (Israel)
Dr. Mikhail Kizilov (Russia)
Dr. Eugeny Kotlyar (Ukraine)
Dr. Ilia Lurie (Israel)
Dr. Viktoria Mochalova (Russia)
Prof. Alexei Sivertsev (USA)
Prof. Sha'ul Stampfer (Israel)
Dr. Pavel Tereshkovich (Belarus)
Dr. Irena Vaišvilaitė (Lithuania)
Dr. Jurgita Verbickienė (Lithuania)
Dr. Deborah Yalen (USA)
Dr. Arkady Zeltser (Israel)

Editor-in-chief:

Dr. Dzmitry Shavialiou (Belarus)

Editorial board:

Dr. Anastasiya Ioksha (Armenia)
Dr. Arthur Markowski (Poland)
Ms. Alexandra Polyan (Russia)
Dr. Evgeni Rozenblat (Belarus)
Dr. Ina Sorkina (Belarus)
Dr. Andrei Zamoiski (Belarus)

Tsaytshrift / *Časopis* is included
in EBSCO databases

<http://tsaytshrift.com>

The annual has been founded in 2011

There is a fragment of the work by
Salvador Dalí “The Persistence of Memory”
on the bottom right hand corner of the cover

ISSN 2029-9486

European Humanities University
12 Tauro str., LT-01114
Vilnius, Lithuania

Printed by “Petro Ofsetas”
Račių g. 24 LT-03156
Vilnius, Lithuania

© European Humanities University, 2014
© The Center for Jewish Studies, 2014
© The contributors to the volume, 2014

Содержание

Ад рэдакцыйнай калегіі / От редколлегии / Editors' notes..... 5

Исторический отдел

Тема номера: Белорусско-еврейские контакты

Іна Соркіна, Беларусь

Яўрэі і беларускі нацыянальны рух у канцы XIX – пачатку XX стст. 14

Дмитрий Прохоров, Крым

Караимские общины Северо-Западного края Российской империи
(XIX – начало XX вв.)..... 29

Иосиф Бренер, Россия

Михаил Бейнфест – «активный враг Советского Союза»..... 55

Андрей Замойский, Германия

Еврейские колхозы Советской Белоруссии в межвоенный период:
становление, повседневные проблемы, забвение 78

Ирина Вавренюк, Беларусь

Синагоги и иудейские молитвенные дома Бреста-над-Бугом (1921–1939 гг.)..... 98

Анатолий Моцук, Беларусь

Борьба с антисемитизмом в Западной Беларуси в практике
польского Бунда (1921–1939 гг.)..... 111

Андрей Павлюк, Украина

Коммерческие интересы Абрама Перетца на территории Юга Украины..... 119

Украинский кризис

Юрий Корогодский, Украина

Евреи Украины на фоне событий киевского Майдана 127

Ближневосточный отдел

Елизавета Якимова, Россия

Особенности политико-дипломатических контактов
Республики Беларусь и Государства Израиль в 2005–2014 гг. 135

Екатерина Кравцова, Беларусь

Япония и Израиль: политико-экономические отношения и диалог культур..... 147

Искусствоведческий отдел

Eugeny Kotlyar, Ukraine

Boris Schatz and the Early “Bezalel”: The Utopia of Art
and the Art of Management..... 161

Источники

Марина Шевелёва, Беларусь, Христина Витив, Израиль,

Дмитрий Шевелёв, Беларусь

Об одном эпизоде из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме

(по материалам архивного дела J15/2880 Центрального

сионистского архива Израиля)..... 177

Обзоры и рецензии

А. Полян

Рец. на: Bemporad, E. *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik experiment in Minsk.*

Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2013. xiv, 280 p. 192

З. Копельман

Рец. на: Св. Гордей Щеглов. *Первый Серафимовский: история*

одного лазарета в событиях и лицах, 1914–1918. Минск, 2014. 315 с. 197

Рец. на: Соболевская, О. А. *Повседневная жизнь евреев Беларуси*

в конце XVIII – первой половине XIX века. Гродно: ГрГУ, 2012. 443 с. 202

Рец. на: Замойский, А. С. *Трансформация местечек Советской Белоруссии*

1918–1939, Минск: И.П.Логвинов, 2013. 418 с. 204

Рец. на: Geissbühler, S. *Once upon a time never comes again.*

The traces of the shtetl in Southern Podolia (Ukraine). [Bucharest?]:

[Noi Media Print?], 2014. 135 p. (Bern: Project 36) 206

Рец. на: *Judaica Petropolitana.* СПб.-Иерусалим, 2013. №1 208

Summaries / Резюме..... 210

Наши авторы / Contributors 221

Contents 226

iii פון רעדאקציע

וועלוול טשערניגן. ישראל

"ענטפערט דער אריף פויריש לשון". אוקראינישע און ווייסרוסישע ליטעראטן פון דער

vi יידישער אָפּשטאַמונג

lxx קיצורים

Ад рэдкалегіі

Мы рады прадставіць нашаму чатачу чацвёрты (дзевяты) том штогодніка *Цайтшырыфт / Часопіс*, які выдаецца Еўрапейскім гуманітарным універсітэтам. У гэтым годзе наша выданне было ўключана ў міжнародную базу звестак акадэмічных часопісаў *EBSCO*, што з'яўляецца прызнаннем якаснай работы рэдкалегіі. Уключэнне ў такую базу, відавочна, значыць колькасны рост нашых чытачоў, і мы, натуральна, гэтаму рады.

Памятуючы аб юбілейнай даце 2013 г., – 95-цігоддзе абвяшчэння Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), – мы анансавалі асноўную тэму нумара – *беларуска-яўрэйскія кантакты*. Мы хацелі пабачыць адносіны беларусаў і яўрэяў на працягу ўсяго іх жыцця разам на адной зямлі. Большасць аспектаў тэмы да гэтага часу застаецца непрыкметнай: мала вывучаны кантакты дзясачоў беларускага і яўрэйскага нацыянальных рухаў; не існуе падрабязнага даследавання яўрэйскага пытання ў БНР.

Гісторыя беларускага яўрэйства не напісана зусім. Ёсць толькі асобныя яе эпідоды. У іх гісторыя яўрэйскага нацыяналізму прадстаўлена вельмі слаба. Гісторыя жа беларускага нацыянальнага руху ў грамадскім дыскурсе на Беларусі ўвогуле з'яўляецца палітычна афарбаванай: тыя, хто вывучаюць гэтую тэму, лічуцца праціўнікамі ўлады. Афіцыйная навука такую праблему абыходзіць, а даследчыкі па-за афіцыйнымі навуковымі інстытутыямі ахоўваюць яе як «свяшчэнную гісторыю»; пры гэтым усе – аніяк не ўспрымаюць тыя высновы, якія не супадаюць з меркаваннямі іх кола.

У апошні час у беларускай гістарыяграфіі распаўсюдзілася цікавая тэндэнцыя: аб яўрэях пачалі гаварыць як аб ідэале, прыкладзе для пераймання, як аб народзе, што заўжды мірна і шчасліва жыве побач з народамі беларускім. Ідэалізацыя яўрэйства, увогуле, характэрная рыса нацыянальнай гістарыяграфіі. Дзясачы беларускага Адраджэння ў пачатку ХХ ст. таксама клапатліва адносіліся да яўрэяў і бачылі ў іх саюзнікаў у барацьбе за беларускую справу. Чаму з'явілася такая тэндэнцыя ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі, адказаць пакуль немагчыма. Гэта можна часткова патлумачыць адной падрабязнасцю, якую заўважаюць некаторыя даследчыкі: і ў беларусаў, і ў яўрэяў ёсць адчуванне агульнага лёсу, абодва народы лічылі сябе ахвярамі – ці то ўладаў, ці то абставін, ці то іншых народаў...

Чацвёрты (дзевяты) том адкрываецца артыкулам І. Соркінай «Яўрэі і беларускі нацыянальны рух у канцы ХІХ – пачатку ХХ стст.». Вызначанай асноўнай тэме нумара, так ці інакш, адпавядаюць усе іншыя матэрыялы, апублікаваныя ў чацвёртым (дзевятым) томе. Тут і артыкул гісторыка з Бірабіджана І. Брэнэра аб ураджэнцу Віцебскай губерні М. Бейнфесце – піянеру Яўрэйскай аўтаномнай вобласці, і артыкулы нашых брэсцкіх аўтараў –

А. Машчука аб барацьбе польскага Бунда з антысемітызмам у Заходняй Беларусі ў 1920-х – 1930-х гг., І. Вавранюк аб сінагогах і малітоўных дамах Брэста-над-Бугам, – і матэрыял А. Замойскага аб яўрэйскіх калгасах у Савецкай Беларусі, і г.д. Мы ўдзячны крымскаму калеге Дзм. Прохараву за спецыяльна падрыхтаваны матэрыял аб караімах заходніх губерній Расійскай імперыі ў канцы XIX – пачатку XX стст. і сябру Навукова-кансультаўнай рады часопіса, яўрэйскаму паэту і літаратуразнаўцу В. Чарніну за дасланы ў гэты том артыкул аб беларускіх і ўкраінскіх літаратарах яўрэйскага паходжання (у ідышскай частцы выдання).

За мінулы год значна змянілася сітуацыя ў свеце. Спробы змянення балансу сіл ва Усходняй Еўропе прывялі да крызісу ў міжнародных адносінах, наступствы якога зараз не могуць быць ацэнены дакладна. Рэдакцыя палічыла магчымым паўдзельнічаць у разборы гэтай міжнароднай праблемы, і таму мы ўводзім рубрыку «Украінскі крызіс».

Змена ўлады ў Кіеве ў 2014 г. адбілася і на палітычна расколатай яўрэйскай абшчыне. Прадстаўнічыя абшчынныя інстытуцыі адназначна падтрымалі актывістаў Майдана і звяржэнне рэжыму В. Ф. Януковіча. Анэксія Крыму Расіяй выклікала раскол у Еўразійскім яўрэйскім кангрэсе – агульнаеўразійскай яўрэйскай арганізацыі. І. В. Каламойскі, адзін з асноўных спонсараў днепрапятроўскай яўрэйскай абшчыны, стваральнік «парасонавай» структуры «Аб’яднаная яўрэйская абшчына Украіны» і адзін з заснавальнікаў тэлеканала *Jewish News One*, быў прызначаны прэзідэнтам Украіны П. А. Парашэнка кіраўніком Днепрапятроўскай вобласці. Па некаторых прагнозах, не выключана, што згасанне канфлікту на паўднёвым усходзе краіны з цягам часу прывядзе да абвастрэння яўрэйскага пытання, калі тэндэнцыя да ўзмацнення крайне правых сіл на Украіне будзе захоўвацца.

Рубрыкай «Украінскі крызіс» мы хацелі б распачаць адкрытае карэктнае акадэмічнае абмеркаванне ўплыву ўкраінскага крызісу на становішча яўрэйскай абшчыны ў краіне, адносіны Украіны і Ізраіля, палітыку Ізраіля ў дадзенай сітуацыі, ды і ўсяго комплексу ўкраінска-яўрэйскіх сувязяў напярэдадні крызісу, у 2013–2014 гг. і пазней. Мы запрашаем адмыслоўцаў выказацца па гэтых пытаннях. Рубрыка адкрываецца артыкулам кіеўскага журналіста, гісторыка Ю. Карагодскага «Яўрэі Украіны на фоне падзей кіеўскага Майдана».

Пакуль рыхтаваўся гэты нумар, 19 верасня 2014 г. у Мінску прадстаўнікі Ізраіля і Беларусі падпісалі пагадненне аб адмене віз для ўладальнікаў нацыянальных паспартоў. Заклучэнне падобнага пагаднення чакалі даўно. Сярод экспертаў вылучаліся як «скептыкі», якія не давяралі заявам афіцыйных асоб з ізраільскага і з беларускага бакоў аб хуткай адмене віз, што гучалі па меншай меры з 2010 г., так і «аптымісты», якія, наадварот,

станоўча ацэньвалі перспектывы падпісання дадзенага дакумента. Яшчэ летам гэтага года мы атрымалі артыкул нашай расійскай аўтаркі Л. Якімавай аб беларуска-ізраільскіх дыпламатычных кантактах у 2005–2014 гг. Л. Якімава належыла менавіта да аптымістычнага кола экспертаў, і мела рацыю. Уступленне ў сілу такога дакумента, безумоўна, будзе спрыяць развіццю двухбаковых сувязяў.

У раздзеле «Крыніцы» апублікаваны матэрыял аб рускай уласнасці ў Хайфе. Гэты матэрыял быў знойдзены ў 2005 г. Зм. Шавялёвым у Цэнтральным сіянісцкім архіве Ізраіля. У адзеле «Мастацтва» надрукаваны артыкул украінскага мастацтвазнаўцы Я. Катляра, прысвечаны Б. Шацу, заснавальніку мастацкай і рамеснай школы «Бецалель».

Пяты (дзясяты) том нашага выдання мы маем намер прысвяціць яўрэйскай гістарычнай памяці, яе перадачы, захаванню, канструяванню альбо знішчэнню, у краінах Усходняй Еўропы.

От редакции

Мы рады представить нашему читателю четвертый (девятый) том ежегодника *Цайтирифт*, который издается Европейским гуманитарным университетом. В этом году наше издание было включено в международную базу данных академических журналов ЭБСКО (EBSCO), что является признанием качественной работы редколлегии. Включение в подобную базу, очевидно, означает количественный рост наших читателей, чему мы весьма рады.

Помня о юбилейной дате 2013 г., – 95-летие провозглашения Белорусской Народной Республики (БНР), – мы анонсировали основную тему номера – *белорусско-еврейские контакты*. Мы хотели проследить отношения белорусов и евреев на протяжении их совместного существования. Многие аспекты заявленной темы до сих пор остаются незамеченными: мало изучены контакты деятелей белорусского и еврейского национальных движений; не существует подробного исследования еврейского вопроса в БНР.

История белорусского еврейства не написана вовсе. Есть лишь отдельные ее эпизоды. В них история еврейского национализма представлена очень слабо. История же белорусского национального движения в общественном дискурсе в Беларуси полностью является политически окрашенной: изучающие эту тему считаются противниками власти. Официальная наука такую проблему обходит, а исследователи вне официальных научных институций оберегают ее как «священную историю», при этом обе стороны совершенно не жалуют все выводы, которые не совпадают с воззрениями их круга.

В последнее время в белорусской историографии распространилась интересная тенденция: о евреях стали говорить как об идеале, образце для подражания, как о народе, который всегда мирно и счастливо жил бок о бок с народом белорусским. Идеализация еврейства, в общем-то, характерная черта национальной историографии. Деятели белорусского возрождения в начале XX в. с уважением относились к евреям и видели в них союзников в борьбе за белорусское дело. Почему в современной белорусской историографии появилась такая тенденция, ответить пока невозможно. Наверное, это отчасти объясняется одной интересной деталью, которую подмечают некоторые исследователи: и у белорусов, и у евреев имеется ощущение общей судьбы, оба народа чувствовали себя жертвами – властей, обстоятельств, других народов...

Четвертый (девятый) том открывается статьей И. В. Соркиной «Евреи и белорусское национальное движение в конце XIX – начале XX вв.». Обозначенной основной теме номера, так или иначе, соответствуют все иные опубликованные в номере материалы. Здесь и статья историка из Биробид-

жана И. С. Бренера об уроженце Витебской губернии М. А. Бейнфесте – пионере Еврейской автономной области, и статьи наших брестских авторов – А. В. Мощука о борьбе польского Бунда с антисемитизмом в Западной Белоруссии в 1920-х – 1930-х гг., И. И. Вавренюк о синагогах и молитвенных домах Бреста-над-Бугом, – и материал А. С. Замойского о еврейских колхозах в Советской Белоруссии, и т.д. Мы признательны крымскому коллеге Дм. А. Прохорову за специально подготовленный материал о караимах западных губерний Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и члену Научно-консультативного совета журнала, еврейскому поэту и литературоведу В. Чернину за присланную в этот том статью о белорусских и украинских литераторах еврейского происхождения (в идишской части издания).

За прошедший год существенно изменилась ситуация в мире. Попытки изменения баланса сил в Восточной Европе привели к кризису в международных отношениях, последствия которого, в общем-то, не могут быть оценены в достаточной степени в настоящее время. Редакция сочла возможным поучаствовать в разборе этой международной проблемы, и посему мы вводим рубрику «Украинский кризис».

Смена власти в Киеве в 2014 г. сказалась и на политически расколотой еврейской общине. Представительские общинные институты однозначно поддержали деятелей Майдана и свержение режима В. Ф. Януковича. Аннексия Россией Крыма вызвала раскол в Евроазиатском еврейском конгрессе – панъевразийской еврейской организации. И. В. Коломойский, один из основных спонсоров днепропетровской еврейской общины, создатель зонтичной структуры «Объединенная еврейская община Украины» и один из учредителей телеканала *Jewish News One*, был назначен президентом Украины П. А. Порошенко главой Днепропетровской области. По некоторым прогнозам, не исключено, что затухание конфликта на юго-востоке Украины со временем приведет к обострению еврейского вопроса, если тенденция к усилению крайне правых сил на Украине будет сохраняться.

Рубрикой «Украинский кризис» мы хотели бы начать открытое корректное академическое обсуждение влияния этого кризиса на положение еврейской общины страны, отношения Украины и Израиля, политику Израиля в данной ситуации, да и всего комплекса украинско-еврейских связей накануне кризиса, в 2013–2014 гг. и позднее. Мы приглашаем специалистов высказаться по этим вопросам. Рубрика открывается статьей киевского журналиста, историка Ю. М. Корогодского «Евреи Украины на фоне событий киевского Майдана».

Пока готовился этот номер, 19 сентября 2014 г. в Минске представители Израиля и Беларуси подписали соглашение об отмене въездных виз для владельцев национальных паспортов. Заключение подобного согла-

шения ждали давно. Среди экспертов выделились как «скептики», которые не доверяли заявлениям официальных лиц и с израильской, и с белорусской сторон, о скором отмене виз, громко звучавших по меньшей мере с 2010 г., так и «оптимисты», которые, наоборот, положительно оценивали перспективы подписания данного документа. Еще летом этого года мы получили статью нашего российского автора Е. А. Якимовой о белорусско-израильских дипломатических контактах в 2005–2014 гг. Е. А. Якимова принадлежала именно к оптимистически настроенным экспертам, и она оказалась права. Вступление в силу такого документа, очевидно, будет способствовать развитию двусторонних связей.

Отдел «Источники» содержит материал о русской собственности в Хайфе, обнаруженный в 2005 г. Д. Л. Шевелёвым в Центральном сионистском архиве Израиля. В отделе «Искусство» напечатана статья украинского искусствоведа Е. А. Котляра, посвященная Б. Шацу, основателю художественной школы «Бецалель».

Пятый (десятый) том нашего издания мы планируем посвятить еврейской исторической памяти, ее передаче, сохранению, конструированию или уничтожению, в странах Восточной Европы.

Editors' notes

The editors of *Tsaytshrift / Časopis* are delighted to present the fourth volume of the annual, which is published by the European Humanities University. Our annual has been included into EBSCO databases this year, which is the recognition for the work made by our Editorial Board. We are very proud of the fact, and we are sure that this will help us increase the number of our readers.

In commemoration of the 95th anniversary of the creation of the Belarusian People's Republic, in 2013 we announced the theme of this issue – *Belarusian-Jewish contacts*. Till now a lot of aspects of the topic remain uninvestigated: contacts between the activists of the Belarusian and Jewish national movements, as well as a detailed study of the Jewish question in the Belarusian People's Republic.

The history of the Belarusian Jews is not written at all, only a few fragments of the history of Jewish nationalism are at our disposal. Moreover, the study of the Belarusian national movement is officially considered to be antistate in the contemporary Belarus. Those who study the theme are considered to be political opponents of the authority. The official institutions avoid the issue, whereas researchers outside official institutions perceive the topic as “the holy history”. Both the sides of the debate do not favour or readily accept each other's ideas and conclusions.

An interesting trend has been seen recently in Belarusian historiography: Jews are thought to be an ideal and model nation, a nation, which has always lived in peace with Belarusians. This idealization of the Jews is the main characteristic of the national historiography. The representatives of the Belarusian Renaissance in the early 20th century created a positive image of Jews and saw them as allies in the struggle for Belarusian ideals. We can hardly say how this tendency appeared. A probable explanation, which some academicians also share, is that Belarusians and Jews have a sense of common destiny; both nations have a victim mentality. They were victims of the authorities, circumstances, other nations, etc.

Tracing the contacts between Belarusians and Jews over time, we open the volume with the article by Dr. Ina Sorkina “Jews and the Belarusian national movement in the late 19th – early 20th centuries”. Other materials published in the fourth (ninth) issue match the announced topic. The article written by the historian from Biribodzhan Dr. Yosef Brener is devoted to M. Beinfest, who was born in Vitebsk gubernia and later became the pioneer of the Jewish autonomy in the Far East. In this issue you will find the articles by our Brest contributors Dr. A. Moshchuk and Ms. I. Vavrenyuk (the first one is devoted to the struggle of the Polish Bund against anti-Semitism in Western Byelorussia in the 1920–1930s, the second one – to the synagogues of the Brest of the time), as well as the article

by Dr. A. Zamoiski about Jewish collective farms (*kolkhozy*) in the Soviet Byelorussia. We also thank our Crimean colleague Dr. D. Prokhorov who submitted a manuscript on the Karaites in the Western gubernias of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. We are grateful to Dr. V. Chernin, a member of our Advisory Board and a Yiddish poet, for his article about Belarusian and Ukrainian writers of Jewish origin (the Yiddish part of the annual).

The situation in the world politics has changed in the last year. Attempts to break down the balance of powers in Eastern Europe have led to a crisis in international relations, with the consequences being not measured yet. The editors decided to take part in the discussion of the international problem and established the section “The Ukrainian Crisis”.

V. Yanukovich’s regime has fallen. The changes in the Ukrainian politics influenced a politically split Jewish community. The community’s institutions supported the activists of the EuroMaidan revolution. The annexation of the Crimea by Russia has led to the split in the Euro-Asian Jewish Congress, a Pan-Eurasian Jewish organization. President P. Poroshenko appointed the oligarch I. Kolomoyskyi the head of Dnepropetrovsk region. I. Kolomoyskyi is one of the main sponsors of the Jewish community in Dnepropetrovsk, a person who established the United Jewish Community of the Ukraine, one of the founders of the TV channel *Jewish News One*. According to expert judgment, the conflict attenuation in the southeastern part of the Ukraine is likely to raise the Jewish question, especially if the radical Right wing continues to strengthen its power in the country.

Having introduced the section “The Ukrainian Crisis”, we would like to promote an academic debate about the influence of the current Ukrainian crisis on the Jewish community, relations between the Ukraine and Israel, Israeli policy towards the Ukraine, etc. We are glad to invite scholars to openly express their viewpoints on the issues. The article “Jews of the Ukraine during the events of Euromaidan” by Y. Korohodskyi, a journalist and historian from Kiev, opens the annual’s section “The Ukrainian Crisis”.

On September 19, 2014, while we were working on this issue of the annual, Israeli and Belarusian representatives signed a long-awaited agreement on mutual abolition of visas for holders of national passports. The officials, both Israeli and Belarusian ones, had promised to sign this document since 2010. “Skeptics” and “optimists” studied the matter. “Skeptics” did not believe that this agreement would be signed soon, whereas “optimists” had a positive outlook on the question. This summer the editors have received an article on Belarusian-Israeli diplomatic contacts between 2005–2014 written by E. Iakimova, our Russian contributor. Ms. Iakimova had just joined the optimistic camp. Obviously, when the agreement comes into force, it will contribute a lot to the development of bilateral relations.

We are glad to publish a manuscript on Russian property in Haifa. The sources were found by Dr. D. Shavaliou in the Central Zionist Archives of Israel in 2005. An article on Boris Shatz, the founder of Bezalel school in Palestine, authored by Dr. E. Kotlyar, a historian of arts from the Ukraine and a member of the Advisory Board of *Tsaytshrift / Časopis*, is in the section “Art studies”.

We would like to announce that we plan to devote the fifth (tenth) issue of *Tsaytshrift / Časopis* to the Jewish historical memory, its conservation, how it was passed from one generation to the other, how and why it was constructed or/and destroyed in Eastern European countries.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

Тема номера: Белорусско-еврейские контакты

І. Соркіна

Яўрэі і беларускі нацыянальны рух у канцы XIX – пачатку XX стст.

Гісторыя беларуска-яўрэйскіх інтэлектуальных кантактаў імперскай эпохі, у прыватнасці, супрацоўніцтва паміж руска-яўрэйскай і беларускай інтэлігенцыяй, удзел яўрэяў у беларускім нацыянальным руху, – адна з малавывучаных старонак у гістарыяграфіі. Даследчыкі, якія прама ці ўскосна закраналі дадзеную праблему (Герасімова, 2002, 2003; Le Foll, 2008; Смалянчук, 2004; Ляхоўскі, 2012; Пашкевіч, 2004, 2007 і інш.), як правіла, часцей звяртаюцца да разгляду больш позняга перыяду (пасля 1917 г.). Прыклады дзейнасці яўрэйскіх рэвалюцыянераў сярод беларусаў і сумесных выступаў яўрэяў і беларусаў за свае правы ў 1795–1904 гг. разглядаюцца ў даследаванні З. Шыбекі (Шыбека, 2013).

Беларусы і яўрэі былі самымі шматлікімі народамі поліэтнічнага беларуска-літоўскага рэгіёну Расійскай імперыі. Па перапісу 1897 г. яўрэі былі на другім месцы па колькасці пасля беларусаў сярод народаў, якія пражывалі на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Яны складалі 14% (каля 1 млн. чал.) ад усяго грамадзянскага насельніцтва рэгіёну, былі самай шматлікай групай сярод гараджан (напрыклад, у Гродзенскай губерні іх удзельная вага ў гарадах і мястэчках перавышала 58% (Статистика еврейского населения, 1909)).

Апынуўшыся ў складзе Расійскай імперыі, яўрэі беларуска-літоўскага краю зведалі шэраг абмежавальных законаў. Аднак яўрэйскія грамады (кагалы) не дэманстравалі адкрытага пратэсту. Сярод яўрэяў лягальнае стаўленне да ўладаў было агульнапрызнанай традыцыяй. Яўрэі дапамагалі расійскай арміі ў вайне з Францыяй у 1812 г. (Россия и евреи, 2012). У антырасійскіх паўстаннях практычна ўсе яўрэі прытрымліваліся нейтралітэту. Цікавую характарыстыку стаўлення яўрэяў Брэста да расійскіх уладаў утрымлівае дакумент з фонда канцылярыі гродзенскага губернатара: *«Сярод яўрэяў Брэст-Літоўска няма ніводнага, хто быў бы вядомы асаблівай адданасцю ўраду альбо даваў бы падставы падазраваць сябе ў якіх-небудзь нядобразычлівых ці варожых намерах. Падчас польскага мецяжу 1830–1831 гг. ні адзін з іх не вылучыўся нейкім учынкам, які заслугоўваў бы пах-*

валы, важкім даносам ці ахвяраваннем. Але, з другога боку, сярод іх не было таксама ніводнага, хто прымаў бы ўдзел у хваляваннях, якія тады адбываліся» (Цыт. па: Сабалеўская, 2011, с.274).

Аднак нельга сцвярджаць, што яўрэі былі зусім у баку ад такіх важных грамадска-палітычных падзей у краі як антыцарскія паўстанні. Так, яўрэі Даўгінава, шукаючы ў 1837 г. у графа Бенкендорфа падтрымкі ў змаганні супраць незаконных гандлёвых збораў з боку уладальніка мястэчка, прадставілі пасведчанні аб паслугах расійскім войскам падчас падаўлення паўстання 1830–1831 гг.: Хаім Хейфіч пры праходжанні праз мястэчка атрада генерал-майора Сафіянава “дастаўляў самыя праўдзівыя звесткі пра мяцежнікаў”, Іцка Сапур з пэўным даручэннем ездзіў у Магілёў (ЛДГА, ф.378, агульны аддзел, 1834 г., адз. зах. 1891, арк.166). Сярод 22-х жыхароў Валожына, якія праходзілі ў 1864 г. у справе “*О некоторых лицах, живущих в м. Воложине, обвиняемых в политических демонстрациях*” фігуруюць два яўрэі: Ізраіль, які шыў “чамаркі” (старажытнае адзенне тыпу сурдута, кафтана; паўстанцкія чамаркі шыліся з сялянскага шэрага сукна, з цёмнымі палоскамі на грудзях), а таксама Еўна, які данёс на яго (ЛДГА, ф.378, паліт. аддзел., 1864 г., адз. зах.1439, арк.1 адв.). Сярод гарадзенскіх яўрэяў забароненую вопратку шылі краўцы Вольф Лекін, Шэр Прэнскі, Нота Шмігельскі, Энох Фалкман, Абрам Розенберг, Моўша Гайдамак (Швед, 2014, с.95). Яўрэі-ювеліры (“злотнікі”) выраблялі ўпрыгожванні з паўстанцкай сімволікай. Так, у Брэсце за выраб шпілек з польскім арлом, пярсцёнкаў з надпісамі па-польску, якія *«должны служить политическим знаком для друзей, желающих восстановления Польши чрез возмущение общественного спокойствия»*, арыштавалі Янкеля Зыльберберга, Боруха Пантэра, Лейзера Хазана, Юдку Іцкавіча (Швед, 2014, с.96).

У пераліку ўдзельнікаў паўстання 1863 г. у Гродзенскім павеце, складзеным Юзэфам Ядкоўскім і надрукаваным у 1921 г., сустракаюцца імёны двух яўрэйскіх жанчын: Ленка Марголісава (*Morgolisowa*), была арыштавана ў сакавіку 1864 г. з-за выяўлення ў яе падчас рэвізіі значнага запасу куляў; Рыўка Сасава (*Sasowa*), з Гродна, захоўвала ў сябе зброю і кулі, была арыштавана ў сакавіку 1864 г. (Ядкоўскі, 2014, с.55, 60).

Некаторыя прадстаўнікі яўрэйскага народа ўвайшлі ў гісторыю беларускага нацыянальнага руху канца XIX – пачатку XX ст., а таксама з’яўляюцца яго актыўнымі ўдзельнікамі сёння. Прыкладзём некалькі прыкладаў.

Пры ўдзеле ўраджэнца Шклова Ізраеля (Хаіма) Ратнера, аднаго з кіраўнікоў беларускай фракцыі «Народнай Волі» ў Пецярбургу, выпускаўся часопіс «Гомон» (1884 г.), на старонках якога ўпершыню была зроблена спроба навуковага абгрунтавання існавання беларускай нацыі (Смялянчук, 2004).

У 1880-х гг. у афіцыйным друку і ў газеце «Минский листок», якая выходзіла з 1886 г., друкаваліся этнаграфічныя і філалагічныя матэрыялы пра беларусаў. Сярод даследчыкаў беларускага народа быў этнограф Павел Шэйн (1826–1900), хрышчаны (у лютэранскай царкве) яўрэй, ураджэнец Магілёва. Ён лічыўся выдатным знаўцам побытавай культуры і мовы беларусаў.

У нацыянальна-культурным адраджэнні Беларусі пачатку ХХ ст. прыкметную ролю адыграў беларускі пісьменнік яўрэйскай нацыянальнасці Змітрок Бядуля (Самуіл Плаўнік) (1886–1941), ураджэнец мястэчка Пасадзец Вілейскага павета. Антон Луцкевіч характарызаваў яго як «свайго» яўрэя: *«Палякі, рускія і шмат-шмат іншых нацыянальнасцяў могуць шчыра хваліцца літаратурнымі дасягненнямі “сваіх” яўрэяў. Беларусы не прадстаўляюць у гэтым выключэння: і на Беларусі апынуліся яўрэі, якія так зданіліся з нашым народам, што свае творчыя сілы ахвяравалі дзеля працы над адраджэннем беларускай культуры. Паміж імі першае месца займае наш пясняр, які хаваецца пад выдуманым імем Змітрок Бядуля»* (Цыт. па: Бядуля, 2006, с.16).

Рэдактарам-выдаўцом першай беларускай легальнай газеты «Наша Доля» (першы нумар выйшаў 1 верасня 1906 г.) быў ахрышчаны яўрэй, віленскі мешчанін Іван Тукеркес. Ён жа і фінансаваў газету. У студзені 1907 г. Віленская судовая палата прыняла рашэнне забараніць выданне «Нашай Доля». Тукеркес быў прысуджаны да турэмнага зняволення тэрмінам на адзін год. Ён падаў касацыйную скаргу ў Сенат, а яго маці ўнесла заклад у суме 100 руб. Гэтая скарга была адхіленая. Каб не трапіць у турму, Тукеркес уцёк у Парыж. Захаваліся сведчанні аб тым, што ў 1936 г. ён звяртаўся ў Віленскі архіў з просьбай высласць яму копіі судовай справы і прысуду. Далейшы лёс І. Тукеркеса невядомы. Антон Луцкевіч ва ўспамінах называе яго *«прожигателем жизни»*: ён прагульваў пакінутую бацькам спадчыну (Сідарэвіч, 2006).

Прадстаўнікі яўрэйскіх партый і рухаў актыўна працавалі ва ўрадзе Беларускай Народнай Рэспублікі, абвешчанай у сакавіку 1918 г. (Мошэ Гутман, Ісаак Лур’е (Герасимова, 2002), Самуіл Жытлоўскі (Шупа, 2013) і інш.).

У беларускі нацыянальна-культурны рух была ўцягнутая Эма Залкінд, актрыса вандроўнага беларускага народнага тэатра, заснаванага ў Вільні ў 1927 г. Каб звярнуць увагу яўрэйскай інтэлігенцыі на беларускі рух, на яго праблемы і патрэбы, Э. Залкінд здзейсніла на выставе яўрэйскага віленскага друку своеасаблівы перформанс. Яна з’явілася на гэтым мерапрыемстве апранутай у арыгінальную сукенку, якая цалкам была пашытая з віленскіх беларускіх газет і часопісаў. Далейшы лёс Эмы Залкінд склаўся трагічна. Беларускае інтэлігенцыя ў гады Другой сусветнай вайны пераправіла яе з

Вільні ў Наваградск. Аднак гэта не выратавала ёй жыццё. Э. Залкінд была арыштаваная немцамі і загінула ў адным з фашысцкіх канцлагаў (Мазько, 2002).

Жывой легендай Віцебска называюць журналісты распаўсюдніка сучаснай беларускай незалежнай перыёдыкі Барыса Хамайд, маці якога выратаваў ад смерці ў 1942 г. беларускі настаўнік Аляксандр Кароткін (Барыс Хамайда, 2006, 2012). Даследаванні гісторыі беларуска-яўрэйскіх інтэлектуальных кантактаў надзвычай важныя для разумення прыведзеных вышэй і падобных ім феноменаў.

Важнай крыніцай для вывучэння стаўлення актывістаў беларускага нацыянальнага руху пачатку XX ст. да яўрэй і так званага “яўрэйскага пытання” з’яўляецца «Наша Ніва»¹ – штотыднёвая беларуская грамадска-палітычная, навукова-асветніцкая і літаратурна-мастацкая газета, якая выдавалася ў Вільні з 10 лістапада 1906 г. па 7 жніўня 1915 г. «Наша Ніва» была другой (пасля «Нашай Долі») легальнай беларускай газетай у пачатку XX ст., яна склала цэлую эпоху ў развіцці нацыянальна-культурнага Адраджэння беларусаў. Выдаўцы газеты былі дзеячамі Беларускай Сацыялістычнай Грамады (БСГ) – нацыянальнай партыі народніцкага напрамку, створанай зімой 1902–1903 гг. Яе арганізатарамі і кіраўнікамі былі браты Іван і Антон Луцкевічы, Алаіза Пашкевіч (Цётка), Аляксандр Уласаў, Вацлаў Іваноўскі, Аляксандр Бурбіс, Казімір Кастравіцкі (Карусь Каганец) ды іншыя. Газета «Наша Ніва» была не проста інфармацыйным выданнем – але свайго роду грамадскім інстытутам беларускай культуры. Яе супрацоўнікі праводзілі арганізацыйную і навуковую працу па даследаванні гісторыі і культуры Беларусі. Выдаўцы-рэдактары і супрацоўнікі газеты фармавалі пэўную нацыянальную ідэалогію, сваё бачанне культурнага і дзяржаўнага Адраджэння Беларусі, якое і перадавалі шырокім сляям насельніцтва з дапамогай друкаванага слова. «Наша Ніва» як рупар беларускай інтэлігенцыі стала інструментам распаўсюджвання нацыянальнай ідэі сярод усяго насельніцтва.

Адно з найважнейшых дакументальных сведчанняў аб тыражы газеты і яе распаўсюдзе – гэта зварот рэдакцыі «Нашай Нівы» да кіраўніцтва ППС (Польскай Партыі Сацыялістычнай) у Лондане ад 21 студзеня 1907 г. з просьбай пазычыць 1000 руб. Тыраж на гэты час складаў пяць тысяч асобнікаў

¹ Раней намі часткова гэта тэма ўжо даследавалася: Соркіна І. Евреи и еврейский вопрос на страницах газеты «Наша Ніва» (1906–1909 гг.) // Проблемы еврейской истории: Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 г.: Ч. 1. М., 2008, с.241–252; Соркіна І. Евреи в белорусской национальной идеологии начала XX века: по материалам газеты «Наша Ніва» (1906–1915) (артыкул знаходзіцца ў друку). У Еўрапейскім гуманітарным універсітэце ў 2011 г. абароненая бакалаўрская праца Алены Смірновай на тэму: «Беларускі нацыянальны рух і “яўрэйскае пытанне” паводле матэрыялаў газет “Наша Ніва” (1906–1915) і “(Беларуская) крыніца” (1919–1940)».

(з іх тры тысячы «рускімі» літарамі і дзве тысячы – «польскімі»). Большая частка накладу – 2200 – разыходзілася па вёсках «праз местачковыя агентуры». Гарады – Вільня і Мінск – забіралі па 400 асобнікаў, «іншыя менш» (Унучак, 2008, с.39–40).

Фінансавыя цяжкасці прывялі да скарачэння накладу. У канцы 1910 г. ён складаў тры тысячы асобнікаў (дзве тысячы кірыліцай і адна тысяча лацінкай). За ўвесь час выдання «Нашай Нівы» выйшла крыху больш за адзін мільён асобнікаў двума шрыфтамі. Гэта досыць значная колькасць па тагачасных мерках і з улікам магчымасцяў беларускай нацыянальнай інтэлігенцыі.

Вельмі верагодна, што ў распаўсюдзе газеты прымалі ўдзел яўрэі мястэчак: менавіта пра “местачковыя агентуры” вядзецца гаворка ў згаданым вышэй звароце рэдакцыі газеты да ППС. На карысць такой высновы сведчыць і параўнальны аналіз статыстыкі колькасці мястэчак і карэспандэнцый у газету з розных месцаў беларуска-літоўскага краю, а таксама геаграфіі нараджэння актыўных удзельнікаў беларускага культурнага руху (табліца 1) (складзена па: Унучак, 2008, с.35; Казакевіч, 2011, с.98).

Табліца 1

Губерня	Колькасць мястэчак	Колькасць карэспандэнцый у “Нашу Ніву”	Геаграфія нараджэння актыўных удзельнікаў беларускага культурнага руху (да 1918 г.)
Віленская	122	229	35
Мінская	111	208	34
Гродзенская	81	114	12
Магілёўская	73	65	4
Віцебская	29	27	4

Гэтыя звесткі паказваюць, што больш актыўна пісалі ў «Нашу Ніву» менавіта з рэгіёнаў з найбольшай шчыльнасцю мястэчак, а значыць, і яўрэйскага насельніцтва. Тут нарадзіліся і большасць актывістаў беларускага нацыянальна-культурнага руху канца XIX – пачатку XX стст. Працэсу фармавання нацыянальнай самаідэнтыфікацыі садзейнічала суседства з «іншымі» – яўрэямі. З улікам адзначаных акалічнасцей уплыў яўрэйў на развіццё беларускага нацыянальнага Адраджэння не выклікае сумнення.

Тэарэтыкі і практыкі беларускага нацыянальнага руху не выпускалі «яўрэйскае пытанне» з-пад сваёй увагі. Так, падчас рэвалюцыі 1905–1906 гг. не былі чымсьці незвычайным для БСГ улёткі на ідышы. Алесь Бурбіс, арганізуючы ў 1906 г. у Мінску беларускія прафсаюзы, залучыў туды і яўрэйў (Сідарэвіч, 2006). У 1913 г. у яўрэйскім літаратурным часопісе «Яўрэйскі свет» («*Ды ідышэ вэльт*»), які выходзіў у Вільні, быў надрукаваны вялікі артыкул Антона Луцкевіча (А. Навіны) «Нашыя суседзі» («*Ундзэрэ іхэнім*»),

у якім былі выкладзены мэты і задачы беларускага адраджэнскага руху, ягонае стаўленне да г.зв. «яўрэйскага пытання» і да справы яўрэйскага нацыянальнага вызвалення (Герасімава, 2000). Гэта сведчыла аб узаемазацікаўленасці беларускіх і яўрэйскіх нацыянальных дзеячаў у супрацы ў справе вырашэння нацыянальных пытаннях абодвух народаў.

На працягу ўсяго перыяду выхаду «Нашай Нівы» на яе старонках прысутнічалі матэрыялы, звязаныя са становішчам яўрэяў, іх узаемаадносінамі з беларусамі. Абагульненню выяўленых больш за тры дзесяткі публікацый на яўрэйскую тэму ў 1906–1915 гг. дапамагае колькасны і якасны кантэнт-аналіз: рэгулярнасць і аб’ём матэрыялаў газеты, іх размеркаванне па сферах (палітычнае, эканамічнае, рэлігійнае, сацыяльнае жыццё), па тыпу інфармацыі (інфармацыйна-фактаграфічная, аналітычна-каментатарская, мастацкая), па адносінах аўтара або рэдактара да «яўрэйскага пытання» (пазітыўнае, негатыўнае, нейтральнае).

Аналітычныя публікацыі «Нашай Нівы», спецыяльна прысвечаныя яўрэйскай тэме, – гэта чатыры вялікія артыкулы «*Аб жыдох*»², «*Абмежаванні ў законах для жыдоў*», «*Валасное земства і жыды*», «*”Нацыянальная” палітыка і ... гандаль*», а таксама невялікі артыкул «*Жыды і рэкрутычына*» і пераклад мастацкага апавядання «*Жыд*». Усе гэтыя матэрыялы патрэбна разглядаць, як выступленні ў абарону яўрэяў у перыяд узмацнення антысемітызму і ўзвядзення яго ў ранг афіцыйнай дзяржаўнай палітыкі. Артыкул «*Аб жыдох*», апублікаваны 4 мая 1907 г., прысвечаны абвяржэнню наступных стэрэатыпаў: «сам Бог кажа біць жыдоў»; «жыды жывуць не з працы рук сваіх, а з працы народа нашага»; «усе жыды багатыя». Аўтар (крыптонім “Б”) вядзе палеміку з «пагромшчыкамі» і «злыднямі», якія нацкоўваюць хрысціян на яўрэяў. У артыкуле сцвярджалася: тыя, хто вучыць біць яўрэяў, кажучы, што гэтага патрабуе вера, самі не вераць у Бога, не ведаюць рэлігіі хрысціянскай і падманваюць людзей. Далей аўтар падрабязна апісвае заняtkі яўрэяў, аналізуе іх эканамічнае становішча, і тым самым даказвае безгрунтоўнасць другога і трэцяга тэзаў. Беларуская беднота, рабіў выснову аўтар, павінна не “граміць” яўрэяў, а разам з імі дабівацца лепшага жыцця, долі і свабоды (Наша Ніва, 1907, №17).

Той жа аўтар зрабіў агляд абмежавальных законаў адносна яўрэяў («мяжа аселасці», забарона яўрэям сяліцца ў вёсках, удзельнічаць у грамадскай дзейнасці і гарадскіх выбарах, займаць пасады на дзяржаўнай службе, завышаныя нормы рэкруцкіх набораў для яўрэйскага насельніцтва, абмежаванні пры паступленні ў навучальныя ўстановы, у маёмасці і працы), што дазволіла канстатаваць: «найменш правоў у нас маюць жыды». Завяршаецца

² Слова “жыд” у беларускай мове не мела і не мае негатыўнай канатацыі.

артыкул асуджэннем «дзікіх і страшных» пагромаў апошніх гадоў, з-за якіх «яшчэ больш стаў бедны і так зруйнаваны усялякімі няшчасцямі край наш», і заклікам прызнаць і яўрэяў за людзей і паўнапраўных грамадзян дзяржавы (Наша Ніва, 1907, №36).

Аўтар гэтых двух артыкулаў падпісаны як Б. – ім мог быць Змітрок Бядуля. Пазней ён наладзіў больш цесны кантакт з газетай. Друкаваліся яго творы і карэспандэнцыі. З 1914 г., калі рэдактарам газеты стаў Янка Купала, З. Бядулі даручылі выконваць абавязкі адказнага сакратара рэдакцыі.

15 лютага 1908 г. рэдакцыя змясціла невялікі матэрыял невядомага аўтара пра рэкрутчыну, дзе паказаная статыстыка, якая сведчыць аб павышанай норме рэкрутаў з яўрэяў, прыведзеныя звесткі пра смеласць і ўзнагароды яўрэяў падчас руска-японскай вайны (Наша Ніва, 1908, №4).

У артыкуле Аляксандра Уласава (рэдактар-выдавец газеты) *«Валасное земства і жыды»* паказвалася значная роля яўрэяў у развіцці гандлю, адукацыі і медыцынскай справы. Аўтар пераконваў, што нельга абмяжоўваць яўрэяў у правах на ўдзел у мясцовым самакіраванні: *«Нашы беларускія жыды са сваёй большай культурнасцю і практычным розумам былі б надта карыснымі ў валасным земстве. І цяпер, калі ў нас няма ніякага земства, то местачковыя жыды наймаюць доктара, ад каторага карысць не толькі жыдам... Цяпер шмат адкрываецца на гарадах і мястэчках гімназій і сярэдніх школ, і ўсё гэта арганізуюць жыды, а там вучацца і хрысціяне. Выходзіць, што жыды ў нас сваёй ахвотай робяць тое, што павінна рабіць земствы, гарадскія думы і ўрад. Жыды ў нас першымі пачалі адкрываць і хаўрусныя банкі. Яшчэ трэба сказаць, што жыды ў грамадскіх арганізацыях ніколі не крадуць і не марнуюць грамадскіх грошай, як гэта у нас скрозь вядзецца...»* (Наша Ніва, 1911, №14). Аўтар пераконваў, што нацыянальная прыналежнасць не павінна абмяжоўваць людзей у правах. Такім чынам, рэдактар «Нашай Нівы» ярка абмаляваў агульную пазіцыю «нашаніўцаў» у дачыненні да «яўрэйскага пытання». Ужыванне тэрміна «нашы беларускія яўрэі» сведчаць аб тым, што ідэалагі нацыянальнага Адраджэння лічылі яўрэяў, нягледзячы на адасобленасць іх жыццёвага ўкладу, неад'емнай часткай культурна-канфесійнай прасторы Беларусі.

Артыкул ««Нацыянальная» палітыка і гандаль», напісаны Антонам Луцкевічам (пад крыптонімам Г.Б.), быў прысвечаны аналізу ролі яўрэяў у развіцці гандлю, а таксама прычын манапалізацыі імі гэтага роду дзейнасці. *«Калі гандаль у нас перайшоў да жыдоў, а хрысціянам да яе і падступіцца нельга, то ў гэтым не яны вінаватыя, а ўся наша гісторыя і мы самі»*, – сцвярджаў аўтар. Разважаючы пра карысць яўрэйскага гандлю, крытыкуючы намер П.А. Сталыпіна абмежаваць доступ яўрэяў да банкаўскіх

крэдытаў, Луцкевіч рабіў выснову, што не прынясе карысці для нашага краю такая палітыка (Наша Ніва, 1911, №28–29).

Розныя бакі жыцця яўрэяў «мяжы аселасці» знайшлі адлюстраванне ў паведамленнях карэспандэнтаў з розных населеных пунктаў Беларусі і Літвы. Па падліках самой рэдакцыі, на працягу першых трох гадоў існавання «Нашай Нівы» на яе старонках было апублікавана 906 паведамленняў з 489 вёсак і мястэчак. Яны размяшчаліся, як правіла, у аператыўна-інфармацыйнай рубрыцы «З Беларусі і Літвы». Па сваім характары гэтыя матэрыялы дзеляцца на інфармацыйныя і аналітычныя. Пераважалі інфармацыйныя паведамленні, але шэраг карэспандэнцый не толькі перадавалі інфармацыю, але і ўтрымлівалі аўтарскія развагі.

У матэрыялах гэтай рубрыкі часта абмяркоўваліся пытанні беларускага нацыянальна-культурнага адраджэння, палітычнага жыцця (выбары ў Думу), развіцця асветы, барацьбы з п'янствам, стварэння выбарнага мясцовага самакіравання, гаспадарчых таварыстваў. Знайшла адлюстраванне праблема міжканфесійных адносін: паміж праваслаўнымі і каталікамі, іудзеямі і хрысціянамі. Частай была інфармацыя аб свавольстве і злоўжываннях начальства і паліцыі. Сустрэкаліся дадзеныя аб колькасці і складзе насельніцтва, яго матэрыяльным становішчы і падатках, звесткі аб развіцці гандлю і рамёстваў, знешнім абліччы гарадоў і мястэчак, іх санітарным стане, ахове здароўя. Значнае месца займалі крымінальная хроніка, паведамленні пра пажары і эпідэміі. Матэрыялы рубрыкі «З Беларусі і Літвы», такім чынам, утрымліваюць разнастайную інфармацыю аб палітычным, сацыяльна-эканамічным, культурным становішчы насельніцтва, даюць дастаткова поўную панараму паўсядзённага жыцця гарадоў і мястэчак Беларусі і Літвы пачатку XX ст.

Частка з гэтых матэрыялаў адлюстроўвае складаную сітуацыю абвастрэння іудзейска-хрысціянскіх адносінаў у пачатку XX ст. у выніку актывізацыі дзейнасці чарнасоценцаў (чальцоў «Саюза рускага народа»³). Вось некалькі характэрных прыкладаў.

З м. Гарадок Беластоцкага уезда паведамлялася: *«У нашым невялікім мястэчку жывуць жыды і хрысціяне-мужыкі. Да нядаўняга часу жылі яны ў згодзе і спакойна, аднак цяпер усё разладзілася. У мястэчка сталі прыязджаць “саюзнікі” і ўгаворваць тутэйшых хрысціянаў запісацца ў “саюз рускага народа”, абяцаючы, што за гэта ім дадуць зямлю. Запісалася чалавек 50... І вось як пачалі “працаваць” гэтыя “саюзнікі”:* напіўшыся,

³ Саюз рускага народа – арганізацыя крайне правых, манархічных колаў у 1905–1917 гг., карысталася падтрымкай урада, у т.л. фінансавай. «Саюз» разглядаў беларусаў і ўкраінцаў як частку рускага народа; выступаў супраць беларускага ды іншых нацыянальных рухаў; адмоўна ставіўся да яўрэйскага насельніцтва, распальваў антысемітызм, ствараў баявыя дружыны, арганізуюваў пагромы - тэрарыстычныя акты.

пайшлі шукаць па мястэчку тайныя шынкі. Шынкоў не знайшлі, а гвалту нарабілі на цэлае мястэчка. Білі вокны ў жыдоўскіх хатах, а таксама ў тых хрысціянаў, што не ўступілі ў “саюз”. Замест зямлі завялося толькі п'янства і беспарадкі...» (Наша Ніва, 1908, №5, 12).

З Радашковічаў Вілейскага уезда карэспандэнт пад псеўданімам “Вецер” паведаміў, што «на рынку нейкі чалавек заклікаў біць жыдоў, але Радашковіскія мужыкі, не маючы на тое ніякага жадання, не падтрымалі. У нас, у Беларусі, пагромаў не было, як на Кіеўшчыне, у Кішынёве. Беларус лічыць жыда такім жа бедным чалавекам, як і ён сам, да таго ж і правоў жыд мае менш за хрысціяніна» (Наша Ніва, 1908, №7).

А вось у м. Батурына Вілейскага уезда падчас кірмаша невялікі пагром усё ж адбыўся. Пачалося з-за сваркі ў краме Нахіма. Пакупнік з хрысціянаў першым пачаў бойку, да якой далучыліся іншыя яўрэі і мужыкі. У ходзе і пасля бойкі было знішчана «дабро» Нахіма. Да суду прыцягнулі 10 чалавек. Карэспандэнт адзначыў: «Хто ва ўсім гэтым вінаваты найбольш, сказаць цяжка, але мне здаецца, што найболей вінаватыя тыя “кварты” і “поўкварты”, каторых мужыкі шмат выпілі» (Наша Ніва. 1908. №15).

У асобных выпадках, апісаных у «Нашай Ніве», праглядаецца водгалас так званага «крывавага нагавора». У м. Буйвідзы Віленскага уезда знайшлі зарэзанага хрысціянскага хлопчыка двух гадоў. Пакуль ішло следства, некаторыя людзі пачалі абвінавачваць яўрэяў. Два мужыкі захацелі «ў мутнай вадзе рыбу лавіць...» Узялі ў яўрэйскай краме штаны і шапку. Яўрэйка ад страху перад пагромам маўчала. Усё гэта бачылі хлопцы-католікі – яны і сказалі мужыкам вярнуць яўрэйцы ўсё, што ўзялі. «Добра, што ёсць у нас у Беларусі справядлівыя людзі, якія не даюць волі ўсялякім “злыдням”. Можна таму і пагромаў у нашым краі не бывае» (Наша Ніва, 1908, №8).

У м. Ремігола Ковенскай губерні згубіўся сямігадовы хлопчык з суседняй вёскі. «Знайшліся цёмныя людзі, якія ўпэўнівалі маці, што яе сына зарэзалі жыды. Да пагрому справа не дайшла, таму што хлопчыка адишукалі. Пачалося следства аб 4-х мужыках, якія найбольш актыўна заклікалі да пагрому» (Наша Ніва, 1908, №14).

Непрыемны эпізод, які негатыўна характарызуе адносіны хрысціянаў да іудзеяў адбыўся ў м. Краснае Вілейскага ўезда: «У мястэчку хрысціяне такія, што за іх сорамна. Каля Школы бралі шлюб маладыя жыды. Навокал сабралася шмат католікаў і праслаўных, і пачалі яны здэквацца з жыдоўскага шлюбам, перашкаджаць шумам чытаць рабіну малітвы. Кожны чалавек паважае сваю веру і хоча, каб яе паважалі іншыя... І чаму яны лічаць сябе хрысціянамі?» (Наша Ніва, 1908, №17).

Як правіла, негатыўныя паведамленні, якія друкаваліся ў «Нашай Ніве», падсумоўваліся мараллю, г.зн. былі накіраваны на тое, каб «навучыць»

паводзінам у адносінах з яўрэямі і паказаць адэкватныя прыклады для пераймання. Газета не пазбягала апісання непрыемных эпізодаў у адносінах паміж хрысціянамі і іўдзеямі, але пры гэтым старалася расстаўляць маральныя акцэнты.

«Наша Ніва» апісвае і факты паўсядзённага жыцця мястэчак Беларусі, якія аб'ядноўвалі яўрэяў і неяўрэяў. Гэта, напрыклад сумесныя высылкі па арганізацыі вучэбных і крэдытных устаноў, камандаў пажарнікаў, кааператыўных гандлёвых кропак. Праўда, больш ініцыятыўнымі і актыўнымі ў гэтых сумесных справах былі, як правіла, яўрэі. Так, пра арганізацыю пажарнай дружыны ў м. Воўпа паведамлялася, што *«справа гэта вельмі добрая і важная; найбольш там жыдоў, і сорам нашым, што нешта не ахвотна бяруцца да гэтага»* (Наша Ніва, 1910, №13).

Карэспандэнт з м. Германовічы Дзісенскага уезда пісаў пра заснаванне яўрэямі прыватнай школы, да якой «прылучыліся сяляне з хрысціянаў». У гэтым жа паведамленні адзначалася, што ў мястэчку жывуць каталікі, страверы, шмат іўдзеяў. *«Гадоў 15 таму знайшліся ў нас і літвіны. Усе беларусы, страверы, жыды і літвіны жывуць у нас згодне, калі не лічыць пятроўскага кірмашу, на каторым з году ў год ёсць у нас звычай біцца вёска проці вёскі»* (Наша Ніва, 1909, №21).

З Капыля Слуцкага уезда была інфармацыя пра сумесны сход у мяшчанскай управе беларусаў, яўрэяў і татарцаў, дзе абмяркоўвалася справа будаўніцтва гарадскога вучылішча. *«Людзі, што клапацяцца аб прасвеце нашага мястэчка, Раман Малевіч (ён сваімі стараннямі выбіў і першыя капільскія вучылішчы, двухкласнае і дзясвочае) і Наха Клейнборт, як мага, угаварвалі цёмных мяшчан на добрую справу... У канцы, аднак, угаварылі, і амаль усе мяшчане згадзіліся падпісацца на будоўлю гарадскога вучылішча па 2 руб. 75 кап. з хаты. Татары і жыды і без угаварвання сагласны! Крыўда, што гэтак туга прабіваецца свет у цёмны народ наш. На гарэлку то шмат болей і лягчэй дабудзе грошы кожны капільянін і не шкадуе...»* (Наша Ніва, 1909, №16).

А вось хрысціяне м. Малеч Пружанскага уезда так і не згадзіліся даць грошы на адкрыццё гарадскога вучылішча. Карэспандэнт з гэтага мястэчка пісаў: *«Дрэнна робяць нашы мужыкі. Хай бяруць прыклад з жыдоў, якія на добрыя справы грошай не шкадуюць. Яны клапацяцца пра пошту, будуюць шашу да чыгункі, брукуюць вуліцы, робяць добрыя студні “артэзіянскія”. Мужыкі нашыя, праўда, умеюць вазіць спірт ад памешчыка Завадскага да Пружан і пры гэтым добра ўмеюць выцэзваць спірт з бочак ...»* (Наша Ніва, 1909, №28).

Не на карысць хрысціянаў і наступныя параўнанні рысаў і паводзінаў жыхароў мястэчак рознага веравызнання. З м. Даўгінава Вілейскага уезда:

«3 мая праляцеў над нашым мястэчкам чырвоны пяхух: згарэла тры хаты, два хлєвы і свіран. Баранілі жыды, як мага, а хрысціяне толькі падкпівалі... Назаўтра земскі паслаў стражніка збіраць складчыну на пагарэльцаў: меж жыдоў сабралі 40 руб.; хрысціяне ад складчыны адмовіліся...» (Наша Ніва, 1909, №20).

З Гарадзеншчыны нехта М. Арол піша: *«У маім родным мястэчку жыды маюць свой хаўрусны банчок, свой пастаянны тэатр, дзе часта іграюць пьесы са свайго жыцця, – адным словам, жывуць для свайго народу. А нашы інтэлігенты (ёсць многа вучыцелёў) нічым не цікавяцца, акрамя карт і гарэлкі...»* (Наша Ніва, 1911, №34).

Карэспандэнт з Радашковічаў, наракаючы на мяшчан-дэпутатаў гарадской думы, адзначаў: *«Найбольш культурнай часткай жыхароў у нас усё ж такі з'яўляюцца жыды, наш гандлёва - прамысловы клас. Яны, каб мелі правы выбірацца ў думу, то горад бы іначай выглядаў, яны хоць разумеюць сваю карысць. Мяшчане не ў сілах завесці такі парадак, як у горадзе, толькі ўсю гарадскую гаспадарку апусцілі і разарылі»* (Наша Ніва, 1910, №47).

Рэдакцыя «Нашай Нівы» звяртала ўвагу чытачоў не толькі на пазітыўныя характарыстыкі і рысы яўрэйскага народа, але падкрэслівала іх прыязнае стаўленне да беларускага нацыянальнага Адраджэння. Так, паказвалася, што яўрэі добра засвоілі беларускую мову. Ядвігін Ш. (Антон Лявіцкі) у «Лістах з дарогі» занатаваў: *«...Надта добра гучаюць па-беларуску тутэйшыя даўнейшыя жыды. Здарылася мне сустрэць у адным мейсцы старую жыдоўку, каторая з часоў яе маладосці аглухла. Ня чуючы здаўна новамоднага калецтва ў тутэйшай мове, у памяці яе засталася толькі даўнейшая – чыстая беларуская. Аж міла было слухаць: гутарка яе, як вада плыве; словы зычныя, і мяккія, і плывучыя, і спеўныя. З вялікай ахвотай доўгі час я з гэтай жыдоўкай прасядзеў і слухаў...»* (Наша Ніва, 1910, №27).

Аб добрым валоданні беларускай мовай яўрэямі сведчыць і паведамленне са Свянцянэў, дзе, як піша карэспандэнт «Тутэйшы», насельніцтва аддае перавагу яўрэйскай краме, таму што там гавораць «па-нашаму». *«А другая хрысціянская хаўрусная крама пад назвай “Польза” (па нашаму “Карысць”), але нашы беларусы баяцца гэтай “карысці”, бо там сядзяць такія пань, з мужыкоў, што ў пань выйшлі, і здзекуюцца над нашымі людзьмі, высмейваючы іх мову... Дык і добра робяць нашы, што не купляюць у гэтай краме»* (Наша Ніва, 1911, №45).

Факт прыхільнасці яўрэяў да беларушчыны зафіксаваны ў паведамленні са Смаргоні, змешчаным у №34 за 1911 г.: *«17 і 18 жніўня былі два беларускія прадстаўленні. Вельмі складна ігралі артысты... На ўсіх прадстаўленнях было найболей жыдоў, і яны-то так шчыра віталі беларускі тэатр. Як бачым, нашы местачковыя жыды, з каторымі беларусы заўсягды жылі ў*

добрай згодзе, пачалі разумець іх любоў да ўсяго роднага, і бадай-што ўсялякім “істинным” людзям не надта лёгка будзе сеяць паміж беларусамі нянавісьць да жыдоў» (Наша Ніва, 1911, №34).

Звернем увагу на фармулёўку «нашы яўрэі». Гэта словазлучэнне не раз сустракаецца на старонках газеты і адлюстроўвае стаўленне «нашаніўцаў» да яўрэяў як да «сваіх». Для характарыстыкі беларуска-яўрэйскіх адносін часта паўтараецца ў паведамленнях і фраза «заўсёды жылі ў згодзе».

Яўрэйская тэма знайшла адлюстраванне і ў літаратурна-мастацкай частцы газеты: у красавіку 1909 г. было надрукавана апавяданне «Жыд» (аўтар – Мачэт, пераклад з рускай на беларускую мову зрабіў Вітаўт Чыж, псеўданім Альгерд Бульба). У гэтым творы апісваюцца добры доктар - яўрэй Гурвейс і жахі яўрэйскага пагрому, якога не пазбегла і сям'я доктара (Наша Ніва, 1909, №17). Сам факт, што гэты твор быў перакладзены на беларускую мову і надрукаваны ў газеце, з'яўляецца прыкладам асуджэння антысемітызму з боку «нашаніўцаў».

Такім чынам, першая беларуская нацыянальная газета «Наша Ніва», нягледзячы на тое, што прыярытэтнымі для яе былі праблемы беларускага нацыянальнага Адраджэння, змяшчала дастаткова шмат матэрыялаў пра яўрэяў. З больш за тры дзесяткі выяўленых і прааналізаваных намі паведамленняў «Нашай Нівы» на «яўрэйскую тэму» ніводнае з іх не адлюстравала негатыўнага стаўлення «нашаніўцаў» да яўрэяў. У дзесяці з іх крытыкаваліся любыя праявы антысемітызму; у дзесяці паведамленнях падкрэсліваліся пазітыўныя якасці яўрэяў; у чатырох публікацыях праводзіліся паралелі ў сацыяльна-эканамічным становішчы беларусаў і яўрэяў, дзе акцэнт рабіўся на неабходнасці беларуска-яўрэйскага супрацоўніцтва; сем публікацый насілі нейтральны характар. Як было паказана, «нашаніўцы» часта характарызавалі яўрэяў у якасці «сваіх». У публікацыях з'яўляліся такія фармулёўкі, як «нашы местачковыя яўрэі», «нашы беларускія яўрэі», «нашы яўрэі». Рэдакцыя газеты асуджала ўсялякі шавінізм, у тым ліку і беларускі. Публікаваныя матэрыялы, асабліва да 1912 г., былі накіраваны на пашырэнне ідэі талерантнасці сярод беларусаў, асуджэнне праяў антысемітызму і дыскрымінацыі яўрэйскага насельніцтва. Яўрэі разглядаліся лідэрамі беларускага нацыянальнага руху як неад'емная частка этнакультурнага ландшафту Беларусі і як складовая частка насельніцтва краю ў будучыні.

Вывучэнне ўсіх выпускаў газеты за 1906–1915 гг. дазваляе зрабіць выснову аб тым, што «Наша Ніва» не дапускала антысеміцкіх публікацый, непаважных, некарэктных выказванняў у адрас яўрэяў. Наадварот, аналітычныя і інфармацыйныя матэрыялы газеты ўтрымлівалі рэзкае асуджэнне антысеміцкай прапаганды і пагромнай агітацыі, крытыку непрыязных і варожых

адносін да яўрэяў, даюць аб'ектыўную карціну прававога і эканамічнага становішча яўрэяў у Беларусі і Літве. Арганізатары і рэдактары газеты (Іван і Антон Луцкевічы, Вацлаў Іваноўскі, Аляксандр Уласаў, Алаіза Пашкевіч, Янка Купала, Якуб Колас, Змітрок Бядуля, Вацлаў Ластоўскі і інш), шматлікія карэспандэнты (каля трох тысяч чалавек) праявілі высокую ступень талерантнасці. Рэдакцыя газеты дэманстравала паслядоўнасць абранай ідэйнай лініі.

Нягледзячы на тое, што газета «Наша Ніва» прапанавала этна - моўны варыянт беларускай нацыянальнай ідэалогіі (цэнтральнае месца ў якім займала ідэя захавання і развіцця роднай мовы, пашырэння яе ўжывання ў адукацыі, рэлігіі і грамадска-палітычным жыцці), беларускім актывістам трэба было аб'яднаць дэмакратычныя сілы з розных нацыянальных рухаў дзеля барацьбы з русіфікатарскай палітыкай царскага ўрада, прапагандай шавіністычных расійскіх колаў, якія пастаянна ўздымалі нацыянальнае пытанне, высунуўшы лозунг «Расія для рускіх».

Высокі ўзровень талерантнасці нашаніўскага кола быў абумоўлены і тым, што сярод беларускай эліты паступова распаўсюдзілася ідэалогія «краёвасці». Згодна з гэтай ідэалогіяй кожны, хто адчуваў сябе грамадзянінам Краю, належаў да краёвай нацыі (часта яе называлі «нацыяй літвінаў»). Этнічныя і культурныя асаблівасці, на думку прыхільнікаў гэтай ідэалогіі, не адыгрывалі вялікай ролі. Такім чынам, ідэйным фундаментам беларуска-яўрэйскага паразумення становілася краёвая ідэалогія і ідэя грамадзянскай нацыі. Краёўцы імкнуліся да палітычнай самастойнасці зямель гістарычнай Літвы, свае галоўныя надзеі звязвалі з працэсам фарміравання «нацыі літвінаў» як грамадзянскай (палітычнай) нацыі, якая будзе мець поліэтнічны характар і аб'яднае на глебе краёвага патрыятызму ўсе (акрамя рускага) народы Беларуска-Літоўскага краю. Тым не менш, такі прыхільнік ідэі краёвасці, як Міхал Ромэр, сцвярджаў, што характэрнай рысай яўрэяў з'яўляецца іх «бескраёвасць». У жніўні 1915 г. ён пісаў: *«Літоўскія яўрэі цалкам не разумеюць сутнасці спраў і праблем краю... Яны з'яўляюцца тыповай нацыяй бадзягаў... Літоўскае або беларускае пытанне цікавіць большасць яўрэяў у Літве ў такой жа ступені, як нейкая афрыканская праблема... У свядомасці яўрэяў... Літва як край не існуе. Ёсць толькі губерні расійскай дзяржавы... Краёвых і асабліва дзяржаўна-краёвых праблем яны не разумеюць і не адчуваюць»* (Смялянчук, 2009).

Пазіцыя «нашаніўцаў» па пытанні аб ролі яўрэяў у беларускім нацыянальным Адраджэнні і будаўніцтве беларускай дзяржаўнасці досыць ясна выказана ў артыкуле «Стаўленне Беларусі да суседніх народаў» (1918 г.) Змітрака Бядулі. Абгрунтоўваючы права Беларусі на незалежнасць, на ператварэнне беларускай мовы ў дзяржаўную, робячы акцэнт на важнасці

беларускай мовы ў развіцці нацыі, абараняючы правы беларусаў стаць гаспадарамі на ўласнай зямлі, Змітрок Бядуля не забываў, што тут з даўніх часоў жывуць прадстаўнікі іншых народаў. Успамінае ён і аб яўрэйскім насельніцтве: «З эканамічнага боку, то да гэтага часу ажыўленне гандлю ў нашым краі рабілі яўрэі, і кожны, усведамляючы гэта, разумее той плюс, які яны давалі краю. ...Мы ўпэўненыя, што адносіны з яўрэйскім элементам як да гэтага былі добрыя, такія ж будуць і далей». Змітрок Бядуля быў перакананы, што «ўсе народнасці, якія жывуць цесна з намі на нашай зямлі, пойдучь нам насустрач у нашым дзяржаўным будаўніцтве і не будуць нам шкодзіць у нашым нацыянальным руху, так як шавінізм у нас месца не мае і мець не можа. Наша ідэя такая, каб у нацыянальным сэнсе кожны народ быў сам сабой, і гэтым ён і выканае свой прыродна-этычны абавязак» (Бядуля, 2006, с.367).

Бібліяграфія

Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (ЛДГА), ф.378, палітычны аддзел, 1864 год, адз. зах. 1439; ф. 378, агульны аддзел, 1834 год, адз. зах. 1891.

«Наша Ніва». 1907–1911.

Бядуля З. Выбраныя творы: Уклад., прадм., камент. У. Казберука. Мінск, 2006.

Герасимова И. «Белорусская проблема и еврейство» в деятельности Исаака Лурье – руководителя белорусского пресс-бюро в правительстве БНР в 1920–1922 гг. [у:] *Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1*. Мінск, 2002, с.41–54.

Герасимова И. Идея еврейской национальной автономии в правительстве БНР (1918 – 1921 гг.) [у:] *Białoruskie Zeszyty Historyczne. T.19*. Białystok, 2003, s.169–182.

Герасімава І. Ідэя гэбрайскай аўтаноміі і БНР [у:] *Спадчына*, №5-6, 2000, с.28–45.

Казакевіч А., Асадчы А. Пачаць пісаць па-беларуску. Рэгіянальны і сацыяльны склад беларускага Адраджэння, канец XIX – пачатак XX ст. [у:] *Палітычная сфера*, 2011, №16-17 (1-2), с.87–114.

Ляхоўскі У. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёвых арганізацый у 2-й палове XIX – 1-й палове XX ст (да 1939 г.). Беласток–Вільня, 2012.

Мазько Э. Уплыў самадзейнага тэатра на культурнае жыццё беларусаў у міжваеннай Польшчы ў 20-30 гады XX стагоддзя (у кантэксце дзейнасці Беларускай хрысціянскай дэмакратыі) [у:] *Białoruskie Zeszyty Historyczne. T.18*. Białystok, 2002, s.51–62.

Пашкевич А. В. Сотрудничество евреев и славянских национальных меньшинств в ходе парламентских выборов в межвоенной Польше [у:] *Берасцейскі хранограф. Вып.4*. Брест, 2004, с.187–198.

Пашкевич А. Выборы президента Польши в 1922 г. и еврейский вопрос [в:] *Тирош – труды по иудаике. Вып.8*. М., 2007, с.204–215.

Россия и евреи – 1812 год. / Ред. – сост.: В. Лукин, И. Лурье, М. Гринберг. Москва: Мосты культуры – Иерусалим: Гешарим, 2012.

Сабалеўская В. “Як сьлімак у шкарлупіне”: культура паўсядзённага жыцця берасцейскіх яўрэяў у першай палове XIX стагоддзя [у:] *Arche*, 2011, №3, с.270 – 300.

Сідарэвіч А., Скурко А. Два гады на падпольным становішчы: 125 гадоў з дня нараджэння заснавальніка «Нашай Нівы» Івана Луцкевіча [у:] *Наша Ніва*, 22.06.2006.

Смялянчук А. Ф. Літвакі і беларускія яўрэі: месца ў айчыннай гісторыі [у:] *Беларусь у XX стагоддзі: Зборнік навук. прац. Вып. 3*. Мінск, 2004, с.219–224.

Смялянчук А. Ф. Ліцвінства, заходнерусізм і беларуская ідэя. XIX–пачатак XX ст. // Камунікат: Беларуская электронная энцыклапедыя. 2009. <<http://kamunikat.org/7983.html>>

Статистика еврейского населения: распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. СПб., 1909.

Унучак А. «Наша Ніва» і беларускі нацыянальны рух (1906–1915 гг.). Мінск: Бел. навука, 2008.

Барыс Хамайда – як заўсёды на сваім звычайным месцы. *Праваабарончы цэнтр “Вясна”*. 30.05.2012. Рэжым доступа: <<http://spring96.org/be/news/52890>>

Барыс Хамайда: “Я веру ў перадвызначанасць свайго лёсу”, *Радыё Свабода*. 01.11.2006. <<http://www.svaboda.org/content/transcript/775307.html>>

Швед В. В. Перадпаўстанцкі рух у Гродзенскай губерні ў 1861–1862 гг. [у:] *Горад Святога Губерта. Выпуск VIII (2014)* / Рэдкал.: І. Соркіна [і інш.]. Гродна, 2014, с.78–97.

Шупа С. Габрэй ў БНР, <<http://www.arche.by/by/page/ideas/15619>>

Шыбека З. Яўрэі і беларусы ў змаганні за свабоды ў царскай Расіі (1795–1904) [у:] *Бунт у імя свабоды: забыты беларускі ген? Матэрыялы міжнароднай канферэнцыі, 8 – 10 сакавіка 2013 г. у Варшаве* / Рэд.: П. Рудкоўскі, К. Колб. Варшава, 2013, с.35–49.

Ядкоўскі Ю. 1863 год у Гродзенскім павеце [у:] *Горад Святога Губерта. Выпуск VIII (2014)* / Рэдкал.: І. Соркіна [і інш.]. Гродна, 2014, с.14–67.

Le Foll C. The “Belorussianisation” of the Jewish population during the interwar period: discourses and achievements in political and cultural spheres [in:] *East European Jewish Affairs*, vol.38, no.1 (April 2008), p.65–88.

Караимские общины Северо-Западного края Российской империи (XIX – начало XX вв.)

Традиционными местами проживания караимов до конца XVIII в. являлся Крым, а также земли образованных после трех разделов Речи Посполитой западных губерний Российской империи (поначалу территории, в состав которых вошли 9 губерний – Виленская, Ковенская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Киевская, Волынская и Подольская губернии – образовывали Западный край; затем первые 6 из вышеперечисленных губерний получили название Северо-Западного края). Часть караимов попала в этот регион, по некоторым сведениям, еще в конце XIV–XV вв. в процессе осуществления ими коммерческой деятельности (Kizilov, 2002–2003, p.29–45; Kizilov, 2009, p.30–40; Ахиезер, 2009, с.282, 283; Kizilov, 2011, p.31–48). Существует также предположение (документально, однако, не подтвержденное), что великий князь литовский Витовт после успешного похода в Крым в 1398 г. (по другим данным – в 1388 г.) увел с собой небольшую орду татар и несколько сотен семейств караимов (Кобецкайте, 2008, с.107; Тирияки, 2008, с.133), которые осели в Троках; несколько позже часть литовских караимов попала в Польшу и на Волынь (Луцк). В этих регионах сформировались галичско-луцкая и тракайская (трокская) группы караимского этноса.

После присоединения в 1783 г. Крыма к России караимы принимают активное участие в процессах, связанных с оформлением их гражданско-правового статуса, где основной целью стала борьба за признание их этноконфессиональной общностью, принципиально отличающейся от евреев-раввинистов. Главным доводом в этой борьбе караимов за гражданские права был тезис о непризнании ими Талмудического учения. 8 июня 1795 г., в соответствии с рескриптом императрицы Екатерины II, крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты т.н. «рекрутских» денег и солдатского постоя. Таким образом они были освобождены от дискриминационного налога, установленного для российских евреев. Караимам также было разрешено приобретение земельной собственности (ПСЗРИ, т.23, отд.1, №17340).

В отличие от российских евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого в начале XIX в. царским правительством антиеврейского внутривластного курса (ведение двойного налогообложения, т.н. «черты оседлости» и т.п.), действовавшего вплоть до конца XIX в., караимы пользова-

лись режимом наибольшего благоприятствования в сфере гражданского законодательства. Развитие российской промышленности и торговли в итоге привело к тому, что уже в начале XIX в. караимы избирают новые территории для своей экономической деятельности, переселяясь из традиционных мест проживания в перспективные в экономическом отношении города центральных, южных и западных губерний России. Проникновение в караимскую среду просветительских идей, активная интеграция караимской молодежи в русское культурное и образовательное пространство, начиная со второй половины XIX в., появление среди караимов крупных землевладельцев, фабрикантов, промышленников стало причиной появления караимских общин в большинстве губерний Российской империи.

Одновременно с расширением территорий своей торгово-экономической деятельности караимы продолжают активно заниматься укреплением своего правового статуса и материального благосостояния. В первой половине XIX в. они направляют в правительственные круги различные прошения и ходатайства, причем большинство из них было удовлетворено властями (Сборник..., 1890, с.109–206). А 13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». Согласно этому документу, в Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии – везде, кроме Киева и сел, принадлежащих государственной казне, в Новороссии – во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (т.н. «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться вновь в 50-тиверстной пограничной полосе. Что касается караимов, то их гражданские права специально оговаривались в §21 1-ой главы «Положения»: «Караимы, где таковые находятся, сверх прав, сим положением Евреям предоставляемых, пользуются еще и теми, кои предоставлены им особенными грамотами и постановлениями» (ПСЗРИ, собр.2, т.10, отд.1, №8054).

В марте 1837 г. было принято «Положение об учреждении Таврического Караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин; затем оно было переименовано в «Таврическое и Одесское караимское духовное правление» (ТОКДП). Практически одновременно в процесс гражданского законодательства были вовлечены и караимы северо-западных губерний Российской империи. Например, основываясь на ранее им данных польскими королями привилегиях, трокские караимы неоднократно выступали перед российскими властями с ходатайствами о предоставлении им права исключительного проживания в Троках. Вызвано это было тем, что в 1804 г. еврей-раввинисты, которые должны были быть выселены в соответствии с «Положением о евреях» 1804 г. из сельской местности, стали оставаться

на жительство в этом городе (Сборник..., 1890, с.120, 121). Наблюдая за успехами, достигнутыми крымскими караимами в конструировании новой этноконфессиональной идентичности в рамках российского законодательства, караимы Троки, Вильно и Поневежа в сентябре 1829 г. вновь направили властям ходатайство, основанное на «праве, выданном им прежними польскими королями». В частности, в этом документе шла речь о разрешении караимам проживать в Троках (ПСЗРИ, собр.2, т.4, отд.2, №3136). Правительствующий Сенат 6 сентября 1829 г. подтвердил льготы и права трокских караимов; что касалось проживания в городе евреев-раввинистов, то это дело было передано на рассмотрение 1-го Департамента Сената (Сборник..., 1890, с.113–115).

7 января 1835 г., по решению Государственного Совета в Департаменте законов и по определению Общего Собрания первых трех департаментов Правительствующего Сената, все прежние привилегии караимов были подтверждены, а евреям было рекомендовано «избрать себе другое место пребывания» (ПСЗРИ, собр.2, т.10, отд. 1, №7733). Тем из евреев, которым все же было разрешено оставаться в Вильно, дома и лавки на двух улицах этого города, где проживали караимы, власти иметь запретили. Высочайше утвержденное положение Комитета министров по этому вопросу было объявлено 20 октября 1836 г. (ПСЗРИ, собр.2, т.11, отд.2, №9625). Несколько позднее «Уставом о паспортах и беглых» (1857 г.) вышеуказанные привилегии вновь получили свое подтверждение (Сборник..., 1890, с.121). В 1835 г. 192 еврея-ашкеназа вынуждены были покинуть Троки, в котором тогда проживало 172 караима (отметим также, что евреям вновь было разрешено селиться в Троках лишь в 1862 г.) ([Гессен], 1912, кол.30). Как справедливо полагает Г. Ахиезер, подобная ситуация в целом была характерна для XIX в., когда наблюдался массовый отход караимов от иудаизма, связанный с созданием ими новой идентичности; ранее, в XVII – начале XVIII вв., возникавшие между западными караимами и евреями-раввинистами конфликты вызваны были, в основном, причинами экономического и общественного характера (Ахиезер, 2009, с.288, 310).

В 1840 г. Комитет министров утвердил заключение министра финансов об освобождении трокских караимов от уплаты акцизного сбора (в связи с упразднением Трокского уезда и снятии с города статуса уездного) (ПСЗРИ, собр.2, т.15, отд.1, №13394). А 13 ноября 1850 г. Государственный Совет, рассмотрев представление министра внутренних дел, постановил: причислить караимов западных губерний Российской империи к ведомству ТОКДП (ПСЗРИ, собр.2, т.25, отд.2, №24634). Завершением первого этапа борьбы караимов за гражданские права стал закон, принятый 8 апреля 1863 г., который гласил: «Караимы, находясь под покровительством общих законов

Российской Империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским поданным, смотря по состоянию к которому кто из них принадлежит» (ПСЗРИ, собр.2, т.38, отд.1, №39460). Этот документ закреплял за караимами все права и свободы, предоставленные им ранее; с этого момента они официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т.п.

2 мая 1863 г. орган конфессионального самоуправления караимов был создан и в Троках, получив название «Трокского караимского духовного правления» (ТрКДП). «Местопребывание одного гахама должно быть в Евпатории, – говорилось в “Высочайше утвержденном мнении Госсовета”, – а другого в Троках (Виленской губернии)» (Сборник. . ., 1890, с.183). Что касается ТрКДП, то под его юрисдикцией состояли караимские общины в Луцке, Поневеже, Троках, Вильно, Пскове, Смоленске и Острове (Кукизове). По установленной иерархии, Трокский караимский гахам подчинялся Таврическому и Одесскому караимскому гахаму. Финансовое обеспечение последнего возлагалось на караимские общины Таврической и Херсонской губернии; что же касается духовного главы трокских караимов, то он мог пользоваться казенными землями, выделенными специально для содержания ТрКДП (160 десятин). Официально оба гахама находились в подчинении Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД (ПСЗРИ, собр.2, т.38, отд.1, №39460).

Пост гахама в Трокском караимском духовном правлении в разные годы последовательно занимали¹: потомственный почетный гражданин И.-Б. З. Каплановский (первый официальный трокский гахам; с 19.12.1869 по 1894 гг.) (Trakai, 2013, p.86) (рис.1), старший газзан Ф. А. Малецкий (и.о. трокского гахама в 1894–1902 гг.) (О.П. 1913: 9–12; Szemaja-bień-Awraham 1929: 46–48), надворный советник Р. И. Кобецкий (с 17.07.1902 по апрель 1911 гг.) (Szapszał, 1936, s.80–84), виленский старший газзан И.-Б. Н. Фиркович (и.о. трокского гахама в 1905–1915 гг.) (В.р. Bogusław Firkowicz, 1926, s.17, 18), Ш. А. Фиркович (и.о. трокского гахама в 1922–1927 гг.), С. М. Шапшал (1927–1939 гг.) (Ельяшевич, 1993, с.88, 103, 138, 195).

¹ Помимо информации о трокских гахамах и газзанах, приведенных в «Памятных книжках Виленской губернии» и «Караимском биографическом словаре» Б. С. Ельяшевича, сведения о некоторых из них были любезно предоставлены М. Б. Кизиловым, за что автор выражает ему свою признательность.

Рис.1 Братья Каплановские. В центре – трокский гахам Исаак-Богуслав Каплановский. Вильна, 1871 г. (фото из: *Trakai. Praeities veidai*, 2013).

Соответственно, газзанами в ТрКДП состояли: А. Лаврецкий (до 1844 г.), М. Каплановский (1844–1854), старший газзан Ч. (А.) Д. Абкович (1844–1876), старший газзан Г. С. Фиркович (1856–1869), младший газзан Н. М. Фиркович (19.11.1875–1899), старший газзан Ф. А. Малецкий (07.05.1893–1901) (рис.2), Ю. С. Безикович (с 26.11.1901 по 1904 гг.), И.-Б. Н. Фиркович (младший газзан с 27.11.1901 по 1905; старший газзан с 1905 по 1915 гг.) (рис.3), младший газзан Ч. (А.) Е. Дубинский (1908–1913), младший, а затем старший газзан З. М. Мицкевич (1913–1922), младший газзан Р. А. Абкович (1919–1920)², старший газзан Ш. А. Фиркович (с 1920 до 1982 гг.). В должности шамаша при Трокской караимской кенасе состояли Г. Х. Дубинский (в 1860-х гг.), Г. А. Абкович (с 23.01.1885), и.о. шамаша И. И. Раецкий (в 1895 г.), Г. С. Ельяшевич (31.01.1902–1911) (Abkowicz, 1936, s.2 (okładka); Хроника, 1911, кн.3–4, с.114, 115; Памятная книжка Виленской губернии 1904, отд. 2, с.244, 245; Памятная книжка Виленской губернии, 1894, с.127, 274, 275; Адрес-календарь..., 1868, с.741; Памятная книжка Виленской губернии, 1910, ч.1, Адрес-календарь,

² Абкович Рафаэль Авраамович (16 марта 1896, Троки – 12 сентября 1992, Вроцлав) занимал последовательно должности мл. газзана в Троках, старшего газзана в Луцке (1929–1938), старшего газзана в Вильносе (1938–1946). Последний польский газзан (1946–1992), настоятель кенасы во Вроцлаве, под которую была отведена его собственная квартира (Abkowicz, S.a.)

с.174). В караимской общине Галича газзанами в XIX – начале XX вв. служили: Ш. Захарьевич (1802–1810), А. Леонович (1810–1851), Й. Леонович (1851–1867), Й. Мордкович (1867–1884), З. Леонович (1884–1894), С. Леонович (1894–1900) Ш. Новахович (1900–1922) (Ribbiĕr..., 1935, s.16; Kizilov, 2009, p.105–113; Арабаджи, 2002, с.91).

Рис.2 И.о. трокского гахама в 1894–1902 гг., старший газзан Финеес (Пинхас) Аронович Малецкий (фото из журнала «*Myśl Karaïmska*», 1929 г.)

В Луцкой караимской общине газзанами в разное время состояли: М. Султанский (1838–1853), Ю. Магас (1853–1868) М. А. Турчин (в 1861 и в 1868 гг.), Й. Леонович (1868–1870), С. Леонович (1871–1876), А. Фиркович (1877–1879; 1906–1914), З. А. Раецкий (1879–1902), А. Новицкий (1904–1905), Я. Леонович (1914–1917), Р. А. Абкович (1929–1938); пост старшего караимского газзана в Поневеже в 1860-х – 1890-х гг. занимал Е. Э. Юдкевич; в 1896–1915 гг. – З. А. Раецкий (Памятная книжка Ковенской губернии, 1890, с.186; Памятная книжка Ковенской губернии, 1897, с.168; Памятная книжка Ковенской губернии 1915, с.127).

По сведениям, опубликованным в 1843 г. ориенталистом В. В. Григорьевым, общая численность мужского караимского населения Российской империи составляла 2350 чел., или до 1190 семей (общее число всех караимов доходило до 5725 чел.); также уточнялось, что «караимы, обитающие в губерниях Виленской и Ковенской, называются Литовскими, а Новороссийском крае – Татарскими. Все они занимаются огородничеством, подрядами, извозом и торговлею» (Григорьев, 1876, с.423, 444). В 1845 г. в Виленской

губернии насчитывалось 211 караимов (все в Троках) (Памятная книжка Виленской губернии, 1845, отд.2, с.171); в 1846 г. в Виленской губернии проживало 424 караима, в Ковенской – 337, в Волынской – 320 (Кеппен, 1853, с.33). Основными занятиями караимов, населявших эти территории, судя по статистическим отчетам, являлись сельское хозяйство, ремесло и торговля.

Bogusław Firkowicz.

Рис.3 Виленский старший газзан Исаак-Богуслав Нисанович Фиркович, и.о. трокского гахама в 1905–1915 гг.
(фото из журнала «*Myśl Karaimska*», 1926 г.)

В Ковенской губернии к 1 января 1848 г. насчитывалось 265 караимов (Таблица народонаселения, 1847, с.19), а в Виленской губернии, по данным Департамента Генерального штаба, в 1848 г. проживало 2745 караимов (1421 мужчина и 1324 женщины) (Военно-статистическое обозрение, 1848, с.24, 30). Некоторое расхождение статистических сведений о числе кара-

имского населения, зафиксированное, в частности, в Виленской губернии в 1845 г. и 1848 г. может быть объяснено тем, что при составлении отчетов не регистрировалось женское население; не всегда караимы и евреи-раввинисты были отделены друг от друга. Ревизиями не учитывалась часть неподатного населения (дворяне, чиновники, духовенство). Не подлежали ревизии личный состав армии и флота, а также иностранцы.

В 1851 г., в соответствии с данными IX ревизии о податных состояниях Российской империи, в Виленской губернии насчитывалось 256 караимов из числа мещан и цеховых ремесленников (купцов всех трех гильдий было 748 чел., из них евреев-раввинистов – 387, а всего в губернии мещан и цеховых из евреев – 26 223 чел.); в Ковенской губернии – 337 караимов, причем из них мещан и цеховых ремесленников было 135 мужчин (число евреев-раввинистов доходило до 36 364 чел.) (Кеппен, 1857, с.26, 55, 72, 73). Что касается Витебской, Волынской, Гродненской и Смоленской губерний, то IX ревизией точное число караимов в этих губерниях специально не фиксировалось – указывалось лишь, что, помимо католиков и евреев, «число других иноверцев весьма незначительно» (Кеппен, 1857, с.28, 33, 40, 41, 127–130).

По итогам проведенной в 1857 г. X ревизии, Центральный Статистический комитет, «для удобнейшего обозрения числовых отношений», принял решение сократить классификацию населения по вероисповеданиям, поэтому в составленной им таблице евреи-раввинисты и караимы не были указаны отдельно, а отнесены к т.н. «шестой группе населения» (первые пять составляли христиане всех конфессий, раскольники, армяно-григориане, католики и армяне-католики, лютеране, реформаторы и протестанты; в седьмую были включены мусульмане, в восьмую – язычники). К 1858 г. в Российской империи насчитывалось 1 425 784 еврея-раввиниста и караима: из них на Виленскую губернию приходилось 79 125 евреев и караимов (муж. и жен.); на Витебскую губернию – 62 628 евреев и караимов (муж. и жен.); в Волынской губернии проживало 183 890 евреев и караимов (муж. и жен.); в Гродненской – 94 219 чел. евреев и караимов (муж. и жен.); в Ковенской – 101 337 евреев и караимов (муж. и жен.) (известно, что в 1857 г. в Ковенской губернии проживало 357 караимов обоих полов) (Географическо-статистический словарь..., 1865, с.495); в Курляндской – 25 641 еврей и караим (муж. и жен.); в Минской губернии – 96 981 еврей и караим (муж. и жен.); в Могилевской губернии – 102 855 представителей этих категорий населения (Статистические таблицы Российской империи, 1863, с.224, 225).

Безусловно, большая часть вышеприведенных цифр приходилась на долю еврейского населения. Например, к 1865 г. население Витебска составляло 27 868 чел.; из них 14 736 чел. (6907 муж., 7829 жен.) составляли евреи-раввинисты. Как сообщал секретарь Витебского статистического комитета

А. А. Сементовский, «по числу последователей иудейства Витебск может называться городом *жидовским*; названием это тем приличнее ему, что <...> в руках этого племени сосредоточена, почти исключительно, и вся торговля, и все промыслы города, и, наконец, владение лучшей недвижимостью его <...> евреи, как народ коммерческий, заняли в городе все места, где только представляется какая-либо возможность чем бы то ни было торговать». В Витебске в середине 1860-х гг. насчитывалось 34 еврейских молитвенных дома. О числе жителей-караимов отдельно не сообщалось; лиц, принадлежавших к караимскому духовному сословию, в 1865 г. в Витебской губернии не было (Памятная книжка Витебской губернии, 1865, с.199, 202, 203, 276–282).

Среди архивных документов фонда 241 Государственного архива Республики Крым (ГАРК) удалось обнаружить сводные ведомости ТОКДП о числе караимов, проживавших в конце 50-х гг. – начале 60-х гг. XIX в. как в России в целом, так и в губерниях Северо-Западного края, в частности. В соответствии с распоряжением ТОКДП от 25 февраля 1858 г., газзанами подведомственных правлению общин были собраны сведения о караимах. Так, например, в рапорте газзана Луцкой караимской кенасы сообщалось, что в городе проживало 134 караима (123 муж. и 111 жен.); имелось 1 караимское училище (мидраш при кенасе), в котором обучалось 13 учеников. В Троках численность караимской общины составляла 545 чел. (280 муж. и 265 жен.); при местной караимской кенасе состояли газзан и шамаш; караимских учебных заведений не было (ГАРК, ф.241, оп.1, д.19, л.9, 14). В 1861 г. в Троках и на территории всей Виленской губернии проживало 593 караима (членов Трокой общины – 264 муж. и 255 жен.; иногородних – 34 муж. и 40 жен.; в Троках у местного газзана и частных лиц обучалось 25 чел.; учебных заведений для караимов не было), а в Луцке Волынской губернии – 215 чел. (98 муж. и 117 жен.) (ГАРК, ф.241, оп.1, д.37, л.54, 59, 59 об., 63, 64 об.). Статистика рождаемости представляла собой следующую картину: с 1858 по 1862 гг. в Вильно и Виленском уезде родилось 14 чел. (8 мальчиков и 6 девочек); в Троках и Трокомском уезде – 101 чел. (41 мал. и 60 дев.); в Ковенской губернии – 2 чел. (1 дев. и 1 мал.); в Минской губернии (г. Новогрудок) – 1 мальчик (ГАРК, ф.241, оп.1, д.53, л.41–42 об.). Число умерших в Виленской губернии с 1858 по 1862 гг. составило 26 муж. и 34 жен.; было заключено 27 браков. В Луцке в 1862 г. родилось 4 чел. (3 мал. и 1 дев.), умерло – 9 чел. (5 муж. и 4 жен.); заключено браков – 2 (ГАРК, ф.241, оп.1, д.53, л.43 об.–45 об., 50).

Всего в городах Российской империи в 1861 г. проживало 5413 караимов (2707 муж. и 2706 жен.) (ГАРК, ф.241, оп.1, д.37, л.81, 87, 93). (При подсчете общей численности караимского населения не учитывались караимы, приписанные к определенным газзанским округам, но проживавшие в других го-

родах – т.е., иногородние караимы, составлявшие т.н. «технический прирост» населения того или иного города или уезда. Приведенные выше архивные данные о караимском населении корректируют сведения, опубликованные в 1865 г. в «Географическо-статистическом словаре Российской империи» (Географическо-статистический словарь..., 1865, с.495).

В декабре 1867 г. таврический губернатор Г. В. Жуковский обратился в ТОКДП за сведениями, необходимыми для составления «Всеподданнейшего отчета на имя Государя Императора» по Таврической губернии (ГАРК, ф.241, оп.1, д.108, л.3). В свою очередь, духовным правлением всем подведомственным ему религиозным общинам (в том числе, и подчинявшимся ТрКДП) были разосланы предписания о предоставлении запрашиваемых данных, среди которых должны были присутствовать: 1) ведомости о числе караимов мужского и женского пола; 2) сведения о заключенных браках; 3) статистика родившихся и умерших караимов; 4) данные о численности караимского духовенства. Кроме того, запрашиваемая информация касалась сословного состава караимских общин; требовались также предоставить помесечные данные о времени заключения браков, о возрастных категориях лиц, в них вступивших, а также о том, в каком социальном статусе они находились до брака (т.е., о количестве холостых, незамужних, вдов и вдовцов; о лицах, впервые или повторно вступивших в брак и т.п.).

Сбор информации продолжался чуть менее полугода, и, наконец, 4 апреля 1868 г. Таврический и Одесский караимский гахам Нахаму (Бабакай) бен Шеломо Бабович представил В. Г. Жуковскому и в ДДДИИ МВД сводные статистические сведения о караимских общинах Российской империи. Эти документы являются ценным источником не только по численности караимского населения, но и по демографической и гендерной ситуации в караимских общинах Российской империи в 60-х гг. XIX в. В присланных газзанами отчетах, на основании метрических книг, были зафиксированы и такие статистические показатели, как количество детей в караимских семьях, помесечные показатели браков, рождаемости и смертности у взрослых и детей, возрастные показатели членов общин и т.п.

Например, на основании сведений, предоставленных в ТОКДП луцким караимским газзаном Моше бен Авраамом Турчиным, в 1861 г. в Луцке проживало 209 караимов (94 муж., 115 жен.), 10 из них числились «домохозяевами»; родился один мальчик, умерло шестеро (3 муж., 3 жен.); было заключено три брака. Руководство караимской общиной осуществляли газзан М. А. Турчин, а также шамаш и габбай. Караимских училищ в Луцке не было; 8 мальчиков обучались грамоте и основам «караимского вероучения» у газзана (ГАРК, ф.241, оп.1, д.108, л.62, 88, 89, 90). В архивных документах приведены также подробные сведения о караимах Виленской губернии. На-

пример, что касается Трок и Трокского уезда, то в местной общине числилось: в самих Троках – 359 чел. (местных – 143 муж. и 189 жен.; иногородних – 13 муж. и 14 жен.); родилось 8 чел. (3 мал., 5 дев.), а умерло 17 (8 муж., 9 жен.). Было заключено 4 брака: трое ранее не состоявших в браке с девицами и один – вдовец с девицей. Что касается возрастных категорий лиц, вступивших в браки, показатели были следующими: до 20 лет – 1 жен.; от 21 до 25 лет – 1 муж. и 3 жен.; 26–30 лет — 1 муж.; 31–35 лет – 1 муж.; 36–40 лет – 1 муж. Относительно Трокского уезда следует указать, что число проживавших там караимов составляло 131 чел. (41 муж. и 41 жен.; иногородних – 24 муж., 25 жен.). В целом в Трокском и Виленском уездах числилось 466 караимов (211 муж., 255 жен.; иногородних – 55 муж., 54 жен.); непосредственно в Вильне проживало 52 караима (27 муж., 25 жен.; иногородних – 18 муж., 15 жен.). Кроме того, в «разных городах» губернии число караимов достигало 93 чел. (68 муж., 25 жен.) (ГАРК, ф.241, оп.1, д.108, л.64 об., 65 об., 66, 67 об., 69, 70). Руководство Виленской караимской общиной, как следует из документов, в этот период осуществляли старший газзан Чешанья (Ананий) бен Давид Абкович (с указанием семейного положения – «женат»)³, младший газзан (как сообщалось в рапорте, его семья состояла из «5 лиц мужеского полу и 3 – женского») и шамаш (был женат; семья – «4 лица женского полу»); в Поневеже караимской общиной руководил старший газзан Еварехияш бен Эммануил Юдкевич (ГАРК, ф.241, оп.1, д.108, л.1, 1 об.; д.53, л.52 об.; Адрес – календарь..., 1868, с.741).

Одним из обязательных факторов существования любой караимской общины являлось наличие кенасы или молитвенного дома. Что касается молитвенных домов караимов в западных губерниях России, следует сказать о том, что, в отличие от Крыма, где кенасы возводились, как правило из камня, в Польше и Литве они строились, в основном, из дерева (например, молитвенные дома караимов в Галиче и Кукизове). Строительство кенасы в Кукизове длилось с 1689 по 1711 гг.; галичская кенаса была построена в XVI в. В 1830 г. ее деревянное здание сгорело в результате пожара, и вместо него было сооружено каменное (средства на его постройку, законченную в 1836 г., были пожертвованы членами многих караимских общин России, в том числе, и крымских) (Kizilov, 2009, p.116, 117, 129). Пожар, случившийся 12 октября 1914 г., вновь нанес значительный ущерб галичской кенасе, при этом огнем было уничтожено 10 караимских усадеб (Воззвание, 1914, с.15; Хроника, 1914, №7–8, с.20–22, 23, 24). Во время военных действий на тер-

³ В примечании к отчету было указано, что в 1861 и 1862 г. старший газзан Ч.Д. Абкович находился «в столице по ученым, духовным и общественным делам» (ГАРК, ф.241, оп.1, д.108, л. 69; д.53, л.40 об.).

ритории Галича в Первую мировую войну ее здание сильно пострадало от артиллерийского огня (Зарахович, 1917, с.20; Zarachowicz, 1925, s.42).

Молитвенный дом караимов в Вильне (рис.4-6) изначально тоже был деревянным, а также длительное время располагался в наемных помещениях – так, например, в 1895 г. он занимал задние по Конному переулку (в доме Сокольницкого и Рабиновича) (Памятная книжка Виленской губернии, 1894, с.127), а в начале XX в. он находился в одном из помещений «Дома иностранных католиков» по ул. Вилейской (Памятная книжка Виленской губернии, 1904, с.113). 30 октября 1911 г., после церемонии закладки в фундамент первого камня, началось строительство нового здания кенасы в мавританском стиле по проекту архитектора М. М. Прозорова (Хроника, 1914, №5, с.22). Средства на нужды строительства жертвовались будущими прихожанами, а в комитет по постройке вошли видные представители караимской общественности: Ф. А. Малецкий (глава комитета), Й. Лопатто (казначей), Р. Лопатто, М. и А. Зайончковские, А. Шпаковский (Хроника, 1911, кн.5–6, с.121–125; Благочестивые братья, 1911, с.91). Однако строительные работы были прерваны – сначала из-за недостатка средств (Хроника, 1914, № 7–8, с.23), а затем в связи с началом Первой мировой войны. Лишь в 1921 г. они возобновились; комитет по постройке Виленской кенасы образовали А. Абкович, М. И. Дурунча, Е. Юткевич, Е. Кобецкий, Й. Козырович, Й. Лопатто, А. Пилецкий, Н. Робачевский, А. Шишман и З. Тынфович. Освящение здания кенасы (расположенной ныне в Вильнюсе, на ул. Любарто, 6) состоялось 9 сентября 1923 г. (Е.К., 1924, с.23). Молитвенный дом караимов в начале XIX в. существовал также и в с. Деражном на Воляни (ныне – с. Деражное (Деражно) Ровенской области), однако, судя по данным источников, впоследствии на его месте евреями-раввинистами была возведена синагога (Носовский, Шабаровский, 2004, с.35).

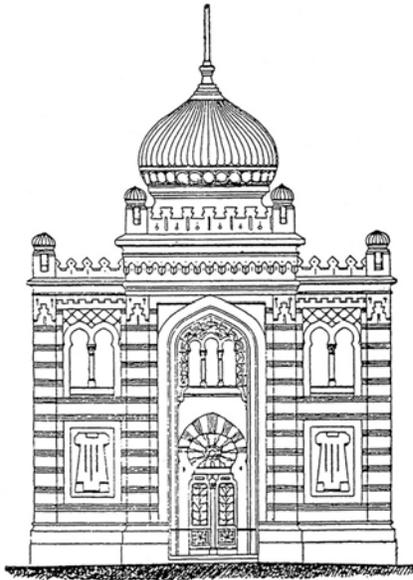

Рис.4 Проектный вид Виленской караимской кенасы (архитектор М. М. Прозоров)
(рис. из журнала «Караимская жизнь», 1911 г.)

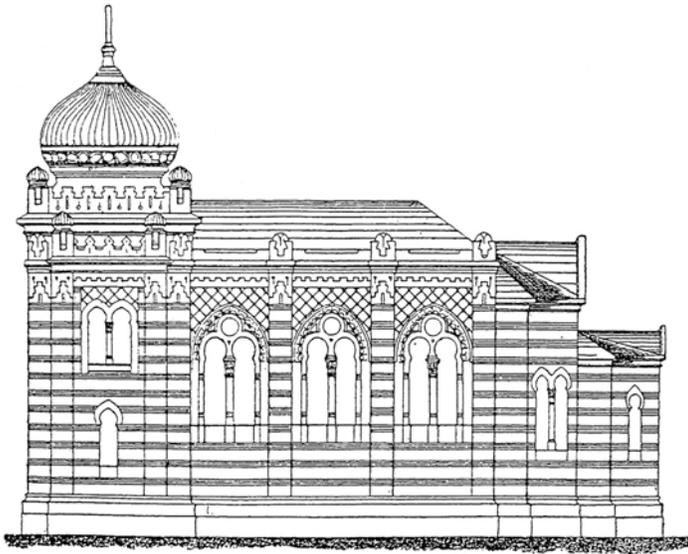

Рис.5 Проектный вид Виленской караимской кенасы, вид сбоку
(архитектор М.М. Прозоров) (рис. из журнала «Караимская жизнь», 1911 г.)

Рис.6 Виленская караимская кенаса (современный вид) (фото: «Виртуальный караимский музей» <<http://www.caraimica.org/document/54>>)

Наиболее древним культовым объектом караимов, построенным на территории западных губерний Российской империи, считается кенаса в Луцке. Как свидетельствуют источники, она уже существовала в этом городе в 1506 г. В 1633 г. для нее было построено новое деревянное здание; следующая перестройка датирована XVIII в. – тогда дом для кенасы был возведен заново (по свидетельству очевидцев, луцкая кенаса отличалась богатым внутренним убранством) (Смолинский, 1912, с.29, 30) (рис.7). Во время австрийской оккупации в годы Первой мировой войны кенаса, как и многие жилые дома караимов, была разграблена и повреждена – австрийские солдаты сделали на их территории канавы и лагерные стоянки, ограбили саму кенасу. В 1920-х гг. был произведен ремонт здания: укреплен фундамент, залатана крыша, заменены окна. В середине 1930-х гг. было возведено новое здание, законченное в 1939 г. Луцкая кенаса, являвшаяся памятником архитектуры, сгорела во время пожара в 1972 г.

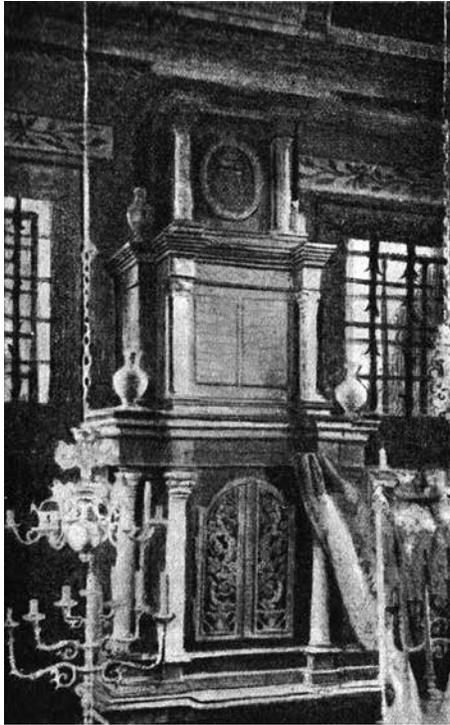

Рис.7 Гехал (алтарь) караимской кенасы в Луцке
(фото из журнала «Караимская жизнь», 1912 г.)

Первая караимская кенаса в Троках была построена еще в XV в., однако ее здание не сохранилось (в источниках был также зафиксирован случай

пожара, уничтожившего трокскую кенасу в 1665 г., которая затем была отстроена заново) (Смолинский, 1912, с.25). В XVIII в., на месте прежней кенасы, в центре компактного проживания караимской общины, который ранее назывался Караимщишной (ныне – ул. Караимская, 30), было возведено новое здание. Несколько раз ему также грозило уничтожение (например, во время пожаров в 1794 и 1812 гг.), однако кенасу быстро восстанавливали. В 1894–1904 гг., при непосредственном содействии и.о. Трокского караимского гахама Ф. А. Малецкого, был осуществлен капитальный ремонт ее здания (Зайончковский, 2007, с.3–9; О.П., 1914, с.10).

Следует также заметить, что многие караимские кенасы, построенные в западных губерниях России, в контексте архитектурного стиля и убранства имели много общего с еврейскими синагогами того же региона (прежде всего, это относится к кенасам Галича и Кукизова) (Kizilov, 2009, p.118).

Во второй половине XIX в. наиболее крупные караимские общины существовали в таких губерниях Российской империи, как Таврическая (в городах Армянский Базар, Евпатория, Бахчисарай, Чуфут-Кале, Симферополь, Севастополь, Феодосия), Херсонская (Одесса, Николаев, Херсон), Виленская (Троки), Волынская (Луцк) и Ковенская (Новомест Поневежского уезда). В 1870-х гг. в западных губерниях страны насчитывалось: в Троках – 35 караимских семей, в Вильне – 4 семьи, в Луцке – 30, в Галиции (вместе с территорией Австро-Венгрии) – 30 семей (с 1830 по 1923 гг. непосредственно в Галиче родилось 468 караимов, а умерло – 454, и было заключено 124 брака) (Ливанов, 1874, с.64; *Tablica Statystyczna*, 1924, s.33). В Виленской губернии в 1875 г. проживало 475 караимов; из них в Вильне и Виленском уезде – 60 чел. (соответственно, 55 и 5 чел.); в Троках и Трокском уезде – 415 чел. (342 и 73 чел.) (Памятная книжка Виленской губернии, 1875, с.VII). В Волынской губернии в 1884 г. насчитывалось 110 караимов (47 муж. и 63 жен.), причем все они проживали в Луцке и Луцком уезде (соответственно, 32 муж. и 48 жен. в Луцке, и 15 муж. и 15 жен. в уезде; родилось 5, умерло 6; было заключено 2 брака) (Памятная книжка Волынской губернии, 1885, отд. III, с.16, 22, 28, 37, 54, 55). В 1887 г. в Волынской губернии проживало 102 караима (29 муж. и 43 жен. в Луцке, и 16 муж. и 14 жен. в Луцком уезде); в 1892 г. их насчитывалось 104 чел. (29 муж. и 40 жен. в Луцке, 20 муж. и 15 жен. в Луцком уезде) (Памятная книжка Волынской губернии, 1888, отд. III, с.12; Памятная книжка Волынской губернии, 1892, отд. III, с.12, 13). В начале 1890-х гг., по сведениям, представленным в ТОКДП и.о. трокского гахама Ф. А. Малецким, в Троках проживало 415 караимов, в Вильне – 126, в Поневеже – 279, в Луцке – 103, в Пскове – 43, в Острове (Кукизове) – 23, в Смоленске – 52 (ГАРК, ф.241, оп.1, д. 593, л.191, 193).

Постепенно увеличивалась и численность т.н. «молодых» караимских общин, появившихся в первой половине XIX в. В 1840-х – 1850-х гг. возникают караимские общины в Минской, Витебской, Гродненской губерниях; за счет внутренних миграций растет число караимов, проживавших в других губерниях Российской империи. Всего же в России в 1879 г. проживало 9 725 караимов (муж. и жен.); из них в западных губерниях – 1 137 чел., и в остальных регионах – 8 588 чел. (Гессен, 1912, кол.297).

28 января 1897 г. была проведена «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». Наибольшая численность караимов, как и прежде, была зафиксирована переписью в Таврической губернии (6 166 караимов); что касается западных регионов Российской империи, то опрос дал такие результаты: караимов западных губерний, именовавшихся «трокскими», насчитывалось 1 383 чел. – к их числу были отнесены караимы Виленской, Ковенской, Витебской, Волынской губерний. Наибольшие по численности составы караимской общины были зафиксированы в Троках (377 чел.) и в Вильне (155 чел.). В городах и уездах Ковенской губернии караимов насчитывалось 203 чел. (97 муж. и 106 жен.), в т.ч., в Поневеже и Поневежском уезде – 181 чел. (85 муж. и 96 жен.), в Ковно – 7 чел. (5 муж. и 2 жен.), а наименьшее число зафиксировано в Россиенах (ныне г. Расейний в Литве) – 1 караим (Синани, 1911, с.31; Ковенская губерния, 1904, с.78, 79). В Витебской губернии проживало 49 караимов (26 муж. и 23 жен.), в Лифляндской губернии (Юрьев, Рига и др.) – 58 (32 муж. и 26 жен.), в Курляндской губернии – 2 караима (Витебская губерния, 1901, с.88, 89; Лифляндская губерния, 1905, с.76, 77; Курляндская губерния, 1905, с.76, 77). В губерниях Царства Польского статистика караимского населения выглядела таким образом: в Варшавской губернии проживало 168 чел. (119 муж. и 49 жен.; в т.ч., непосредственно в Варшаве – 16 муж. и 5 жен.), в Радомской – 8 чел. (6 муж. и 2 жен.), Калишской – 8 чел. (2 муж. и 6 жен.), в Петроковской – 7 чел. (6 муж. и 1 жен.), в Сувалкской и Плоцкой – по 2 чел., в Седлецкой и Ломжинской губерниях – по 1 чел. (Варшавская губерния, 1904, с.108, 109; Город Варшава, 1904, с.46, 47; Радомская губерния, 1904, с.62, 63; Сувалкская губерния, 1904, с.63; Седлецкая губерния, 1904, с.78, 79; Калишская губерния, 1904, с.84, 85; Петроковская губерния, 1903, с.90, 91; Плоцкая губерния, 1904, с.60, 61; Ломжинская губерния, 1904, с.60, 61).

В Псковской губернии переписью было зафиксировано наличие 55 караимов (28 муж. и 27 жен.; в т.ч. в самом Пскове и Псковском уезде – 19 муж. и 17 жен.), в Смоленской – 41 (25 муж. и 16 жен.), в Минской – 16 (9 муж. и 7 жен.), в Могилевской – 12 (8 муж. и 4 жен.) (Псковская губерния, 1904, с.46, 47; Смоленская губерния, 1904, с.82, 83; Минская губерния, 1904, с.78, 79; Могилевская губерния, 1903, с.94, 95). Общая численность караимов,

проживавших в Российской империи, в соответствии с данными Всероссийской переписи населения 1897 г., составила 12 894 чел. (6 372 муж. и 6 522 жен.) (Синани, 1911, с.30; Прохоров, 2012, с.665–667).

В первое десятилетие XX в. численность караимского населения губерний Северо-Западного края Российской империи изменялась в сторону увеличения – например, в Виленской губернии в 1904 г. проживал 631 караим (305 муж. и 307 жен. в городах, 13 муж. и 6 жен. в уездах); в 1911 г. там числилось 682 караима (333 муж. и 330 жен. в городах, 13 муж. и 6 жен. в уездах) (Памятная книжка Виленской губернии, 1904, ч.II, с.3; *Памятная книжка Виленской губернии*, 1910, ч.II, с.3). Однако последующие события, связанные с началом Первой мировой войны и начавшейся вынужденной миграцией населения из района боевых действий в другие регионы страны, серьезно скорректировали статистические показатели.

Отметим также, что многие караимы из числа представителей общин, подведомственных ТрКДП, были представлены как в губернских учреждениях, так и в органах местного самоуправления городов Северо-Западного края (Трок, Вильно, Поневежа и др.). Например, с 1856 г. ратманом Трокской городской ратуши состоял Бернард Самуилович Шпаковский (*Памятная книжка Виленской губернии*, 1864, с.139); с 1867 г. в 3-м Ковенском окружном акцизном управлении страшим помощником надзирателя служил тайный советник Ромуальд Ильич Кобецкий (рис.8); коллежский секретарь Феликс Семенович Кобецкий с 1865 г. состоял в должности станового пристава 3-го стана уездного полицейского управления Тельшевского уезда Виленской губернии; депутатом от караимов в Трокской квартирной комиссии с мая 1866 г. был Даниэль Шалтиэлевич Харченко; Авраам Иосифович Рафалович служил главным бухгалтером Минского губернского казначейства (*Адрес-календарь...*, 1868, с.86, 407, 459, 510)⁴.

В 1904 г. при канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора младшим помощником правителя канцелярии числился Моисей Исаевич Пилецкий (окончил Трокское уездное училище, в должности с 17 января 1903 г.); счетным чиновником в Контрольной палате в Троках – Элионор(?) Исаевич Шпаковский (окончил караимское уездное училище, в должности с 1 апреля 1901 г.); и.о. начальника Трокской тюрьмы (в должности с 10 декабря 1900 г.) и членом Трокского городского упрощенного управления (в должности с 26 октября 1898 г.) – Ахиезер Исаакович Зайончковский; членами Трокского городского по квартирному налогу присутствию

⁴ Примечательно, что Ф. С. Кобецкий был награжден медалью «За усмирение польского мятежа 1863–1864 гг.», учрежденной для награждения лиц, участвовавших в подавлении восстания 1863–1864 гг. в западных губерниях; в графе «вероисповедание» у А. И. Рафаловича, закончившего Новогрудское уездное училище, значилось – «магометанское», однако он являлся этническим караимом.

состояли Самуил Семенович Шпаковский и Ахиезер Маркович Безикович (Памятная книжка Виленской губернии, 1904, отд.2, с.6, 85, 238, 241, 242). В состав Виленского городского комитета попечительства о народной трезвости в 1915 г. в должности участкового попечителя состоял караим Иосиф Яковлевич Шишман; и.о. гахама Исаак-Богуслав Нисанович Фиркович входил также в состав городского по квартирному налогу присутствию Вильно (Памятная книжка Виленской губернии, 1915, отд.2, с.36, 213).

Рис.8 Ромуальд Иосифович Кобецкий, трокский гахам в 1902–1911 гг., профессор Новоградской гимназии (фото из журнала «*Myśl Karaimska*», 1936 г.)

Высоким был и уровень благосостояния караимов западных губерний: так, например, в 1906 г. в списках выборщиков в Государственную Думу Российской империи 2-го созыва числились члены Виленской караимской общины, которые соответствовали установленному высокому имущественному избирательному цензу: М. Б. Бабович, братья М. И. и С. И. Дурунча, М. С. Казас, М. Е. Лаврецкий, Д. С. Лопатто, Э. А. Пилецкий, И.-Ф. И. Пилецкий, Э. И. Пилецкий, И. Б. Халецкий, С. И. Халецкий, И. Я. Шишман, Г. С. Юткевич, И. Г. Юхневич, С. Юхневич (Список лиц..., 1906, с.8, 44, 54, 67, 71, 93, 120, 127, 132). Заметную роль играли караимы в развитии экономики и торговли северо-западных губерний России: так, например, в Вильне с 1865 г. существовала табачная фабрика «Дурунча и Шишман» (располагалась на ул. Большой, 86); ее продукция пользовалась устойчивым спросом по всей территории России (заведовал фабрикой, годовой оборот которой доходил до 300 тыс. руб., Моисей Исаакович Дурунча) (Фабрики и заводы, 1913, кол.945); там же имелось представительство известной табачной фабрики киевского промышленника С. А. Когена, торговым агентом которого являлся А. Шпаковский (представительство этой торговой фирмы располагалось в Вильне также по ул. Большой),

и табачный магазин И. М. Козыровича (ул. Немецкая, 3, в доме Слотвинского), где была представлена продукция табачной фабрики Я. С. Кушнарера (Ростов-на-Дону) (Памятная книжка Виленской губернии, 1904, с.ХV).

Длительное время в губерниях Северо-Западного края не было специализированных учебных заведений для караимов. Как сообщал в 1862 г. трокский газзан Ч. (А.) Д. Абкович, в городе «по бедности училища нет, но общество сильно заботится об учреждении училища» (ГАРК, ф.241, оп.1, д.53, л.38). Караимская молодежь получала традиционное караимское образование, посещая частные уроки у караимских газзанов или училище при кенасе (так, например, в Троках в 1894 г. в мидраше работали газзан Ф. А. Малецкий и его помощник шамаш Г. А. Абкович) (Памятная книжка Виленской губернии, 1894, с.275). А в апреле 1897 г. директор народных училищ Виленской губернии А. А. Ильин, при содействии и.о. Трокского караимского гахама, старшего газзана Ф. А. Малецкого, обратился в ТОКДП за разъяснениями относительно планов, программы, учебников и специфики преподавания в русско-караимских министерских училищах (РКМУ) Таврической губернии. Вызвано это было намерением открыть подобное училище в Троках (ГАРК, ф.241, оп.1, д.19, л.9; ГАРК, ф.241, оп.1, д.37, л.63). Составить необходимую справку было поручено известному караимскому просветителю, инспектору Александровского караимского духовного училища (АКДУ) в Евпатории Илье Ильичу Казасу, что и было им сделано летом 1897 г. (ГАРК, ф.241, оп.1, д.728, л.15, 16). Следует также отметить, что члены караимской общины Вильны оказывали материальную помощь и при открытии самого АКДУ. Так, например, братья С. И. и М. И. Дурунча, а также Я. И. Шишман в 1894 г. пожертвовали 500 руб. на нужды этого училища (ГАРК, ф.241, оп.1, д.593, л.253 об.).

Вскоре в Троках было открыто русско-караимское министерское училище, в котором преподавали русский язык и общеобразовательные предметы (О.П., 1913, с.10). Контингент учащихся состоял из 22 чел.; на содержание этого учебного заведения казной выделялось 895 руб. (Хотунцов, 1904, ч.III, с.6). В январе 1897 г. старшему газзану Ф. А. Малецкому для формирования учебной библиотеки Трокского РКМУ И. И. Казас отправил десять экземпляров разработанного им «Практического учебника древнееврейского языка для караимских училищ» (1896 г.) (ГАРК, ф.450, оп.1, д.34, л.8–11).

В 1904 г. в Троках действовало частное начальное караимское училище, преподавателями в котором работали А. О. Дубровский (русский язык и общеобразовательные предметы) и караимский газзан И.-Б. Н. Фиркович («караимское вероучение» и древнееврейский язык) (Памятная книжка Виленской губернии, 1904, отд.2, с.243). Многие представители караимской молодежи

обучались и в средних учебных заведениях: например, в разные годы 1-ю и 2-ю Виленские гимназии окончили караимы Зайончковские, Р. Абкович, Р. и Э. Кобецкие, А. И. Рафалович и др. (Петербургский генеалогический портал). Всего в учебных заведениях Виленской губернии в 1894 г. получал образование 61 караим (Памятная книжка Виленской губернии, 1894, ч. II, с. 123). Несколько караимских юношей обучалось также в бесплатном воскресном классе черчения и рисования для ремесленников при рисовальной школе в Вильне (Хотунцов, 1904, ч. III, с. 7).

После присоединения Крыма к России караимы приступили к активной деятельности, направленной на уравнивание караимского населения в гражданских правах с титульной нацией страны, занимаясь конструированием новой этнической и конфессиональной идентичности и добиваясь ее официального признания. Многочисленные прошения, ходатайства, письма и личные встречи караимских лидеров с представителями власти преследовали одну цель: на уровне российского законодательства закрепить за караимами права и привилегии, которых были лишены российские евреи-раввинисты. Прежде всего, им удалось добиться признания караимов общностью, отличающейся от евреев конфессионально и этнически; и если в первой половине XIX в. внутреннюю политику России можно охарактеризовать как «антиеврейскую», то караимам, напротив, был предоставлен режим наибольшего благоприятствования. В итоге российское законодательство стало рассматривать караимов как отличную от евреев-раввинистов этноконфессиональную общность, проживавшую на территории Российской империи и пользовавшуюся всеми правами и привилегиями, которыми обладали ее русские подданные.

Важным фактором является и то, что в конце XVIII – первой половине XIX вв. источником распространения просвещения и носителями передовых идей среди караимов являлись именно интеллектуалы – выходцы из караимских общин Волыни и Литвы – например, такие, как педагог, богослов и ученый Йосеф Шломо бен Моше Луцкий (1768–1844) по прозвищу «Яшар» (Йа-Ша-Р), его сын Авраам бен Йосеф «Абен-Яшар» Луцкий (1793–1855), Авраам Самуилович Фиркович, Мордехай Султанский и Давид бен Мордехай Кокизов. Все они переехали в Крым в конце XVIII – первой половине XIX в., и именно они внесли решающий вклад в дело распространения идей европейского образования среди караимов (Гаммал, 2013, с. 270–275). Караимскими интеллектуалами было написано несколько основополагающих трудов догматического и богословского характера; помимо этого, М. Султанский, Й.-Ш. Луцкий, Д. Кокизов, А. С. Фиркович в разное время занимали должности газзанов в караимских общинах Таврической губернии. Немаловажным фактором было и то, что под влиянием западной

караимской интеллектуальной элиты находилась верхушка крымской караимской общины (в частности, Таврический и Одесский караимский гахам Симха бен Шеломо Бабович, который, собственно, и был инициатором приглашения караимских интеллектуалов в Крым) (Прохоров, 2009, с.276, 277).

С середины XIX в. представители караимских общин Северо-Западного края Российской империи играли активную роль в экономической и торговой деятельности этого региона. Основными их занятиями являлись сельское хозяйство и торговля. На протяжении длительного времени, вплоть до начала XX в. общая численность проживавших в этом регионе караимов была сравнительно небольшой; преобладающая их часть зафиксирована в городах. Однако с началом Первой мировой войны на территорию Северо-Днепровского Левобережья и в Крым начинают прибывать беженцы из районов, охваченных боевыми действиями – многие из вынужденных мигрантов оседают в Нежине, Сумах, Харькове, Полтаве, Евпатории, частично вливаясь в местные караимские общины.

Библиография

Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф.241, оп.1, д.19, 37, 53, 108, 593, 728; Ф. 450, оп.1, д.34.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).

Адрес-календарь Виленского генерал-губернаторства. Изд. Виленского губернского стат. ком. / Под ред. А. Сементовского. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1868.

Арабаджи А. История возникновения караимской общины в Галиче [в:] *Караїми Галича: Історія і культура. Матеріали міжнародної конференції. Галич, 6–8 вересня 2002*. Львів-Галич: Сполом, 2002, с.89–93.

Ахиезер Г. Караимы Польско-Литовского государства до конца XVII в. [в:] *История еврейского народа в России. Т. 1*. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2009, с.292–320.

Благочестивые братья караимы! [в:] *Караимская жизнь*. М., 1911. Кн. 7, декабрь, с.91.

Варшавская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*; Изд. Центрального стат. ком. МВД / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб., 1904. Т.11.

Витебская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*; Изд. Центрального стат. ком. МВД / Под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1901. Т.V, тетрадь 2.

Воззвание (Братья-караимы!) [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1914, № 6, с.15.

Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м Отделении Департамента Генерального штаба. Т. IX: Ч. 2: Виленская губерния. СПб.: Тип. Генерального Штаба, 1848.

Гаммал М. И. Интеллектуалы против прагматиков: польские караимы в Крыму [в:] *Евреи: другая история*. М.: РОССПЭН, 2013, с.265–286.

Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост.: П. Семенов, В. Зверинский, Р. Маака, Н. Майков, Н. Филиппов. СПб.: Тип. Безобразова и К°, 1865. Т.II.

Гессен Ю., [Гаркави А. Я., Балабан М.]. Караимы [в:] *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем* / Под ред. Каценельсона. СПб., 1912, т.IX, кол.268–298.

[Гессен Ю.] Троки [в:] *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем* / под ред. Каценельсона. СПб.: Б.м., 1912, т.XV, кол.29–31.

Город Варшава [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб., 1904, т. LI.

[Григорьев В. В.] Еврейские религиозные секты в России [в:] *Россия и Азия. Сборник исследований и статей по истории, этнографии и географии, написанных в разное время В. В. Григорьевым*. СПб.: Тип. Бр. Пантелевых, 1876, с.423–446.

Ельяшевич Б. С. Караимский Биографический словарь (от конца XVIII века до 1960 г.) [в:] *Караимы. Материалы к серии «Народы и культуры»* / Под ред. М. Н. Губогло, А. И. Кузнецова, Л. И. Миссоновой. М., 1993, вып. XIV, кн.2.

Зайончковский М. Караимская кенеса в Тракай. Вильнюс, 2007.

Зарахович З. О караимах города Галича [в:] *Известия Таврического и Одесского Караимского Духовного Правления*. Евпатория, 5 августа 1917, № 4, с.20.

Калишская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. В.П. Мещерского, 1904, т. LII.

Кеппен П. И. Об этнографической карте Европейской России по уездам губерний и областей / Рус. геогр. об-во. 2-е изд. СПб., 1853.

Кеппен П. И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1857.

Кобецкайте Г. С. Религия как составная часть национальной культуры и ее значение в жизни литовских и польских караимов [в:] *Архив наследия. 2007: Научный сборник*. М.: РИКиПН, 2008, с.106–132.

Ковенская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1904, т. XLII.

Курляндская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип.-литогр. С.-Петербургской тюрьмы, 1905, т.XIX.

Ливанов Ф. В. Чуфут-Кале (иудейская крепость) в Крыму. С присоединением малоисследованной еще в России секты караимов. Составлено и издано для путешественников. М.: Тип. «Современные известия», 1874.

Лифляндская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. В. П. Мещерского, 1905, т.XXI.

Ломжинская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб., 1904, т. LIV.

Минская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1904, т.XXII.

Могилевская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1903, т. XXIII.

Носоновский М., Шабаровский В. Караимская община XVI–XVIII веков в Деражном на Вольни [в:] *Вестник Еврейского университета в Москве*, 2004, №9 (27), с. 29–50.

О.П. [Пилецкий О.И.]. Ф.А. Малецкий [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1913, №5, с. 9–12.

О.П. [Пилецкий О.]. Ф.А. Малецкий [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1914, №5, с. 10.

Памятная книжка Виленской губернии на 1845 г. Вильна: Тип. А. Дворца, 1845.

Памятная книжка Виленской губернии на 1864 год / Сост. Виленским губернским стат. ком. Вильна: Тип. А. Сыркина, 1864.

Памятная книжка Виленской губернии на 1875 год. Изд. Виленского губернского стат. ком. Вильна: Печатня А.Г. Сыркина, 1875.

Памятная книжка Виленской губернии на 1895 г. Изд. Виленского губернского стат. ком. / Под ред. А.И. Шверубовича. Вильна: Гор. тип., 1894.

Памятная книжка Виленской губернии на 1904 г. / Под ред. Г. А. Хотунцова. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1904.

Памятная книжка Виленской губернии на 1910 г. Изд. Виленского губернского стат. ком. / Под ред. Ю. В. Татищева. Вильна: Губ. тип., 1910.

Памятная книжка Виленской губернии на 1915 г. Изд. Виленского губернского стат. ком. / Под ред. П. А. фон Вонгааза. Вильна: Губ. тип., 1915.

Памятная книжка Витебской губернии на 1865 г. Изд. Витебского губернского стат. ком. / Под ред. А. М. Сементовского. СПб.: Тип К. Вульфа, 1865.

Памятная книжка Волынской губернии на 1886 г. Изд. [Волынского] губернского стат. ком. / Под ред. И. Ф. Мацкевича. Житомир: Тип. губ. правления, 1885.

Памятная книжка Волынской губернии на 1889 г. Изд. Волынского губернского стат. ком. / Под ред. И. Ф. Мацкевича. Житомир: Тип. губ. правления, 1888.

Памятная книжка Волынской губернии на 1894 г. Изд. Волынского губернского стат. ком. / Под ред. И. Ф. Мацкевича. Житомир: Тип. губ. правления, 1894.

Памятная книжка Ковенской губернии на 1891 г. Изд. Ковенского губернского стат. ком. / Сост. К. Гуковский. Ковна, Тип. Ковенского губ. правления, 1890.

Памятная книжка Ковенской губернии на 1898 г. Изд. Ковенского губернского стат. ком. / Сост. К. Гуковский. Ковна, Тип. губ. правления, 1897.

Памятная книжка Ковенской губернии на 1915 г. Изд. Ковенского губернского стат. ком. / Под ред. Е. М. Шефлера. Ковно, 1915.

Петроковская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1903, т. LVI.

Плоцкая губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб., 1904, т. LVII.

Прохоров Д. А. Гаскала в Одессе во второй половине XIX века и ее влияние на караимские общины Юга России: культурно-просветительский аспект [в:] *Ев-*

рейская культура и ее контексты: *Материалы XVI Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике*. М., 2009, ч.3, с.267–286.

Прохоров Д. А. Статистика караимского населения Российской империи в конце XVIII – начале XX вв. *Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии* / Отв. ред. А. И. Айбабин, В. Н. Зинько. Вып. XVII. Симферополь - Керчь, 2012, с.634–705.

Псковская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1904, т. XXXIV, тетрадь II, последняя.

Радомская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Пушкинская скоропечатня Лештукова, 1904, т. LVIII.

Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно русско-подданных караимов. Изд. З.А. Фирковича. СПб.: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1890.

Седлецкая губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. Тов-ва «Художественной печати», 1904, т. LX.

Синани В. К статистике караимов [в:] *Караимская жизнь*. М., 1911, кн. 1 (июнь), с.31.

Смоленская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. С.-Петербургской тюрьмы, 1904, т. XL.

Смолинский И. Караимы и их храм в Луцке [в:] *Караимская жизнь*. М., 1912, кн. 12 (май), с.21–35.

Список лиц, пользующихся правом участия в выборах в Государственную Думу по 4-му избирательному участку г. Вильны. Сост. Виленской городской управой. Вильна: Губ. тип., 1906.

Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел, Центральным статистическим комитетом. Вып. II. Наличие населения империи за 1858 год / Под ред. А. Бушуева: Вступ. ст. А. Тройницкого. СПб.: Тип. К. Вульфа, 1863.

Сувальская губерния [в:] *Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897*. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. печ. и писчебум. дела в России «Слово», 1904, т. LIX.

Таблица народонаселения Ковенской губернии за 1847 год [в:] *Книжка Ковенской губернии на 1848 год*. Ковна: Губ. тип., 1847, с.19.

Тирияки В. З. Крымские караимы: прошлое, настоящее будущее [в:] *Архив наследия. 2007. Научный сборник*. М.: РИКИПН, 2008, с.133–160.

Фабрики и заводы всей России. Сведения о 31523 фабриках и заводах. К.: Изд-во Тов. Л. М. Фиш, 1913.

Хотунцов Г. Материалы к народному образованию в Виленской губернии к 1 января 1903 г. [в:] *Памятная книжка Виленской губернии. 1904 г.* / Под ред. Г. А. Хотунцова. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1904, ч. III, с.1–13.

Хроника текущей жизни. Общие известия. Выборы трокского гахама [в:] *Караимская жизнь*. М., 1911, кн. 3–4 (август-сентябрь), с.114–115.

Хроника текущей жизни. Торжество закладки кенасы в Вильно [в:] *Караимская жизнь*. М., 1911. Кн. 5–6 (октябрь-ноябрь), с.121–125.

Хроника текущей жизни. Вильна [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1914, №5, с.22.

Хроника текущей жизни. Сбор в пользу погорельцев Галича [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1914, №7–8, с. 20–22.

Хроника текущей жизни. Добровольное пожертвование [в:] *Караимское слово*. Вильна, 1914, №7–8, с.23–24.

Abkowicz R. Sany Hazzanłarynyn Trok Dzymatnyn [w:] *Karaj Awazy*. Łuck, 1936, №10, s.2 (okładka).

В.р. Bogusław Firkowicz (Z powodu 10-ej rocznicy zgonu) [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna, 1926, 1 Lipca. z.III, t.I, s.17–18.

E. K. Kienesa Karaimska w Wilne (Z powodu rocznicy poświęcenia) [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna, 1924, 20 Października, z.1, s.23.

Kizilov M. The arrival of the Karaites (Karaims) to Poland and Lithuania: A survey of sources and critical analysis of existing theories [in:] *Archivum Eurasiae Medii Aevi*, vol.12, 2002–2003, p.29–45.

Kizilov M. The Karaites of Galicia: An ethnoreligious minority among the Ashkenazim, the Turks, and the Slavs, 1772–1945 [in:] *Studia Judaeoslavica* / Ed. by A. Kulik. Leiden-Boston: Brill, 2009, vol. I.

Kizilov M. The Lithuanian plague of 1710 and the Karaites. A poem of lament in the Karaim Language from Tadeusz Kowalski's Archival Collection [in:] *Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Science*, 2011, vol.57, № 2, p.31–48.

Ribbiĕr: kajsyłar hazzanlyk ettiĕr Łuckada bašlap burunhu jarymyndan XIX izjilnyn [w:] *Karaj Awazy*. Łuck, 1935, z.3(5), s.16.

Szapszał H. S. Š. P. Hachan Romuald Kobecki (Z powodu 25-lecia jego zgonu) [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna, 1936, z.11 (1935–1936), s.80–84.

Szemaja-bień-Awraham [Firkowicz] Jarych sahyncz abajły üriatiuwczugia P. Maleckigia (1854–1928) [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna, 1929, 15 Marca, z.I, t.II, s.46–48.

Tablica Statystyczna šlubów, urodzin i zgonów Karaimow w Haliczu od r. 1830 do r. 1923 [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna, 1924, 20 Października, z.I, s.33.

Trakai. Praeities veidai: [nuotraukų albumas / sudarė Nadežda Zajančkovskaja]. Vilnius [i.e. Trakai: Trakų istorinio nacionalinio parko direkcija], 2013.

Z.Z. [Zarachowicz Z.]. Restauracja Kienesy [w:] *Myśl Karaimska*. Wilna. 1925, 1 Lutego, z.II, s.42.

Zarachowicz Z. Łuwachy hazzanłarnyn Halicte [w:] *Karaj Awazy*. Łuck, 1935, z.8, s.23.

Петербургский генеалогический портал. Выпускники Виленских гимназий. [Электронный ресурс]. <<http://www.petergen.com/history/wil1gim.shtml>; <http://www.petergen.com/history/wil2gim.shtml>>

Abkowicz M. Abkowicz Rafał (16.03.1896–12.09.1992), S.a. [Электронный ресурс]. <<http://www.jazyszlar.karaimi.org/index.php?m=8&p=64>>

Михаил Бейнфест – «...активный враг Советского Союза»

Среди первых переселенцев Биробиджанского района – будущей Еврейской автономной области – скромная фигура Михаила Азрайловича Бейнфеста была незаметной, но всегда очень востребованной. О его трудовой и общественной деятельности, участии в экспедициях, работе в Научной комиссии были известны лишь отрывочные сведения, иногда вводящие в заблуждение. Так, например, в книге Д. Вайсермана «Биробиджан: мечты и трагедия» Бейнфест, по воспоминаниям Иосифа Баскина, бывшего заведующего переселенческим отделом (Вайсерман, 1999, с.38), назван Соломоном Иосифовичем (Вайсерман, 1999, с.86).

Только недавно, когда стало доступно его уголовное дело №П-97117, хранящееся в архиве ФСБ г. Омска, представилась, наконец, возможность рассказать более подробно о жизни этого человека: трудовой и общественной деятельности в Белоруссии, участии в трех экспедициях по Биробиджанскому району, активной работе в переселенческом пункте Тихонькая, создании Научной комиссии, работе в представительстве Центрального Совета Общества землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ). Более десяти лет он проработал в Еврейской автономии, получив в награду за труд приговор, вынесенный решением Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел (НКВД) СССР от 4 декабря 1939 г. за активную антисоветскую деятельность (ст. 58-1а, 58-7, 58-8, 58-11 УК РСФСР) и заключение к 5 годам ИТЛ. Этот приговор можно было бы посчитать в те годы еще мягким наказанием – первая статья вообще была «расстрельной». Однако арест и казнь Н. И. Ежова, руководителя НКВД, а также начавшаяся в партии борьба с «ежовщиной» (напомним, что 10 апреля 1939 г. Ежов был арестован, а 3 февраля 1940 г. расстрелян), возможно, повлияли на решение суда при вынесении меры наказания М. Бейнфесту. Его супруга Софья Либерман избежала репрессий: она не была арестована вслед за мужем, как жена изменника Родины. М. А. Бейнфест был реабилитирован только спустя пятьдесят лет – 2 ноября 1989 г. по заключению прокуратуры Хабаровского края в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года.

Протоколы допросов из уголовного дела в наше время однозначно воспринимаются как надуманные обвинения, немислимый бред. Представляя ту обстановку, сложившуюся вокруг руководителей области, да и простых

работников, которым следователи предъявляли обвинения, заставляя подписывать каждую страницу, пропитанную ложью, понимаешь весь ужас состояния Бейнфеста, далеко не молодого и, к тому же, больного человека. Его обвиняли в шпионаже, контрреволюционной деятельности, диверсионной работе и т.п.

Данная статья написана по документам областного государственного архива, а также воспоминаниям Иосифа Баскина, сидевшего в одной тюремной камере с М. Бейнфестом в 1939 г., и его коллеги по работе в Научной комиссии Эстер Розенталь-Шнайдерман; автору посчастливилось взять интервью у Бориса Бейнфеста, племянника М. Бейнфеста, ныне проживающего в Германии; документы уголовного дела предоставлены автору по его запросу УФСБ по Еврейской автономной области.

Михаил Бейнфест родился в декабре 1885 года в деревне Хатоли Яловичского района Витебской губернии в Белоруссии (ОА, Уголовное дело..., л.283). Через три года семья переехала в Витебск, где прошли его детство и юность. Его отец – Азарий (Азриел) и мать Бейла имели там свой дом на Задуновской улице (ныне – проспект Фрунзе). В семье было восемь детей: сыновья – Михаил (старший) и Яков, и дочери (по старшинству) – Хена, Ревекка, Хана, Сусанна, Нися и Женья. Можно предположить, что Азриел был известной личностью в городе, много лет проработал казенным раввином в хоральной синагоге и занимался регистрацией записи рождений, браков, разводов, смертей. Умер он в 1916 году. Бейла была домохозяйкой. После смерти мужа она жила на иждивении детей и умерла в 1932 году (Интервью с Б. Бейнфестом).

В большой семье Бейнфеста не было недостатка и, возможно, поэтому в автобиографии Михаил вспоминает о постоянной нужде и безрадостном детстве. Учитывая, что Азриел работал в синагоге, своего первого сына он определил в хедер, где тот учился до 13 лет и лишь после этого его отдали в Суражское уездное училище, где он в течение трех лет обучался, в том числе русскому языку.

С 16 лет, с февраля 1901 года, начинается его трудовая деятельность на заводе земледельческих орудий Л. И. Левинтова в г. Витебске. В 1904 году Михаил вступает в Еврейскую социалистическую рабочую партию (ЕСРП) и принимает активное участие в ее работе, выполняя различные поручения, участвуя в организации и проведении нелегальных собраний, транспортировке и распространении нелегальной литературы. Короткий период времени Бейнфест заведовал паспортным бюро и полтора года – с 1906 по 1907 гг. – подпольной типографией (ОА, Уголовное дело..., л.284).

В 1907 году его призывают в царскую армию и вскоре освобождают от военной службы как ратника ополчения 2-го разряда. На следующий год

Михаил примкнул к Бунду, за деятельность там подвергался преследованиям вплоть до Октябрьской революции 1917 г. В тот же период он устраивается на работу в Смоленске, где трудится на бакалейных и рыбных складах братьев Могилевкиных и хлебных складах Шнеерсона. В августе 1910 г. Михаил возвращается в родной Витебск – обратно на завод земледельческих орудий Л. И. Левинтова. С началом Первой мировой войны в сентябре 1914 г. он уволился с завода и поступил в Витебский общественный лазарет, Лазарет №10 Союза городов, где работал заведующим хозяйством в звании санитаря Российского Общества Красного Креста.

После революции Бейнфест был демобилизован и послан на работу в пригородный совхоз «Троичино», затем в июле 1919 г. был избран Витебским губернским советом профсоюзов в члены рабочего комитета содействия при Наркомземе РСФСР и перешел на работу в качестве ответственного секретаря Витебского Рабкомсода (Рабочего комитета содействия). Как отмечает Бейнфест в автобиографии, несмотря на то, что он состоял в Бунде, он «примкнул к товарищам, требовавшим ликвидации Бунда и вступления в ВКП(б)» (ООА, Уголовное дело..., л.284). В апреле 1920 г. вступил в ряды ВКП(б).

Этот год стал для Михаила не только определяющим в политической деятельности. Он принял решение жениться. Его супругой стала учительница Шифра Либерман, которая вслед за ним поехала в Тихонькую, став в последующие годы в Биробиджане инспектором по дошкольному воспитанию детей. Собственных детей у них в семье не было.

В сентябре 1920 г. М. Бейнфеста направляют на работу в Витебское Единое потребительское общество (ЕПО), где его избирают в члены правления, а затем – заведующим агрономическим отделом. Это сыграет в дальнейшем ключевую роль в судьбе, которая свяжет его с Биробиджаном. В феврале 1922 г. Витебский губком командирует Бейнфеста в Латвию для реализации сырья и закупки продуктов. По возвращению из командировки, он вновь занялся работой в агрономическом отделе в Витебске.

В 1923 г. в Витебске было открыто бюро Общества распространения труда (ОРТ), которое помогло выжить еврейским земледельческим артелям, существовавшим в Витебской губернии. М. Бейнфест был назначен первым председателем Витебского губернского комитета ОРТ (ООА, Уголовное дело..., л.285). Однако подлинный расцвет еврейского сельского хозяйства произошел после того, как 29 августа 1924 г. специальным постановлением ЦИК СССР был создан Комитет по земельному устройству еврейских трудящихся (КОМЗЕТ), а вслед за ним 17 января 1925 г. – Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ).

Летом 1924 г. М. Бейнфест занялся созданием еврейской детской сельскохозяйственной коммуны им. Лукишни, а в июле того же года назначен ответственным секретарем Белкомзета при Президиуме ЦИК БССР. Он переезжает в Минск, где работает в этой должности до марта 1928 г. (ОА, Уголовное дело..., л.285-286).

Старший сын Азриела и Бейлы – Михаил Бейнфест был одним из «искателей счастья» – первым поселенцем и организатором Еврейской автономной области на Дальнем Востоке, одним из ее руководителей.

Учитывая опыт работы М. А. Бейнфеста в качестве заведующего агрономическим отделом, а также в организации еврейских сельскохозяйственных артелей в Белоруссии, он командирован в мае 1927 г. на Дальний Восток для участия в экспедиции профессора Б. Л. Брука (Бренер, 2007, с.39-49) по изысканию крупного земельного массива, пригодного для переселения трудящихся евреев. Экспедиция работала на Биробиджанском массиве почти два месяца, и только к осени Бейнфест вернулся обратно в Минск. Уже тогда он влюбился в эти дальневосточные просторы, в которых, как он увидел, были скрыты несметные богатства. Они побывали в казачьих поселениях, расположенных вдоль Амура, сделали детальный анализ имеющихся возможностей для занятия будущими евреями-переселенцами сельским хозяйством, индустриальным трудом.

В марте 1928 г., согласно постановлению КП(б) Белоруссии, М. А. Бейнфест был направлен в Биробиджан для постоянной работы (ОА, Уголовное дело..., л.286). Бейнфест первым приехал на станцию Тихонья и сразу занялся подготовкой к приему переселенцев. В тот период этот полустанок рассматривался как переселенческий пункт, где прибывавших переселенцев надо было временно, на 2-3 дня, разместить, сводить в баню, накормить, переписать, определить их специальности, выслушать просьбы и пожелания и затем выдать разрядку на переселенческий участок, оформив в кредит простейшие орудия труда для занятия сельским хозяйством, в том числе лошадей, телеги, различный инвентарь, который имелся на тот момент на складе. С сопровождающим поселенцы отправлялись в путь к предложенному им участку, и этот путь мог занимать несколько дней. Именно в этом, заключались его обязанности, учитывая, что он, уже был здесь и знал, наверное, больше других об этой земле.

В числе первых прибывших переселенцев в том году было 150 земляков Бейнфеста из Витебска, Гомеля, Бобруйска и других городов и местечек Белоруссии (Вайсерман, 1993, с.51). Распределив первую партию переселенцев по различным участкам, М. Бейнфест поехал на Опытное поле, которое стало на тот период центром переселенческих усилий Биро-Биджанского района. Здесь при его активном участии был организован первый

еврейский сельсовет, кооператив и кредитное товарищество «Пионер». 8 июля 1928 года правление товарищества единогласно избрало М. Бейнфеста своим председателем. Он также был избран членом Биробиджанского сельского совета первого созыва. В октябре М. Бейнфеста вернули в Тихонькую и назначили заведующим переселенческим подрайоном, поручив ему организационную работу по приему прибывающих переселенцев.

Об этих событиях в 1935 г. будет написана первая серьезная научная работа М. Кадышевича «Биробиджан в литературе [Реалии. Материалы к истории Еврейской Автономной Области]», опубликованная в журнале «*Виснишафт ун револуцие*». Анализируя работу Меира Альбертона, автора документальной повести «Биробиджан», посвященную освоению переселенцами Биробиджанского района, Кадышевич приводит высказывание Альбертона о Бейнфесте, которое подчеркивает его первостепенную роль как главного организатора по приему переселенцев: «Следует отметить, что за считанные месяцы [Подготовка началась в январе – феврале 1928 г., в марте уже первые деятели [ОЗЕТа] – тов. Бейнфест, Финкельштейн и другие были в Биробиджане – *И.Б.*] аппарат КОМЗЕТа многое сделал: к приезду переселенцев (в начале мая и позднее) на месте были уже лошади из Сибири и Забайкальской области, упряжь, продукты, сельскохозяйственные орудия, был создан определенный аппарат, были приглашены первые агрономы, инструкторы из местных казаков, которые должны были научить переселенцев, как запрягать коней, пахать и т.д.» (Бренер, Заремба, 2013, с.516-517).

Летом 1929 г. Михаил Бейнфест, как один из членов экспедиции Брука, прошедших более 1500 км по территории Биробиджанского района, был направлен для участия в работе экспедиции американской организации помощи еврейскому землеустройству в СССР ИКОР. В течение двух месяцев Биробиджанский район обследовала весьма серьезная комиссия ИКОР, которую возглавил профессор Франклин Гаррис. В комиссию вошли ученые в области сельского хозяйства и колонизации. Собранный в отчете материал приводит подробные таблицы о количестве осадков, температуре, климате, природных богатствах, видах животных и растений. Большое место в отчете было уделено описанию водных ресурсов, вопросам ирригации, использованию силы воды. Авторы книги – профессора Ф. С. Гаррис, Б. Браун, Дж. Б. Давидсон, доктор Ч. Кунц, К. Б. Саулс, Л. Талми – в своем предисловии упоминают, что много материалов не вошло в книгу, и ещё требует дальнейшей разработки (Бренер, Заремба, 2013, с.189).

Эта экспедиция, учитывая ее состав и цели, вызвала повышенный интерес не только в России. Отчет американской экспедиции стал важным документом в качестве аргументации в работе с противниками Биробиджанского

проекта, как внутри страны, так и за рубежом. Проведенная ИКОР работа практически сразу начала давать отдачу. В Биробиджанский район организовано стали поступать из США, а затем из других стран материалы и оборудование, трактора, машины. В Смидовичском районе название «Икор» дали соцпоселку, а в течение нескольких лет более полутора тысяч иностранных переселенцев из разных стран прибыли строить Еврейскую автономию.

Учитывая опыт М. Бейнфеста, отработавшего в двух экспедициях и побывавшего почти во всех населенных пунктах района, в ноябре 1929г. его назначают начальником Биробиджанского переселенческого отряда. В связи с предполагаемым приездом в район большого количества переселенцев летом 1930 г. Наркомзем назначает его начальником Биробиджанской группы по обследованию и паспортизации земельных массивов (ООА, Уголовное дело..., л.286). Это была его уже третья экспедиция по территории будущей еврейской области.

В это же время М. Бейнфест пишет большой очерк «Валдгейм и Бирефельд», который публикуется в журнале «Трибуна», органе Центрального правления ОЗЕТ, УкрОЗЕТ и БелОЗЕТ – единственном журнале, издававшемся на русском языке, посвященном вопросам переустройства жизни еврейских трудящихся. Учитывая, что Бейнфест сам организовывал и принимал активное участие в описываемых событиях, он удивительно точно подходит к определению исторической оценки образования на далекой восточной окраине Советского Союза двух еврейских сельсоветов в Валдгейме и Бирефельде. Он отмечает, что «Бирефельд – первый еврейский сельсовет на Дальнем Востоке, он основался в тот момент, как только в Биробиджане появились первые переселенцы и осели на его опытном поле». «Открытие сельсовета, – пишет далее Бейнфест, – состоялось в чистом поле посреди девственной тайги под открытым небом: импровизированная досчатая трибуна посреди поля и пара десятков скамеек; а вокруг временные переселенческие палатки на общем фоне нескольких построек бирского опытного поля, в которых пионеры Биробиджана обрели себе первый приют и пристанище в этом малозаселенном, незнакомом месте. <...> Все чувствовали себя участниками большого дела, которое должно открыть новую страницу в усилиях еврейской трудящейся бедноты к переходу на сельскохозяйственный образ жизни, на трудовой путь. ... Так в новой стране новые люди организовали свой новый сельсовет» (Бейнфест, 1930, с.7).

М. Бейнфест проводит параллель между этими двумя населенными пунктами, расположенными друг от друга на расстоянии шестидесяти километров и имеющими разницу во времени со дня своего основания всего полтора года. Участок Бирма – первое название Валдгейма – был расположен среди глухой непроходимой тайги. На открытии сельсовета в Бирме

присутствовали представители разных организаций: краевого исполкома и окрисполкома, парткомитета, профсоюзов, жители соседних сельсоветов, представители КОМЗЕТ, ОЗЕТ, Биробиджанского отряда. Из Тихонькой приехал драмкружок, чтобы принять участие в торжествах. «Как много было положено трудов и перенесено лишений, – утверждал Бейнфест, – чтобы освоить это место, и вот теперь в результате этой гигантской борьбы эта горсточка людей может с гордостью заявить:

– Да, мы победили, мы прочно осели на земле, мы заслужили свой сельсовет» (Бейнфест, 1930, с.9).

На первом заседании, среди многих вопросов, было принято решение дать новое красивое и содержательное имя селу. Именно тогда было предложено присвоить поселку название «Валдгейм» (с идиша – «дом в лесу»), которое было принято при всеобщем одобрении. Бейнфест проникновенно отмечал: «Пусть знают и помнят наши дети, внуки и правнуки, как мы пришли сюда в лес, как тяжело боролись с лесной стихией, пока вышли победителями и основали здесь на этом месте свой новый очаг, новый дом» (Бейнфест, 1930, с.9).

Бейнфест понимал, что эти события обязательно войдут в историю Еврейской автономии, в историю переселенческой деятельности как первые шаги по созданию первых органов власти во вновь образованном национальном районе на Дальнем Востоке. Он закончил свой очерк, четко расставив акценты в еврейской истории: «В открытой степи под открытым небом во временных палатках организовался Бирельфельдский сельсовет. Это был первый этап на пути переселения евреев в Биробиджан. После полутора лет тяжелого труда, уже на обсемененных полях и в построенных постоянных домах, организовался сельсовет в Валдгейме. Это второй этап на пути переселения евреев в Биробиджан». (Бейнфест, 1930, с.9)

В ноябре 1930 г. Михаила Бейнфеста направляют на курсы директоров зерносовхозов в Москву. По возвращению из командировки он был направлен на работу директором Амурско-Бирского маслосовхоза, что был расположен в селе Надеждинское Биробиджанского района.

В июне 1932 г. М. Бейнфеста назначают председателем райплана, где он проработал в этой должности полгода, затем его перевели заведующим райздравом. Летом 1933 г. из Москвы в Биробиджан прибыла группа архитекторов, которую возглавлял Ханнес Майер. Биробиджанский горсовет и Городская планировочная комиссия организовали предварительный осмотр площадки, намеченной под постройку нового города Биробиджана. В осмотре местности вместе с бригадой Х. Майера приняли участие представители 45 учреждений и предприятий города, в том числе от горсовета (райплана) – Бейнфест (ГАЕАО, ф.4, оп.1, д.411, л.36).

Весной 1934 г. в Биробиджан пришло письмо, адресованное Центральному Совету ОЗЕТ, копия – в Биробиджан, уполномоченному ЦС ОЗЕТ Бейнфесту: «В Кисловодский Горсовет ОЗЕТа обратился композитор Свердлов Я. М. с следующим предложением: Им написана Еврейская рапсодия, посвященная Биробиджану (Выделено мною. – И.Б.). Сюжет составлен из фольклорных народных еврейских современных песен в классическом стиле. Эта композиция просмотрена и имеет разрешение Главрепертуара при Наркомпросе РСФСР для исполнения в пределах РСФСР» (ГАЕАО, ф. Р.3 оп.1, д.263, л.69). В ответном письме Бейнфест просил ЦС ОЗЕТ приобрести эту рапсодию, переложив ее партитуру для симфонического оркестра малого состава и духового оркестра, сделав доступной для широких масс.

Накануне событий, связанных с проведением организационных мероприятий по созданию и формированию государственных органов Еврейской автономной области, М. А. Бейнфест в октябре 1934 г. назначается заведующим орготделом облисполкома и принимает самое деятельное участие в подготовке исторического для области события.

Первый областной съезд Советов, состоявшийся 18 декабря 1934 г., подвел итоги шести лет работы и завершил процесс оформления национальной автономии. Первым председателем облисполкома ЕАО был избран И.И. Либерберг (ГАЕАО, Ф. Р-75, оп.1, д.6, л.149-150).

Изучив положение дел в области, И. И. Либерберг пришел к выводу о необходимости создания центра по координации и планированию важнейших текущих вопросов перспективного развития территории. 9 апреля 1935 г., по решению Далькрайисполкома, и в целях изучения производительных сил и культуры ЕАО, Президиум облисполкома ЕАО постановил учредить при облисполкоме Научную комиссию по изучению производительных сил и культуры области. Председателем комиссии был назначен М. А. Бейнфест (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.3, л.1.). Можно считать, что Иосиф Либерберг сделал правильный выбор, так как более сведущего человека, знающего область, трудно было бы найти.

13 апреля 1935 года на первом заседании комиссии присутствовали председатель облисполкома И. Либерберг, М. Бейнфест, И. Шварцбард – заведующий отделом культуры и пропаганды обкома ВКП(б), А. Волобринский – инструктор обкома ВКП(б) и А. Канторович – заместитель председателя облисполкома ЕАО. На заседании были рассмотрены четыре вопроса: о структуре комиссии, план работы, положение о работе комиссии, смета и штатное расписание (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.2. л.1-1 об.). Комиссия должна была стать постоянной, находиться при облисполкоме на правах отдела с собственным штатом и сметой. В штатное расписание, помимо председа-

теля, предлагалось ввести три научных сотрудника, научного секретаря, библиотекаря-архивариуса, библиографа и секретаря-машинистку.

Фото 1 Михаил Бейнфест с женой Соней, 1935 год.
Фото предоставлено автору Б. Бейнфестом.

Утвержденные на комиссии направления работы по секциям показывают широкий охват всего комплекса задач формирующейся ЕАО. В их числе: сельскохозяйственная, по изучению природных богатств, историческая, социально-экономическая, педагогическая, языковедения, этнографическая, литературы и критики, марксизма-ленинизма. Секции должны были действовать вместе с учреждениями, которые отсутствовали в то время в области, и их ещё предстояло создать, в том числе: библиографическое бюро, библиотеку, архив печати, исторический архив, музей. На комиссию возлагалась координация вопросов, связанных с развертыванием производительных сил и культурного строительства области, подготовка к изданию работ по утвержденной тематике, чтение научных докладов, организация экспедиций, проводимых как по инициативе комиссии, так и другими организациями. В задачи комиссии входил сбор архивного, исторического, этнографического материала, а также экспонатов, связанных с изучением производительных сил и естественных богатств области.

Разработанный комиссией план работы был нацелен на решение первоочередных задач области. Прежде всего, это – обобщение всего имеющегося материала о естественных богатствах области. Предполагалось составить опись и собрать резюме всех имеющихся материалов, различных экспедиций, изучавших природные ресурсы, обобщить документы всех органов, координировавших эту работу, собрать материалы различных трестов и научно-исследовательских организаций, работавших в регионе. Этому

направлению работы придавалось особое значение, так как уже 25 июля 1935 г. было намечено заслушать доклад по этому вопросу, внести предложения в Президиум облисполкома и подготовить к концу года к печати сводную таблицу о естественных богатствах области.

Другой темой работы стало развитие сельского хозяйства. На базе Опытной станции в с. Бирофельд научные работники совместно с М. Бейнфестом должны были подготовить стратегию развития сельского хозяйства и выработать предложения по этому вопросу.

Учитывая, что освоение области напрямую зависело от организации работы по переселению, комиссия наметила «изучить вопрос о переселении, динамике переселения, качественного состава переселенцев и об их размещении» и к ноябрю 1935 г. подготовить научную работу на данную тему.

Одним из наиболее интересных проектов этого плана можно считать намеченные изыскания целебных источников в области. Бейнфест вместе с доктором Лейзером Менделевичем Брудным – хирургом, ставшим впоследствии одним из самых известных докторов в области – должен был собрать имеющийся материал, который был подготовлен бригадой Наркомздрава УССР в 1934 г. и договориться с руководителем этого ведомства о проведении совместной экспедиции с украинскими врачами в сентябре 1935 г.

Комиссия наметила конкретные цели и задачи по изданию атласа Еврейской автономной области, составлению библиографии ЕАО, подготовке к созданию архива и музея в области, подготовке к печати экономико-статистического справочника, монографии о школьном деле.

Среди насущных вопросов деятельности комиссии в план работы была включена пропагандистская работа – доклады и лекции; была расписана тематика выступлений для каждого члена комиссии. Комиссия определила три ключевых направления для выступлений: педагогические вопросы, социально-экономические и естественные богатства ЕАО (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.3, л.3). Так, член комиссии тов. Шнайдерман должен был подготовить выступления: «Методика по домашним заданиям», «О работе с отстающими детьми», «О еврейской социал-фашистской педагогике в Польше», «О детских организациях Бунда в Польше». Тов. Волобринскому предлагалось выступить с темами: «Диалектика в природе», «Ленинский этап в науке», «Философия в природе и в науке» и по диалектическому материализму. Товарищам Канторовичу и Бейнфесту необходимо было рассказать о естественных богатствах области. К данной просветительской работе предстояло подключить научных сотрудников Опытной станции с их тематикой работы (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.3, л.6).

25 июля на заседании Президиума облисполкома был заслушан вопрос «О плане работы научно-исследовательской комиссии по изучению произ-

водственных сил ЕАО при Облисполкоме». В этом документе впервые указывалось на необходимость «предусмотреть в плане строительства 1936 г. постройку здания для размещения в нем областного архива, областного музея, научной комиссии и аудитории в 75 чел.» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.1, л.1).

Через неделю после заседания Бейнфест направляет в облисполком докладную записку, в которой просил принять безотлагательные меры по сохранению, сбору и обработке имеющихся документов и материалов. Он, в частности, писал: «Пройденный семилетний этап является историческим отрезком, имеющим особо важное значение как отражающий первые шаги и этапы заселения и строительства области. Все дела, материалы и документы, относящиеся к этому периоду, имеют особо важное значение. Их необходимо с особой тщательностью и вниманием собирать и сохранять. К сожалению, у нас эти материалы и документы не только не собираются и не сохраняются, но отношение к ним просто варварское... В районах и сельсоветах архивный материал свален в кучи в коридорах и кладовых, и каждый, кому не лень, растаскивает их на кучу или обертку. Весьма естественно, что при таких условиях исчезают многие дела и документы, имеющие большую историческую ценность» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.1-2). В записке выражается сожаление, что не удастся получить необходимое для этих целей помещение и организовать работу областного архива. Бейнфест выделяет необходимость организации архива при Научной комиссии, где должны были бы концентрироваться материалы, имеющие историческую и научную ценность. Он считает, что эти материалы должны охватывать не только этап заселения области трудящимися евреями, но и более ранние периоды. Так, М. Бейнфест обращал внимание на ряд событий, которые, по его мнению, заслуживали особого внимания: заселение Амурской полосы забайкальскими казаками в 1858–1861 гг., переселение на Амур корейского населения в 1859–1861 гг., постройка «Колесухи» в 1898–1909 гг.¹, «Боксерское восстание» 1899 г., русско-японская война 1904–1905 гг., интервенция, «белогвардейщина», партизанское движение, борьба за Советскую власть, бои под Волочаевкой, переселение трудящихся евреев, китайский конфликт

¹ «Амурская колесуха» – большая грунтовая дорога вдоль Амура; ее протяженность около 2 тыс. км. Строилась она трудом арестантов в 1898–1909 гг. Ежегодно на строительстве дороги трудилось до 1 тыс. чел. «Колесуха» начиналась у с. Покровки (возле Хабаровска), шла на Волочаевку, и далее тянулась в юго-западном направлении через села Русская Поляна, Надеждинское, Чурки, Бабстово, Преображеновка, через Хинганский хребет выходила у с. Раде и дальше проходила по берегу реки Амур через с. Пашково на Благовещенск. Доклад Главного тюремного управления в 1900 г. отмечал: «Примера подобного сооружения, по его грандиозности, по тем затруднениям, с которыми сопряжена была прокладка дороги в пустынной, почти незаселенной и малодоступной местности, еще не было в тюремной практике других государств» (цит. по: Сибирская Советская Энциклопедия, т. I, М., 1929, стлб. 101).

1929 г. и т.д. «Многие материалы по этим важным историческим событиям теряются, живые свидетели постепенно уходят, и многие из этих материалов трудно будет восстановить», – заключает Бейнфест (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.3).

Отсутствие помещений не давало комиссии возможности развернуть работу в полном объеме. В плане работы комиссии на 1936 г. стояли более конкретные задачи, связанные с подготовкой к изданию различных сборников, пособий, учебников, фотоальбомов, проведением экспедиций. В плане значились книги: «Школьное дело в ЕАО», «История еврейского переселения в ЕАО», «К истории гражданской войны на территории ЕАО», «Еврейская терминология Советского строительства (терминология госаппарата, банковская и бухгалтерская терминология, терминология связи)»; «Самоучитель еврейского языка для лиц другого родного языка», «Экономическая география ЕАО», «Стахановское движение и его развитие в ЕАО», сборник «Люди ЕАО», «Собрание этнографических материалов», «Предварительная разведка хребта Шуки-Пактой с точки зрения стройматериалов» и фотоальбом области (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.3, л.7).

От имени комиссии М. Бейнфест подготовил несколько докладных записок в Президиум облисполкома, обком ВКП(б). Представляет интерес докладная записка «Об организации регулярных пароходных рейсов по р. Бире и местного пароходного сообщения по р. Амур», в которой дается оценка сложившегося положения по этой проблеме и предложения по организации речного сообщения. Он считал возможным открытие пароходного речного сообщения по трем рекам – Бире, Биджану и Тунгуске. Вину в том, что не открыто речное сообщение в области, он возлагал на хозяйственников, которые, по его мнению, будучи подвержены косности и консерватизму, «упорно отклоняются от этого вопроса» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.5).

М. Бейнфест напоминал о принятых ранее правительственных постановлениях, в том числе по установлению регулярных пароходных рейсов по реке Бире, и внес ряд предложений по безотлагательному решению этой задачи до начала навигационного периода. Он считал, что открытие речной транспортной связи позволит обеспечить регулярное поступление грузов и продовольствия в областной центр, в том числе овощей, молочных продуктов, рыбы и др. Бесперебойно пойдет в область горючее, сельхозмашины, почта и, конечно, пассажиропоток, что позволит решить задачи по строительству области (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.6).

Необходимость скорейшего решения этой проблемы подтверждалась в другой докладной записке Бейнфеста, посвященной организации заезжих пунктов в области. Даже краткий анализ состояния дорог – это три основные магистрали, в том числе Биробиджан – Калинино через Блюхерово,

Биробиджан – Надеждинское и Облучье – Радде через Пашково – говорит об ограниченности транспортной инфраструктуры.

Связь по области осуществлялась, в основном, в зимний период гужевым и автотранспортом. Бейнфест в докладной записке, говоря об этой проблеме, делает удивительно яркое и точное определение сложившейся ситуации: «...Поездки от Биробиджана до Амурзета сопряжены с большими трудностями и являются своего рода подвигом... По проходящим магистралям должны быть организованы заезжие пункты для проезжих где они, хотя бы за плату, могли бы остановиться отдохнуть и получить, что им нужно... Пора уже, чтобы поездки по нашей области превратились из “путешествий с приключениями” в нормальные поездки, обеспеченные соответствующими заботами о человеке» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.7). В областном государственном архиве имеются еще две докладные записки Бейнфеста за 1936 г., посвященные созданию в Биробиджане гидрометеорологической станции и необходимости организации комплексной разведочной группы по изысканию земельных фондов для колхозного переселения (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.4, л.8-10).

В том же году в Биробиджан приезжает делегация из Аргентины. Как представителю облисполкома и первому переселенцу М. Бейнфесту было поручено встретить делегацию и рассказать о строительстве области. Вместе с ним делегацию встречала также группа переселенцев-аргентинцев, среди которых был начальник вокзала Б. Я. Вольман. Аргентинскую делегацию разместили в гостинице вокзала на втором этаже. В течение двухнедельной ознакомительной поездки они побывали во многих селах области, в том числе и там, где работали аргентинцы. Перед отъездом в клубе фабрики «Деталь» им был устроен банкет (ОА, Уголовное дело..., л.38). Через два года Бейнфест на допросе будет давать объяснения следователям НКВД об этом визите иностранной делегации в область.

Следует отметить, что о М. Бейнфесте, его роли в организации переселенческой работы в первые годы создания области и его деятельности в качестве руководителя Научной комиссии облисполкома при его жизни было не много упоминаний как в местной печати, так и в центральной прессе. Его имя чаще упоминалось в корреспонденциях и статьях за рубежом. Так, в США, в статье известного публициста, одного из основателей американской еврейской газеты «*Фрайгайт*» (затем – «*Морген фрайгайт*») П. Новика «На полях Бирофельда и Фрайланда» небольшим, но емким штрихом дается портрет М. Бейнфеста, в котором журналист в нескольких строках уместил его роль и место в когорте первостроителей Биробиджана. П. Новик выделяет, на наш взгляд, самое важное качество – отношение к земле, на которой Бейнфест жил: «Мы вскарабкались на высокую гору – Бомбу и посмотрели

на поля и колхоз Бирофельд, и на колхоз Фрайланд. Со мной был товарищ М. Бейнфест – один из самых старых, если не старейший деятель Биробиджана. Он прибыл сюда в 1927 г. вместе с первой научно-исследовательской комиссией и принял активное участие в пионерской работе в области. В настоящее время он является председателем научной комиссии при облисполкоме ЕАО. Он поехал с нами по колхозу. Когда мы поднялись на самую верхушку горы, покрытые потом и запыхавшиеся (это был конец июля), он остался наверху довольный, и его взгляд говорил нам: ну, вот вам земля обетованная...» (Бренер, Заремба, 2013, с.457).

М. Бейнфест, как председатель Научной комиссии, вел переписку с ИКОР. В представленном здесь письме (фото 2) от 16 июня 1936 г. исполнительный секретарь ИКОР С. Алмазов сообщает об отправке в Биробиджан плакатов, листовок, брошюр, журналов, которые будут использованы для создания архива материалов о Биро-Биджане. Руководитель ИКОР отмечает: «Мы считаем создание этого архива делом колоссальной важности и желаем вам, чтобы этот архив стал центром, где отразился бы весь имеющийся на данный момент в мире материал о Биробиджане». (Автор статьи благодарит Е. Сарашевскую за перевод данного материала с идиша.)

7 июля 1936 г. на заседании Президиума облисполкома Еврейской автономной области был заслушан вопрос «Об организации при научной комиссии консультационного бюро по еврейскому языку». Бюро было поручено консультировать составление надписей, текстов документов, вывесок, этикеток, делопроизводство. Научной комиссии была выделена ставка для работника по языку (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.1, л.6).

Рассмотрение этого вопроса на Президиуме облисполкома стало началом работы по подготовке к проведению научной языковой конференции. Следует отметить, что еще в 1936 г. М. П. Хавкин, секретарь обкома ВКП(б) ЕАО в статье, посвященной второй годовщине автономии, писал, что «...мы, по указанию товарища Кагановича, созываем конференцию по вопросам развития еврейского языка. Все это показывает, какие возможности развития еврейского языка и еврейской советской культуры таит в себе факт создания Еврейской автономной области» (Хавкин, 1936, с.6). История подготовки конференции, которая, в конечном счете, так и не состоялась, её неоднократные переносы, требуют отдельного рассмотрения. Вместе с тем, Бейнфест, как председатель Научной комиссии, делал все возможное для её проведения. Подготовка к языковой конференции была одним из самых значимых проектов комиссии. Мероприятие было включено в план работы на 1937 г. (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.3, л.9-10).

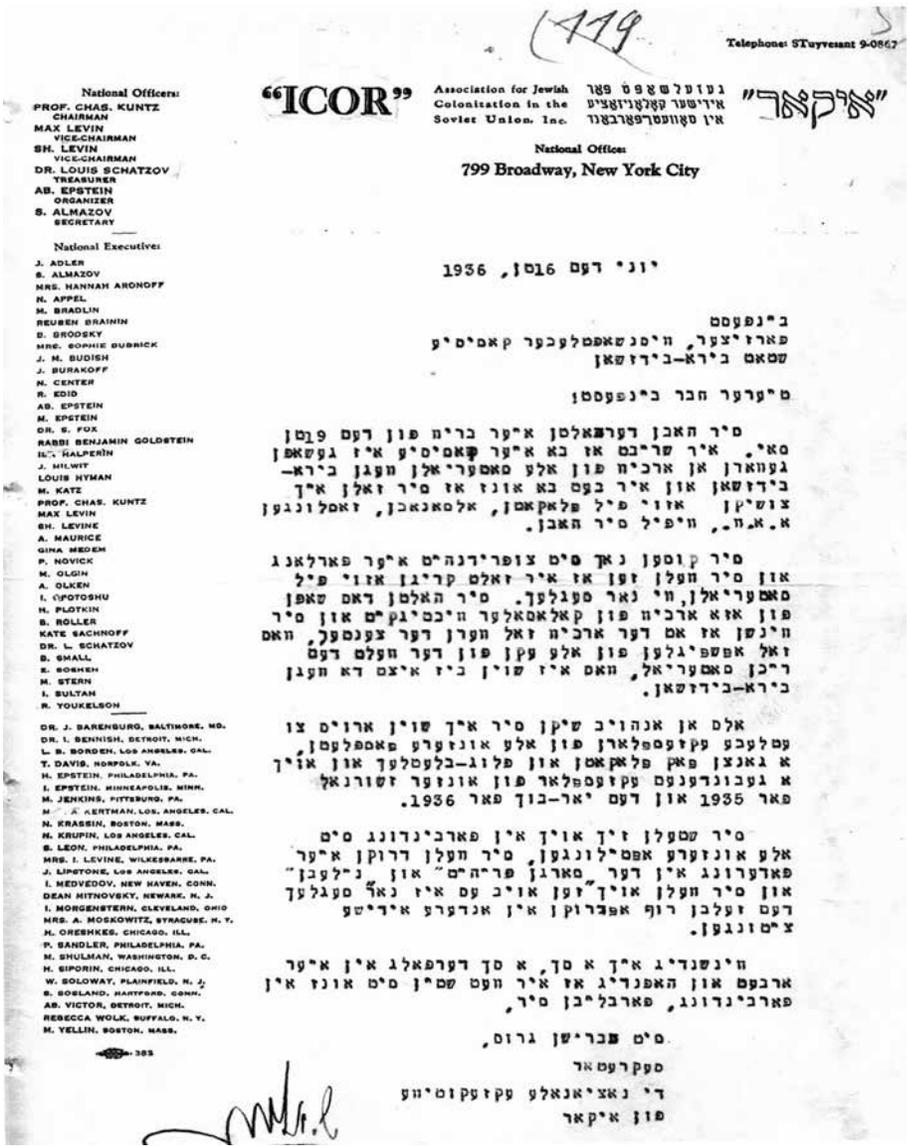

Фото 2. Письмо С. Алмазова, секретаря «ИКОР», адресованное М. Бейнфесту.

16 января 1937 г. в помещении Гостеатра им. Л. М. Кагановича состоялось «Собрание интеллигенции Биробиджана», о чем извещали афиши, выпущенные на русском и идише, посвященное подготовке к научной конференции по еврейскому языку. Ожидался доклад тов. Гольденберга, редактора газеты «Биробиджанер Штерн» (ГАЕАО, ф.138, оп.2, д.28, л.68).

Активная работа по подготовке к конференции велась Бейнфестом, несмотря на начавшиеся в области репрессии в отношении руководства автономии. 11 мая 1937г. на его имя приходит телеграмма из Москвы: «Союзком РСФСР отпустил 30 тысяч рублей на расходы, организацию и проведение языковедческой конференции. Хацкевич» (ГАЕАО ф.138, оп.2, д.29, л.15).

Выступая 25 мая 1937 г. с сообщением «О созыве научной языковой конференции» в Биробиджане, Бейнфест напоминает, что назначенная на 7 мая языковая конференция – к трехлетию образования ЕАО, уже второй раз перенесена:

«До сих пор нет точных сроков, когда она будет, в конце концов созвана. Многие сомневаются уже, состоится ли [она] вообще... Научная конференция, проведение которой было предпринято в таких условиях как наши, т. е. когда область находится, так сказать, «в становлении», когда большое число делегатов должно приехать издалека, из других центров, когда на повестке должны стоять вопросы особой государственной важности, в известной мере новые и для общества и для нашей научной мысли — в таких условиях конференция должна быть подготовлена с особой тщательностью. К сожалению, положение с подготовкой к конференции пока далеко не обнадеживающее.

...До сих пор не выработана модель участия, регистрации в конференции. Кто будет участвовать от Еврейской автономной области, а кто придет из других мест? В газетах уже несколько раз были представлены списки приглашенных гостей из районов вне Еврейской автономной области, но не был напечатан статус участников, и не ясно по какому принципу, если он вообще был изначально, они были приглашены. В еврейской прессе уже развернулись широкие обсуждения по поводу конференции. К сожалению, мы должны констатировать, что данные дискуссии ведутся расплывчато. ...Сейчас обсуждения в прессе вообще прекратились.

Поэтому необходимо: 1) Незамедлительно установить окончательный срок проведения конференции; 2) Срочно определить характер и повестку конференции, а также порядок регистрации участников; 3) принять все меры, чтобы как можно быстрее получить от участников тезисы выступлений и провести их регистрацию; 4) желательно опубликовать тезисы, хотя бы в качестве манускриптов и разослать их для обсуждения; 5) принять меры для организации прений в прессе, так, чтобы самые важные пункты повестки были как следует освещены; 6) чтобы работа конференции была более запланированной и плодотворной, необходимо предупредить, чтобы решения были реальными, для этого желательно заранее обсудить их с выступающими, проконсультироваться с деятелями науки, культуры, с политиками о конкретных предложениях; 7) необходимо ввести в порядок организационно-технической стороны следующее – решить, от чьего имени будет официально созываться конференция, разделить функции в подгото-

вительной работе среди орг.комиссии, научной комиссии и др., решить порядок ведения организационной работы самой конференции и т.д. и т.п. Для проведения всех этих мер требуется время. Если мы хотим провести конференцию в этом году, нельзя тратить оставшиеся дни. Надлежащие решения всех вопросов должны быть приняты немедленно, чтобы можно было сразу приступить к их реализации» (ГАЕАО, ф.138, оп.2, д.29, л.37-38).

Обсуждение подготовки языковой конференции совпало с проведением Второй областной партийной конференции, на которой был поставлен вопрос об исключении из партии первого секретаря М. П. Хавкина. Он не присутствовал на конференции, уехал на лечение в Москву, в надежде найти там выход из критической для него ситуации.

В начале июня 1937 г. на бюро обкома ВКП(б) слушался вопрос «О реорганизации Научно-Исследовательской Комиссии при Президиуме облисполкома Еврейской автономной области». Бюро постановило преобразовать Научную комиссию в Комиссию по изучению еврейской культуры, которая в дальнейшем должна развиваться в Институт культуры Еврейской автономной области. Одновременно был рассмотрен вопрос в отношении руководителя комиссии: «Учитывая, что Председатель Научной комиссии т. Бейнфест совмещает одновременно работу в комиссии с обязанностями Уполномоченного Ц.С. ОЗЕТа, освободить его от обязанностей Председ.[ателя] Научной Комиссии, поручив Орпо (Отдел организационно-партийной работы. – И.Б.) обеспечить Комиссию руководством» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.1, л.9).

В марте 1937 г. расстреляли И. И. Либерберга, а в июле того же года в Москве арестовали М. П. Хавкина. В это же время обрушились репрессии на руководителей предприятий и организаций области. Только через четыре месяца, 4 октября 1937 г., Президиум облисполкома со второго раза принял решение «О реорганизации Научной Комиссии при Облисполкоме» (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.1, л.12). Это было связано с тем, что за данный период времени в связи с непрекращающимися репрессиями в области сменилось два председателя облисполкома, были арестованы также большинство соратников Либерберга, что практически деморализовало работу аппарата облисполкома.

В результате реорганизации при Комиссии были созданы секции по изучению еврейской литературы и языка, по изучению еврейской истории, а также краеведения ЕАО. При комиссии вновь было намечено организовать научную библиотеку, исторический архив, краеведческий музей. Председателем Научной комиссии был утвержден Ш. М. Клитеник, редактор журнала «Фортпост», издававшегося в Биробиджане на идише, заведующим историческим сектором Б. И. Краснов (Вайсерман, 1999. с.52). Этим же решением было дано поручение Облплану включить на 1938 г. строительство

одного двухэтажного дома для Научной комиссии и жилища для научных сотрудников (ГАЕАО, ф.138, оп.1, д.1, л.13). Однако деятельность Комиссии практически приостановилась. Чистка, проходившая в области, как и по всей стране, от классовых вредителей и врагов, репрессии и расстрелы, непосредственным образом коснулись и Научной комиссии.

Согласно имеющейся в уголовном деле Анкете арестованного, Михаил Бейнфест был арестован 8 июня 1937 г. 4-м отделом УГБ УНКВД ЕАО как уполномоченный Центрального Совета ОЗЕТ в Еврейской автономной области и содержался во внутренней тюрьме управления в Биробиджане (ООА, Уголовное дело..., л.8). В день ареста он был исключен из членов ВКП(б).

Иосиф Баскин, заведующий переселенческим отделом облисполкома, в своих воспоминаниях рассказывает о встрече с Бейнфестом, которая произошла в тюремной камере, где собралась настоящая элита Биробиджана: Гольдфайн – ученый, близкий друг Либерберга, Брагин – директор Опытной станции, Митин – чекист времен гражданской войны, Добин – писатель, Зайд – бывший член аргентинской компартии, Николаев – из секретариата облисполкома, Крайн – директор областного театра. И. Баскин пишет:

«...Соломон Иосифович Бейнфест – пожилой, тучный, всеми уважаемый. Один из первых мобилизованных в Биробиджане коммунистов. Он возвращается со следствия в полубормочном состоянии. Проходит немало времени, прежде чем он оказывается в состоянии снова видеть и узнавать. Болезненно морщась, пробует шутить:

– Оказывается, я – видная персона. Никогда не предполагал в себе таких талантов. Меня обвиняют в том, что вместе с Левиным и Либербергом я вознамерился создать прояпонское буферное государство. Биробиджан-го, наподобие Манчжоу-го. Каково?.. Обвини они меня, скажем, в национализме, я бы, наверное, меньше удивился. По крайней мере, внешне звучало бы правдоподобно: как-никак, бывший работник КОМЗЕТА, специфически еврейской организации. Но следователь даже не заикнулся об этом. Он сам знает, что и как, у него особый нюх на шпионов.

– И где же вас угораздило попасть в сети к империалистам?

– О, это давняя история. Еще в двадцатые годы в Москве я попался работнику японского посольства, оказавшемуся ихним резидентом. Он указал мне явки, пароль для встречи, как только представилась возможность, я немедленно связался с японскими шпионами Левиным и Либербергом. Стал получать от них задания, втираться в доверие к другим органам, ну и... одним словом, дело пошло!

Я подумал, что он шутит — любил Соломон Иосифович веселые розыгрыши, оболванивать публику. Но оказалось, всё правда: наших расстрелянных товарищей, и в самом деле, обвиняли в связях с Японией, в намерении оторвать область от СССР» (Баскин, 1992. с. 49-51).

Эти воспоминания И. Баскина о Бейнфесте подтверждаются материалами уголовного дела. Первый вопрос, как явствует из протокола от 21 июля 1938 г., который задает Бейнфесту начальник Управления НКВД по ЕАО, старший лейтенант Госбезопасности П. А Соловьев (В едином строю, 2007. с.222), сразу звучит в утвердительной форме и определяет дальнейший ход допросу:

«Вопрос: Вы арестованы как активный враг Советского Союза. Предлагаем Вам дать показания о Вашей вражеской деятельности.»

Ответ: Сознательной вражеской деятельностью после 1920 года, т. е. после вступления в члены ВКП(б) я не занимался» (ОА, Уголовное дело..., л.9).

На первые восемь вопросов, заданных следователем, Бейнфест пытается объяснить, что если до 1920 г. он принимал участие в Еврейской социалистической рабочей партии и вел раскольническую линию в партии, ведал нелегальной техникой ЕСРП (для печати), то после 1920 года прекратил борьбу с Советской властью и не считает себя виновным по предъявленным обвинениям. Тем более, что с тех пор прошло уже 18 лет.

Однако, на девятом вопросе следователь, по всей видимости, предъявил Бейнфесту показания «руководителей право-троцкистского центра», которые «изобличали» его как активного участника организации и руководителя буржуазно-националистического центра в Биробиджане.

Бейнфест понимал безвыходность своего положения. На вопросы, сформулированные уже с обвинительным уклоном, он дает пространные ответы, которые, по всей видимости, должны были удовлетворить следователя. Он по ходу дела выдумывает целую легенду о своем участии в буржуазно-националистической организации и даже утверждает, что его цель как раз и заключалась в том, «...чтобы состоя в партии, методом двурушничества продолжать вести борьбу с коммунистической партией и Советской властью» (ОА, Уголовное дело..., л.12).

Отвечая на вопросы о задачах, программных установках правотроцкистской буржуазно-националистической организации, Бейнфест выстраивает целую схему ее деятельности, в которую, как он надеялся, должен был поверить следователь. Он заявляет:

«В основном, программа тактической установки право-троцкистской буржуазно-националистической организации сводилась к следующему: объединение всех антисоветских элементов в Еврейской автономной области для активной борьбы с партией и Советской властью, свержение Советской власти и образование на территории ДВК (Дальневосточный край. – И.Б.) буферного государства под протекторатом Японии, при чем националистическими элементами ставился вопрос об организации на территории Еврейской автономной области специального Еврейского государства, входившего

в состав предполагаемого буферного государства на ДВК. Кроме того, предусматривалась специальная организация повстанческих отрядов из кулаков и контрреволюционного казачества, при чем выступление этих отрядов приурочивалось к моменту действий Японии против СССР. Для подрыва оборонной мощи широко практиковалась организация диверсионных вредительских актов на оборонных предприятиях области» (ООА, Уголовное дело..., л.20-23).

На вопрос следователя о том, что «практически проделано в осуществлении программы», Бейнфест дает весьма развернутый ответ, который больше походит на дословное цитирование газетного материала какого-нибудь «народного» журналиста тех лет, нашедшего «разоблачительные жаренные факты» о еврейской автономии для антисоветского материала:

«Участники право-троцкистской буржуазно-националистической организации широко развернули в Еврейской автономной области подрывную шпионско-диверсионную вредительскую деятельность. Нами была взята линия на дискредитацию мероприятий партии и Советской власти по образованию Еврейской области. С этой целью переселение ставилось в такие условия, при котором переселенцам нельзя было нормально жить. Переселенческие колхозы строились так, чтобы они немедленно разваливались, для этого выбирались неудобные болотистые земли, в колхозах строились дома городского типа, без надворных построек, давалось неверное направление сельскому хозяйству, срывалось кредитование и снабжение переселенцев, вредительски строились общественные предприятия: Хлебозавод, Электростанция. ...Всеми этими мероприятиями мы, с одной стороны, создавали огромное недовольство среди населения, а с другой стороны, – разваливали тыл.

Особенно широко была развернута шпионская деятельность в пользу иностранных разведок. С этой целью... перед ЦС ОЗЕТА был поставлен вопрос о привлечении переселенцев из заграницы, вербовать которых за границу лично выезжал... и представитель ЦК БУНДА... Вербовались лица преимущественно из числа бывших бундовцев, сионистов и др. выходцев буржуазных еврейских партий, причем вновь вербуемые для переселения предварительно обрабатывались в антисоветском духе и вербовались для шпионской деятельности на территории СССР. Так, например, в 1936 году в Биробиджан прибыла большая группа евреев-интуристов, большинство из них нелегально остались на территории Еврейской автономной области» (ООА, Уголовное дело..., л.22).

Вместо указанных многоточий в протоколе стояли фамилии руководителей, выезжавших за границу с целью агитации по переселению евреев в Биробиджан.

«...Мною и другими участниками организации, – продолжал Бейнфест, – открыто создавались условия иностранным разведкам, создавая для этой цели в Еврейской автономной области представительства различных буржуазных еврейских филантропических обществ и промышленных компаний в виде «Агроджойнт», «ПОКОР» (так в деле. – И.Б.), «Орт-Фертбанд» и др., которые занимались материальной помощью переселенцам и непосредственно самим

переселением, и что руководители данных представительств были тесно связаны с право-троцкистской буржуазно-националистической заговорщической организацией.

На оборонных объектах области Лондоковский завод, Обозный завод, швейной фабрике участниками организации было проведено ряд диверсионных вредительских актов, также намечалась организация диверсий к моменту возникновения войны на Дальневосточной Железной дороге.

Лично я, во всей перечисленной мною подрывной антисоветской деятельности принимал активное участие и непосредственно на протяжении с конца 1937 года и по день моего ареста являлся участником организованного право-троцкистского буржуазно-националистического заговорщического центра, руководил этой деятельностью (ОА, Уголовное дело..., л.20).

На этом допрос был практически закончен. Бейнфест шаблонной фразой подтверждал, что его показания были верны и соответствовали действительности. В материалах дела под каждым ответом на вопрос следователя стоит подпись Бейнфеста.

На последующих допросах в мае 1939 г. Бейнфест от ранее данных им показаний отказался, заявив, что ни в каких организациях он не состоял и участия во вредительстве не принимал. Дачу прежних признательных показаний Бейнфест объяснил «влиянием окружающей обстановки, физического и морального состояния», в котором он находился после ареста.

Приговоры о расстреле в те годы, в соответствии с Постановлением ЦИК СССР от 01.12.1934 г., подлежали немедленному исполнению. Эта участь постигла духовно близких М. Бейнфесту И. Либберберга и Я. Левина, казненного за несколько месяцев до его ареста, с которым он был знаком еще в Белоруссии.

Эстер Розенталь-Шнайдерман, бывшая аспирантка Киевского Института еврейской пролетарской культуры, поехавшая по призыву Либберберга в Биробиджан и работавшая сотрудником в Научной комиссии, в своих мемуарах посвятила целую главу памяти Михаила Бейнфеста.

«Он был одним из первых переселенцев в Биробиджан. В 1927 году он стал секретарем Белорусского КОМЗЕТа. 26 мая 1927 года в качестве члена делегации центрального КОМЗЕТа он выехал в Биробиджан. Это была первая официальная делегация, которую КОМЗЕТ послал, чтобы изучить, соответствует ли Биробиджан задачам еврейского переселения. Бейнфест был энтузиастом и помощником авторитетных ученых – участников делегации.

...Он был высшим бундистом. Пожилой человек уже тогда (а может быть он так выглядел в моих глазах) с таким опухшим большим круглым добродушным лицом. Его фигура говорила: “детки, зачем нам воевать, можно было бы сделать так, чтобы было все хорошо, приятно в мире, давайте жить дружно”. ...Хороший, тихий человек, он скорее напоминал добродушного еврейского дедушку, чем стального большевика. Им закрывались все дыры. Он ни

когда не отказывался от самой тяжелой работы, какую бы ему ни предлагали, ...и был живой энциклопедией в еврейской области, знал каждый ее уголок. Его мозг был насыщен информацией, цифрами, фактами о природных богатствах области, когда нужна была какая-то информация о географии, геодезии области, тогда приглашали Бейнфеста, и без его сообщений не делали ни одного шага. Влюбленный в область, он был тем, кто всегда что-то приводил в порядок, помогал, с кем-то сотрудничал. Он ездил по области почти со всеми научными экспедициями и мог рассказать много интересного об этих научно-исследовательских комиссиях и ученых, которые принимали в них участие. У него были большие богатые коллекции карт, раскопок и фотографий области. Трудно было представить что-то, касающееся области, без Бейнфеста.

...Он мог во всех подробностях рассказать историю каждого вновь организованного поселения, о каждой группе переселенцев, о каждой победе или поражении в борьбе с природой... Он был практическим деятелем, с большим уважением к людям, имеющим знания.

...27 октября 1934 года... оргкомитет ЕАО назначил его руководителем орготдела облисполкома. ...Его избирают членом облисполкома на первом съезде советов области. В 1935 году облисполком во главе с Иосифом Либербергом организует научно-исследовательскую комиссию для изучения культуры и природных богатств Еврейской автономной области. Организаторы считали, что это будет начало Института еврейской культуры в Биробиджане, такого, который существовал уже в Киеве и Минске. Председателем комиссии был назначен Бейнфест, а секретарем Маркус Чарни. В качестве сотрудников среди других были назначены Волобринский и автор этих строк.

...Проникнутый национальными чувствами, он с трудом мог произносить коммунистические лозунги. Ему бы скорее подходило стоять в синагоге, завернутым в талес, чем собирать партийный комитет и представлять отчеты о борьбе с националистами-шовинистами...

В начале 1937 года он стал секретарем партийной организации облисполкома. Его забрали в 1938 году во время огненных репрессий. ...Его выпустили лишь для того, чтобы он мог умереть дома. Он больше никогда не выходил на улицу. Никого, кроме большой жены, известной воспитательницы дошкольных учреждений Сони Либерман, он не оставил после себя» (Розенталь-Шнайдерман, 1983, с.180-183).

Михаил Бейнфест умер в Биробиджане 19 апреля 1943 г. от сердечной недостаточности. Несколько месяцев шла борьба между жизнью и смертью, и все это время, как было сказано в регистрационных документах горзагса, он находился на иждивении жены. По сведениям автора, полученным в органах ЗАГС Биробиджана, при регистрации факта смерти Бейнфеста паспорт у него отсутствовал, что подтверждает версию Э. Розенталь-Шнайдерман: он был выпущен, чтобы умереть дома. Преждевременная кончина М. Бейнфеста осталась незамеченной. На страницах местных газет не было

даже простого сообщения о смерти одного из бывших организаторов и руководителей области, по сути, первого переселенца, прибывшего в 1928 г.

Поиски следов его жены, Софьи Либерман, привели автора этой статьи в областной Институт повышения квалификации педагогических кадров. К 50-летию ЕАО здесь был подготовлен альбом «Из истории развития дошкольного воспитания в Еврейской автономной области (1934-1984 гг.)». Тогда и вспомнили о деятельности С. Либерман, стоявшей у истоков школьного образования и детского воспитания области. В альбоме есть одна групповая фотография с совещания дошкольных работников 1933 г., где в центре сидит С. Либерман с коллегами. На одной из страниц есть также запись: «Большую помощь в улучшении воспитательной работы оказал созданный в 1939 году в январе месяце областной дошкольный методический кабинет (зав. т. Либерман С. К.), в котором были оформлены разделы: развитие речи, игра, математическое представление, физическое воспитание, работа с материалами, художественное воспитание». Софья так и не дождалась решения государства о реабилитации мужа, она умерла 30 марта 1955 года...

Библиография

Государственный архив Еврейской автономной области (ГАЕАО), ф.138, оп.1, д.1-4; оп.2, д.28-29; ф. Р. 3, оп.1, д.263; ф. Р-75, оп.1, д.6.

Объединенный оперативный архив при Управлении ФСБ по Омской области. Уголовное дело №П-97117 Бейнфеста Михаила Азрайловича.

Баскин И. Салюты и расстрелы. Записки уцелевшего. Екатеринбург, 1992.

Бейнфест М. Валдгейм и Бирефельд [в:] *Трибуна*, 1930, №6, с.7-9.

Бренер И. С., Заремба А. В. Биробиджанский проект в научных исследованиях. Ценности и интересы в истории Еврейской автономной области. Киев: Золотые ворота, 2013.

В едином строю / Сост. В. Н. Журавлев. Хабаровск: РИОТИП, 2007.

Вайсерман Д. И. Биробиджан: мечты и трагедия: История ЕАО в судьбах и документах. Хабаровск: РИОТИП, 1999.

Вайсерман Д. И. Как это было? Биробиджан, 1993.

Розенталь-Шнайдерман Э. Биробиджан вблизи / Пер. с идиша А. Заремба. Тель-Авив, 1983.

Хавкин М. П. Вторая годовщина Еврейской автономной области [в:] *Трибуна*, 1936, №9, с.3-6.

Еврейские колхозы Советской Белоруссии в межвоенный период: становление, повседневные проблемы, забвение

В наше время понятие «еврейский колхоз» может вызвать недоумение, возможно улыбку. Сейчас трудно себе представить, что евреи самостоятельно вступали в колхозы. История показала, что, в сталинской системе колхозник являлся человеком второго сорта по отношению к горожанину. Не имея паспорта, он вплоть до начала правления Хрущева был привязан к своему населенному пункту. Еврейские колхозы нельзя считать гениальным изобретением большевиков, еврейское земледелие имело место в Белоруссии и в предыдущую эпоху. Социально-экономический кризис местечек и политика советской власти в отношении определенных групп еврейского населения вынуждали евреев вступать в коллективные хозяйства. Действительно, некоторые колхозы в 1920-е гг. действительно позволили выжить некоторым группам еврейского населения: разорившимся торговцам и ремесленникам. Несмотря на трудности, связанные с непривычным для большинства еврейских поселенцев сельским трудом, тяжелейшие бытовые условия, многим хозяйствам удалось «стать на ноги» и занять определенную нишу в экономике. С другой стороны колхозные семьи, представляли собой небольшие хозяйства до десятка семей, которые не могли оказать существенного влияния на развитие сельского хозяйства республики.

Наделение земель евреев в Белоруссии в разной степени находило отражение в историографии. Достаточно изучены вопросы аграрной политики, помощь колхозам, трудности с которыми сталкивались евреи при организации хозяйств¹. В то же время, в неполной мере исследованными остаются

¹ Следует отметить ряд работ, в которых в разной степени затрагивалась тема коллективизации евреев. В монографии Й. Декель-Хена показана проводимая в СССР политика аграризации (Dekel-Chen J. *Farming the red land: Jewish agricultural colonization and local Soviet power*. New Haven and London: Yale University Press, 2005). В публикациях Л. Смиловицкого представлены проблемы положения евреев-земледельцев БССР, деятельность разных государственных органов по наделению их землей (например, Smilovitsky L. *The Jewish Farmers in Belarus during the 1920s in: Jewish Political Studies Review*, vol. 9, no. 1-2, 1997, pp. 59-72). Ситуация в местечках в условиях курса партии на массовую коллективизацию показана А. Зельцером (Zeltser A. *The Shtetl during the "Great Watershed" of 1929-1931: the case of Vitebsk region in: Jews in Eastern Europe*, 2001, no. 3 (46), pp. 5-34). Проблема интернационализации колхозов, влияния этой политики на обострение еврейско-белорусских отношений затрагивается в статье Д. Романовского (Романовский Д. *Отношения между евреями и окружающим нееврейским населением в годы второй мировой войны: к постановке проблемы в сб. Евреи Беларуси. История и культура. Часть V*. Мн., 2000, с. 93-114). Развитие приместечковых колхозов в 1930-е гг. показано в статье Эллены Школьниковой (Shkol-

проблемы, объясняющие причины вступления евреев в колхозы, раскрывающие положение женщин, детей и молодёжи в коллективных хозяйствах. Интерес вызывает то, как люди разных профессий, социального происхождения, политических взглядов, ранее никаким образом не связанные с животноводством и земледелием организовывали совместные хозяйства. Совершенно не отражены в литературе проблемы отношений еврейских колхозников с окружающим населением, впрочем, как и повседневная жизнь в коллективных хозяйствах, их специализация, развитие экономики хозяйств.

Трудно понять причины перехода некоторых еврейских семей к земледелию без краткого упоминания, сложившихся в тот период социальных, экономических и политических реалий. Как известно, в Российской империи разрабатывались проекты по поселению евреев на землю (Соболевская, Гончаров, 2005, с. 203; Ходзін, Сосна, 1994, с.61-62). Еврейские земледельческие колонии в Белоруссии пережили трагедию Первой мировой войны, политику военного коммунизма. Лишившись своих предприятий, мастерских, торговых заведений, семьи оставались без средств к существованию. Некоторая часть еврейского населения видела спасение в занятии сельским хозяйством. В 1918–1920 гг. в некоторых местечках часть еврейского населения приступила к обработке земли, как правило, конфискованной у помещиков. При содействии местных советов организовывались сельскохозяйственные артели и коммун. По неполным сведениям, было создано 43 артели и коммун, большая часть которых оказалась на территории Западной Белоруссии, занятой польскими войсками к осени 1920 г. После подписания Рижского мирного договора эти хозяйства были ликвидированы польскими властями (Практическое разрешение, 1928, с.43).

Волна погромов остановила процесс создания еврейских земледельческих хозяйств. В 1920–1921 гг. евреи часто становились жертвами нападений, погромных акций, во время которых наблюдались случаи, когда семьи лишались своего имущества, в том числе и земли (НАРБ, ф.782, оп.1, д.6, л.3). Многие жители оказались на грани выживания, страдали от голода и болезней (НАРБ, ф.782, оп.1, д.5, л.4). По некоторым сведениям разгрому подверглись практически все еврейские земледельческие колонии, так как они были беззащитны перед лицом погромщиков (YIVO, RG-358, file 143, p.4). Разгул бандитизма в начале десятилетия привел к тому, что даже спустя годы евреи боялись получать землю вдали от своих местечек из-за того, что помнили пережитый страх погромов, грабежей, насилия. По мнению по-

nikova E. The Transformation of the Shtetl in the USSR in the 1930s in: *Jews in Russia and Eastern Europe*, no. 1 (52), 2004, pp. 91-129).

страдавших, члены банд сумели скрывать следы преступлений и не понесли наказания (НАРБ, ф.4, оп.10, д.56, л.131).

Начало нэпа, восстановление промышленности, легализация торговли, оживление предпринимательской деятельности привели к утрате интереса у евреев к переходу на землю. Торговцы, ремесленники возвращались к своим прежним занятиям (Замойский, 2013, с.145). В этот период еврейские колхозники не получили достаточного внимания со стороны государства. Естественно количественный рост числа еврейских колхозов в 1921–1924 гг. остановился. Положение в коллективных хозяйствах было нелегким, так колхозники жаловались на высокие налоги и отсутствие должной помощи со стороны государства, которое было заинтересовано в развитии и поддержке коллективных форм ведения хозяйства. Некоторым хозяйствам удавалось справиться со многими проблемами своими собственными силами. Так, торговцы местечка Сиротино поддерживали колхоз «Коминтерн», купив необходимый инвентарь (Еврейское местечко, 1926, с.22). Некоторые хозяйства владели жалкое существование, как, например, еврейская артель в районе местечка Корма (НАРБ, ф.4, оп.10, д.38, л.2).

В 1924 г. правительством БССР начинает внедряться в жизнь программа по земельному устройству еврейского населения (Зборнік чынных законаў, 1927, с. 138). Исходя из комплекса политических, экономических и социальных причин, власть всячески способствовала мероприятию по наделению землей евреев, придавая при этом первоочередное значение коллективной форме ведения хозяйства. С одной стороны, этим решались социальные и экономические проблемы разорившегося в результате войн и политики большевиков еврейского населения бывшей черты оседлости. С другой, – аграризация евреев должна была существенно уменьшить долю «непролетарского», «мелкобуржуазного» элемента, имея целью т.н. «социальное оздоровление» еврейства.

В 1925 г. в БССР была проведена специальная регистрация желающих переселиться на землю. Эта кампания выявила существенное количество готовых перейти к занятию сельским хозяйством, подавляющее большинство из них было сосредоточено в местечках (YIVO, RG-358, file 273, p. 50-54; Еврейский крестьянин, 1925, сб. 2, с.35). С середины 1920-х гг. вплоть до начала массовой коллективизации в Белоруссии происходил рост количества еврейских колхозов. К кампании аграризации еврейского населения подключились государственные структуры в лице Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (Комзет)², общественные организации,

² Комзет – Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при ЦИК СССР (1924–1938), государственное учреждение подконтрольное советским и партийным органам, которое курировало привлечение еврейского населения к занятию сельским хозяйством, в более широком смысле –

прежде всего Общество землеустройства еврейских трудящихся (ОЗЕТ)³, а также зарубежные организации, например, Агоро-Джойнт и ОРТ⁴. Между Агро-Джойнтами и советским правительством был подписан специальный договор о помощи. Этой организации разрешалось вести на территории СССР деятельность, которая способствовала переводу евреев на занятие сельским хозяйством (NARA, T1249, Roll 031). На выделенные средства готовились агрономы, приобретались сельскохозяйственные машины, закупались семена (НАРБ, ф.11, оп.1, д.41, л.212-215). В то же время, евреи, переходившие на индивидуальное землепользование, жаловались, что основная государственная помощь шла колхозам (НАРБ, ф.4, оп.3, д.13, ч.1, л.490-491).

Аграризация части еврейского населения СССР вызывала симпатию среди еврейской диаспоры, так как это позволяло обеспечить евреев работой. Однако эта политика использовалась коммунистами в своих политических и экономических целях. Помощь, которая шла от зарубежных филантропических обществ, способствовала не только усилению еврейских коллективных хозяйств, но и укреплению колхозного строя. Например, члены американской организации «Икор»⁵ собирали средства для содействия еврейской колонизации в Крыму, а с 1928 г. – в Биробиджане, который стал Еврейской автономной областью на советском Дальнем Востоке (Rovner, 1934, p. 2-3).

Еврейские коллективные хозяйства отличались между собой по экономическому потенциалу и имущественному положению своих членов. Новым земледельцам пришлось пройти через множество трудностей, разногласий, преодолеть ряд существенных проблем. В коллективах часто возникали сложные ситуации. Разногласия могли происходить по вопросам вступительных паев, выполнения разных видов работ. Причины конфликтов крылись в разнообразии социального состава членов коллективов. Для того чтобы выжить и прокормить семьи в еврейские артели и коммуны входили представители различных социальных групп: торговцы, кустари, рабочие.

производительным трудом.

³ ОЗЕТ – Общество по земельному устройству трудящихся евреев (ОЗЕТ), 1924–1938, советская общественная организация, созданная для пропаганды переселения еврейских семей для занятия земледелием и производственным трудом в Крыму, Биробиджане, а также на отведенных для еврейских колхозов земельных наделах. Формально независимое общество находилось под контролем партийных и советских органов.

⁴ ОРТ – Общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России – основано в 1880 г. в Петербурге. Филантропическая организация своей целью ставила распространение и пропаганду среди евреев Российской империи квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда для экономического развития еврейских общин. С 1921 г. – Общество ремесленного труда, всемирная еврейская просветительская и благотворительная организация.

⁵ Икор – *Yidische Kolonizatsie Organizatsie in Rusland*, сокращенно ICOR) – американская общественная организация помощи землеустройству евреев.

Колхозы объединяли людей, ставших заложниками различных жизненных обстоятельств. Так, колхоз «Коминтерн», созданный возле местечка Сиротино (теперь деревня в Шумилинском районе Витебской области), включал в себя семьи городских безработных, деревенских евреев, бежавших от погромов в местечко из окрестных селений, торговцев, которые по роду своей предыдущей деятельности, никаким образом не сталкивались с земледелием. Все тонкости ведения сельского хозяйства им приходилось постигать на практике (Еврейское местечко в революции, 1926, с.22). В некоторых колхозах не было людей знакомых с сельским хозяйством, как, например, в колхозе «Новая Жизнь». От безысходности заняться новым делом решили 8 человек: шинкарь (хозяин корчмы), портной, извозчик, меламед и мелкие торговцы (Беларуская вёска, 23.11.1926 г.)

Наиболее острой для новых земледельцев являлась проблема быта. Самым тяжелым для тех, кто занялся земледелием, были первые 2-3 года. Приходилось во многом себе отказывать, жить в землянках, пока не будут построены дома (Беларуская вёска, 23.11.1926 г.). Особенно тяжелым было положение новых колхозов, созданных во второй половине 1920-х гг. В это время хозяйства организовывались из местечковой бедноты, которая не могла внести собственные средства. Такие колхозы развивались почти исключительно за счет государственных кредитов. Поэтому для подобных хозяйств были характерны тяжелые бытовые условия: колхозники были скверно одеты, иногда не хватало продуктов питания.

Серьезнейшей проблемой была нехватка необходимых средств на закупку молочного скота, инвентаря, семян, строительство жилых и хозяйственных построек (НАРБ, ф.11, оп.1, д.171а, л.162 об). Попытки сэкономить на необходимых для повседневной жизни вещах, например, на новой одежде, вызывали недовольство молодых колхозников (Звезда, 21.07.1926 г.).

Возможно, самыми распространенными в колхозах были межличностные конфликты. Управление хозяйством, назначение должностей и распределение обязанностей являлись частыми причинами, порождающими разногласия в колхозах. В условиях усиления идеологического влияния было желательно, чтобы колхоз возглавлял коммунист или комсомолец. При решении этих вопросов учитывалась предыдущая специальность, организаторские способности (Lifshitz, 1975, p.20). Вполне пригодными были знания ведения бухгалтерии хозяйств или прежние торговые связи. Негативно сказывалось на развитии колхозов отсутствие опытных руководителей, знакомых с управлением хозяйством. Так, по мнению властей, в Давыдовском еврейском совете (Мозырский округ) колхоз не оправдал себя из-за отсутствия «толкового» председателя (НАРБ, ф.701, оп.1, д.69, л.20 об).

Во всех колхозах происходили трения между колхозниками на почве неравного имущественного положения. Существовали конфликты между «старыми» членами коллективов и новичками. Для вступления в коллектив необходимо было внести определенный денежный взнос («пай»). У большинства местечковой бедноты просто не было денег для членства в коллективном хозяйстве.

Сложной проблемой также являлось обобществление имущества при вступлении в колхоз (НАРБ, ф.4, оп.10, д.57, л.234). В коллективных хозяйствах постоянно возникало недовольство при разделении урожая или прибыли. Доходы колхозников действительно в большинстве своём были низкие. По данным евбюро ЦК КП(б)Б в середине 1920-х гг. самой обеспеченной категорией еврейского населения являлись торговцы (лавочники), на втором месте были ремесленники, а на последнем – евреи-земледельцы, так как их «доход был ничтожен» (НАРБ, ф.4, оп.10, д.56, л.1).

Такого понятия как «зарплата» в колхозах не существовало. Продукция, сдаваемая государству, оплачивалась на основании установленных расценок, которые не покрывали затраты. Полученные денежные доходы зачастую уходили на оплату задолженностей по ссудам. Хуже было с выдачей денег колхозникам, которых уже могло не оставаться. Например, это было выявлено в обследованной сотрудниками ОРТ колонии «Застенок – Дуброво» в Бобруйском округе (РГАЭ, ф.5244, оп.1, д.44, л.8).

Евреи-колхозники в большинстве случаев стремились приспособить коллективные хозяйства к рыночным условиям, этим и обуславливалась специализация хозяйств. Изначально партийное руководство желало видеть, чтобы евреи работали на земле, и относились к ней так же трепетно, как и крестьяне. На самом деле, большинство еврейских колхозов специализировалось на молочном животноводстве и садоводстве (РГАЭ, ф.5244, оп.1, д.44, л.9). Это было гораздо эффективнее, с экономической точки зрения, на предоставленных землях, которые надо было еще приспособить под полеводство. Колхозам предоставлялась агротехническая помощь со стороны ОЗЕТ, КомЗЕТ (НАРБ, ф.11, оп.1, д.7, л.80-81). В некоторых еврейских колхозах Мозырского округа породистый молочный скот закупали на Вольни и в немецких колониях, за счет «старых» контактов бывших торговцев (Пичуков, Старовойтов, 1999, с. 110).

Особую тему представляет положение и роль **женщин в колхозах**. Первоначально, еврейки не испытывали большого желания работать в колхозе. Матери оставались жить с семьями в местечках, в то время как их мужья и взрослые сыновья уходили в колхозы. Постепенно женщины были вынуждены вступать в хозяйства. Это происходило в результате переселения семей на представляемые колхозам земельные площади. Определенную

роль играл чисто экономический мотив – получить свою долю при распределении прибыли, которая раздавалась в зависимости от устава, по количеству работоспособных членов колхоза или по количеству едоков (поэтому прием стариков, инвалидов в хозяйства был нежелательным).

Известно, что жены некоторых колхозников отказывались принимать участие в сельскохозяйственных работах (НАРБ, ф.4, оп.10, д.57, л.234). Раскорчевка и мелиорация площадей, земледелие по праву являлось мужской работой. Женщины зачастую были заняты в животноводстве, птицеводстве, садоводстве. Для жительницы местечка было не сложно освоить работу доярки. Для бывшей горожанки это же являлось существенной проблемой. Так, советский работник при посещении одного хозяйства отметил случай, когда женщина, по его словам, не знала с какой стороны подходить к корове (Збор прамоў, 1929, с. 106).

В начале колхозной жизни женщины зарабатывали гораздо меньше. Так, в «Первой Уваровичской артели» в Гомельском округе женский труд оплачивался в два раза меньше мужского (Трибуна, 10.01.1930 г. №2, с.17).

Повседневной проблемой, стоявшей перед женщинами в колхозах, было отсутствие дошкольных детских заведений. Детские сады и ясли не создавались из-за отдаленности еврейских колхозов от крупных деревень и малочисленности состава этих хозяйств (НАРБ, ф.4, оп.3, д.13/1, л.490). В некоторых случаях колхозницы сами организовали ясли для детей, особенно летом в период интенсивных сельскохозяйственных работ (НАРБ, ф.11, оп.2, д.31, л.7).

Пожалуй, одним из самых больших неудобств было отсутствие в колхозах медицинских учреждений. Ближайший фельдшерский пункт или больница находились за несколько десятков километров от колхоза. В случаях срочного вызова врача приходилось ехать в ближайший сельский совет и вызвать его по телефону. Но, скорее всего, единственным выходом было взять в колхозе лошадь и самим отвезти больного.

Еврейским земледельцам оказывалась врачебная помощь со стороны Джойнта, но в основном она была направлена еврейским колонистам в Северном Причерноморье и Крыму (YIVO, RG-358, file 295, p.16-17). Помимо этого обеспечение врачебных участков лекарствами и инвентарём находилось на довольно низком уровне, к тому же они обслуживались большей частью недостаточно квалифицированным медицинским персоналом (YIVO, RG-358, file 291, p.6). Это было не только проблемой евреев-колхозников. Медицинское обслуживание в белорусской деревне было поставлено очень плохо. Крестьяне порой обращались за помощью к знахарям. Расходы на здравоохранение в местечковых и сельских поселениях были в 5-6 раз ниже, чем в городе (НАРБ, ф.4, оп.3, д.14, л.694). Ситуация начала несколько ис-

правляться к середине 1920-х гг., когда произошел выпуск молодых специалистов - врачей из учебных заведений; начали выделяться деньги из республиканского и местного бюджетов на новые врачебные пункты.

В большинстве новообразованных колхозов, естественно, не было электрического освещения. Поэтому освещались керосиновыми лампами или по-крестьянски – лучиной. Магазины в колхозах, как правило, отсутствовали. Колхозники могли являться членами потребительской кооперации и пользовались услугами кооперативного магазина в соседней деревне. Люди прибегали к услугам бывших торговцев, которые, пользуясь своими связями, могли доставать все необходимое. Зачастую у многих колхозников не было свободных денег, чтобы позволять себе покупки вещей. Например, в колхозе «Октябрь» возле местечка Паричи Бобруйского округа в 1929 г. помимо питания выдали по 40 руб. и комплекту теплой одежды, белья и спец-одежды (Трибуна еврейской советской общественности, 20.01.1930 г., с.14)

Еврейская молодёжь и дети в коллективных хозяйствах находились в более сложных условиях, чем их родители, по чьей воле они там оказались. Они были вынуждены разделять все тяготы, выпавшие на долю их семьи: первое время организации хозяйства – жить в шалашах, землянках. Обследования колхозов показывало, что молодёжь там находилась в гораздо худших условиях, чем их сверстники в местечках (НАРБ, ф.4, оп.3, д.31, л.565). По понятным причинам, среди молодых людей в некоторых колхозах было распространено желание выехать в город. Городская жизнь манила разнообразием форм культурной жизни, возможностью получить образование. Особой популярностью у этой молодежи пользовались городские профессии. Зачастую их желания разделялись родителями (НАРБ, ф.4, оп.3, д.13, ч.1, л.490). Причем важным фактором являлось то, что по социальному положению их родители уже принадлежали к крестьянству. Даже не смотря на то, что ранее они были лишенцами, т.е. представителями «не-пролетарского элемента». «Крестьянское» происхождение открывало им дорогу в высшие учебные заведения. Но, с другой стороны, конкурировать с горожанами по уровню грамотности они не могли. Если еврейский колхоз находился недалеко от деревни или местечка, то дети ходили в школу, в противном случае получить образование было проблематично.

Руководящие органы беспокоило то, что в ряде отдаленных еврейских колхозов возрождались хедеры (НАРБ, ф.4, оп.3, д.13, ч.1, л.490). Религиозное образование молодёжь получала от людей старшего возраста – от бывших меламедов, порой состоявших в колхозах. В противовес этому, власть всячески способствовала тому, чтобы молодёжь вступала в ряды комсомольцев и пионеров. Настораживало режим то, что молодые евреи и белорусы соседних деревень взаимно дистанцировались. Власть пыталась

преодолеть это с помощью совместных дней отдыха и праздников (Звезда, 21.01.1928 г.).

Не все колхозники могли выдержать постоянные трудности, поэтому бежали из колхозов. Говоря официальным языком, «текучесть кадров» в разной мере затронула все еврейские коллективные хозяйства. По данным предоставленным правительством республики, до 1927 г. каждый пятый колхозник покинул хозяйство (Вынікі працы, 1927, с.10).

Фото 1 Коллективная читка газет в часы досуга в еврейском колхозе «Путь к социализму». БССР. 1927–1932 гг. (Источник: Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-25058.)

Не только проблемы с непривычной работой, бытом, отношения с коллегами вызывали желание покинуть коллективное хозяйство. Выходу евреев-колхозников способствовало оживление экономической жизни местечка. Кустари возвращались обратно, в надежде найти применение своему труду. Такое явление, например, наблюдалось в Мозырском округе в начале зимы 1925 г. (Пичуков, Старовойтов, 1999, с.110).

Центральная власть чутко реагировала на негативные тенденции в колхозном строительстве, стараясь всячески предотвратить развал колхозов, пресекая массовый уход колхозников. Проводилась политика различных поощрений, наград отличившимся колхозам, заигрывания с лучшими членами хозяйств (премирование, приглашения на съезды). Поддерживая еврейские колхозы власть руководствовалась не только экономическими, но и поли-

тическими задачами. Прежде всего, советские еврейские колхозы должны были стать альтернативой сионистам, которые создавали фермы для подготовки молодежи с целью отправки в Палестину. Власти предпринимали различные меры по дискредитации сионистских организаций в глазах евреев-земледельцев. Особенную неприязнь власть выказывала молодежной организации «Гехолуц»⁶, которую признавали серьёзным конкурентом (ГАООГО, ф.9, оп.1, д.524, л.3).

В годы нэпа государство пыталось заинтересовать крестьян в передовых формах ведения хозяйств с целью поднять уровень сельского производства. По сути, для власти еврейские колхозы должны были служить своеобразной рекламой достижений социализма.

Кроме этого, власть стремилась снизить накал антисемитских настроений в советском обществе. Некоторые еврейские хозяйства соответствовали требованиям, предъявляемым *передовым*, т.н. «показательным хозяйствам». Такие колхозы, возникшие, как правило, в первой половине 1920-х гг., имели уже твердую материальную базу и хорошие отношения с местной властью. В них показательно декларировался отказ от соблюдения религиозных обычаев, употребления кошерной пищи, практически все дети состояли в пионерской организации. Подобные коллективные хозяйства, как колхоз Юзефово в Гомельском округе, посещались представителями партийной и советской элиты республики, сотрудниками еврейских организаций, простыми рабочими, делегации которых планомерно направлялись в сельскую местность для «скрепления союза рабочих и крестьянства» (Справоздача Менскага акруговага, 1928, с.8). Старшее поколение исходя из политических мотивов представлялось представителям власти как «сочувствующие». Именно представители этих колхозов были постоянными делегатами и гостями всевозможных съездов партии и Советов. С трибуны еврей-колхозники с гордостью сообщали о позитивных результатах аграрной политики советской власти, об улучшении хозяйственного положения, стремлении к сплошной коллективизации (Беларуская вёска, 22.01.1928 г.).

Несмотря на идеологический прессинг и пристальное внимание со стороны властей, еврейские колхозники, как правило, старались поддерживать тесные связи с местечком. Случалось, что члены колхоза продолжали жить в местечке и только на время сельскохозяйственных работ выезжали в деревню (НАРБ, ф.4, оп.10, д.57, л.234). В тех колхозах, которые находились на далёком расстоянии от местечек, чувствовались настроения ото-

⁶ «Гехолуц» (с иврита букв. «первопроходец», «пионер») – движение еврейской национально - ориентированной молодежи; своей главной целью видело подготовку еврейских юношей и девушек к переселению в Палестину. Ключевым моментом становилось именно профессиональное обучение будущих поселенцев, которым предстояло строить свою новую (старую) родину.

рванности от мира. Среди колхозников проявлялась тоска по местечковому «обществу». (Звезда, 21.01.1928 г.).

Следует отметить злободневную проблему **досуга в колхозах**. Труд в этих хозяйствах не регламентировался по времени. Выходных дней у колхозников быть не могло. Скот должен был быть накормлен ежедневно, коровы подоены. Самым тяжелым временем для колхозников был период посевных и уборочных работ, когда приходилось работать с раннего утра до позднего вечера. Таким образом, празднование субботы и религиозных праздников становилось проблематичным. В некоторых колхозах молодежь устраивала спектакли, приобретались радиоприемники и литература, выписывались газеты. Власть поддерживала т.н. «культурную жизнь колхозников» (Трибуна, 10.10.1929, №19, с.8). Все это делалось не только, чтобы скрасить досуг колхозников, но и имело целью их советизацию – препятствование сохранению традиций, распространению идей сионизма.

Люди, оказавшиеся в непривычных для себя условиях, преодолевая значительные трудности и неустроенный быт, желали некоего морального удовлетворения. Власть стремилась контролировать не только хозяйственную деятельность колхозников, но и их повседневную жизнь. Официально в еврейских колхозах отмечались *советские праздники*. На эти политизированные мероприятия положено было проводить общее собрание колхозников в клубе (если конечно он был), в жилых домах или под открытым небом. В качестве ритуала могли поднимать красный флаг (Lifshitz, 1975, p.20). Не обходилось без заезжего лектора, зачитывавшего на собрании доклад о значении данного праздника, международной обстановке и насущных задачах партии. Евсекции специально направляли агитаторов для работы в еврейских коллективах, тем самым отслеживались настроения колхозников, пресекались попытки празднования еврейских праздников (ГАООГО, ф.1, оп.1, д.2611, л.50-51).

О праздновании религиозных праздников в официальных сообщениях в прессе умалчивалось по вполне понятным причинам. В СССР активно проводилась антирелигиозная кампания, закрывались культовые заведения и религиозные школы, преследовались священнослужители. Советские праздники ничего не значили для старшего поколения и верующих колхозников. Национальные еврейские праздники в колхозах по-прежнему отмечались, но не коллективно, потому что об этом могло стать известно власти, а это создавало определенные проблемы.

По воспоминаниям бывшего члена еврейского колхоза Соломона Лифшица, религиозные праздники проводились под покровом тайны. В домах религиозных евреев собирались старики и пожилые колхозники для молитвы. Желаящие соблюдали пост. Женщины выпекали мацу, а когда её

подавали к столу, закрывали входную дверь. Если раздавался стук, мацу немедленно убирали (Lifshitz, 1975, p. 37).

В еврейских колхозах частыми были конфликты религиозного характера. Религиозные люди, прежде всего, представители старшего поколения, всячески отстаивали сохранение субботнего отдыха. Возмущение вызывало насаждаемое сверху разведение свиней. Свиноводство первоначально не могло получить широкого развития в еврейских колхозах. Однако официально признавалось, что колхозам, которые образовывались на неплодородной земле, целесообразно было развивать молочное животноводство и свиноводство (НАРБ, ф.11, оп.2, д.31, л.3). С экономической точки зрения, разведение породистых свиней помогало расплачиваться с государством поставками по мясу, с политической – свиноводство являло собой пример перевоспитания евреев, символизировало отход от религиозной жизни. Председатель правительства БССР А. Г. Червяков с удовлетворением отмечал, что увидел в одном из «показательных» колхозов свиней английской породы (Два гады, 1929, с.56). В годы массовой коллективизации разведение свиней в еврейских колхозах стало обычным явлением, так как колхозники не могли игнорировать разнарядки на поставку свинины (НАРБ, ф.11, оп.2, д.30, л.29).

Отношения с окружающим крестьянством можно характеризовать как сложные – это зависело от многих факторов. Наделение землей евреев, создание коллективных хозяйств неоднозначно воспринималось местными крестьянами, которые испытывали чувство зависти, что колонистам передаются «лучшие» земли. Это было связано, прежде всего, с дефицитом земли для землеустройства крестьянского населения (Белорусская ССР в цифрах. К 10-летию существования БССР 1919–1929. Мн., 1929, с.29).

Недоверие же евреев к крестьянам было связано с последствиями погромов. Отношение коренного крестьянства к еврейским коллективным хозяйствам нельзя характеризовать как негативное, так как оно зачастую зависело от результатов их труда. Коллективы, где было хорошо развито хозяйство, служили наглядной агитацией против недоверия к евреям как земледельцам. В то же время евреи из преуспевающих колхозов старались наладить добрососедские отношения и оказывали помощь крестьянам техникой и семенами (НАРБ, ф.11, оп.10, д.117а, л.117-118).

В то же время, недовольство крестьянства вызывали еврейские колхозы, члены которых не работали, пользовались наёмным трудом местных крестьян, не интересовались поднятием хозяйств (НАРБ, ф.4, оп.3, д.31, ч.2, л.72). Особенное возмущение вызывало то, когда евреи были вынуждены нанимать местных крестьян для полевых работ. Так, в Слуцком районе крестьяне заявляли, что власть напрасно предоставляет землю евреям. Местное

крестьянство периодически требовало передела их земель, особенно когда колхозники не справлялись со своими обязанностями (НАРБ, ф.11, оп.1, д.8, л.4). В целом, сотрудники евсекций отмечали сложные отношения между евреями земледельцами и белорусскими крестьянами (ГАООГО, ф.3, оп.1, д.265, л.72).

Для власти все проявления антисемитизма в крестьянской среде проще всего было объяснить «происками кулачества». Когда случались эксцессы, поджоги колхозного имущества местными крестьянами, власть обвиняла во всем кулаков, как это было в районе местечка Шацк (Трибуна, 10.10.1929, №19, с.17).

К концу десятилетия, до начала массовой коллективизации, еврейские колхозы практически не пополнялись рабочей силой. Колхозники всячески препятствовали приему новых работников, так как те не имели возможности ничего предоставить в коллективное пользование (денежный пай, сельскохозяйственный инструмент) (НАРБ, ф.4, оп.21, д.212, л.147-147 об.).

Другой причиной было отсутствие интереса со стороны большей части еврейского населения городов и местечек к аграризации. Прибыль из-за отсутствия свободных средств выдавалась нерегулярно и не полностью. К 1929 г. в еврейских колхозах было обобществлено все имущество. В стране ширились антиколхозные настроения. Весьма тревожным для властей был тот факт, что члены еврейских колхозов меньше чем крестьяне были заинтересованы в поднятии своего коллективного хозяйства (НАРБ, ф.11, оп.1, д.171 а, л.139).

С началом принудительной коллективизации именно еврейские коллективные хозяйства становились своеобразными центрами вовлечения окружающего крестьянства в т.н. “коллективное строительство”. Передовые колхозы являлись эталоном ведения сельского хозяйства для крестьян из соседних деревень для привлечения их в колхозы. Одновременно проходила ликвидация т.н. «карликовых хозяйств», что привело к уменьшению количества еврейских колхозов. В июне 1931 г. из 7 тыс. существовавших колхозов в БССР, сведения о национальном составе своих членов предоставили только 5 тыс. хозяйств, в этом числе оказался только 81 еврейский колхоз (НАРБ, ф.701, оп.1, д.107, л.322). Естественно, основная масса евреев находилась в смешанных (интернациональных) коллективах. В то же время, увеличилось количество семей в еврейских колхозах: в среднем с 8–9 в 1929 г. до 43 в конце 1930 г., что свидетельствовало об укрупнении этих хозяйств (НАРБ, ф.11, оп.2, д.30, л.29). Объединение еврейских колхозов с белорусскими иногда считалось нецелесообразным. В январе 1930 г. планировалось ликвидировать еврейский колхоз «ОЗЕТ», в котором насчитывалось 54 семьи. Это было связано с низким уровнем коллективизации в районе и

широким распространением антисемитизма среди крестьян (НАРБ, ф. 11, оп.1, д.190, л.7).

Интернационализация, как и укрупнение хозяйств, привело к конфликту между евреями и неевреями, например, по вопросу о руководстве. Белорусы не понимали, почему ими командуют люди зачастую незнакомые с земледелием. В то время евреи противились переходу власти в колхозах, которые они сами создавали, к чужакам. В результате этих и прочих причин в некоторых колхозах белорусы и евреи взаимно отказывались работать в одних бригадах. Так, в колхозе «Октябрь» Борковичского района (с 1931 г. – Дриссенский) Полоцкого округа белорусы отказались работать вместе с евреями, мотивируя это тем, что без евреев в колхозе жилось бы лучше. Во время уборочной кампании бригады организовывались сугубо по национальному признаку. Крестьяне местечка Житковичи Мозырского округа также всячески отказывались работать с евреями в одних бригадах. Иногда дело доходило до серьезных инцидентов. В колхозе «Надежда» был избит еврей Лапидус, после чего виновные были привлечены к уголовной ответственности (НАРБ, ф.701, оп.1, д.101, л.230).

Во время массовой коллективизации обострились противоречия между евреями колхозниками и белорусскими крестьянами. **Массовые антиколхозные выступления** крестьянства напоминали евреям ужас пережитых десять лет назад погромов. В еврейских колхозах «Вежер» и «Яселище» Гомельского округа, по сообщениям сотрудников ГПУ, отказ еврейских колхозников принять имущество высланных кулаков был обусловлен страхом мести (поджогов) со стороны их родственников (ГАООГО, ф.3, оп.1, д.714, л.47). Порой местная власть сама провоцировала конфликтные ситуации. Так, еврейский колхоз в м. Горволь Речицкого округа был организован из евреев ремесленников, которые получили часть лучшей земли, находившейся ранее в пользовании белорусских крестьян-единоличников. Недовольство колхозников проявилось во время т.н. «бабьего бунта», выступления крестьянок, считавших, что советская власть не будет преследовать протестующих женщин (Viola, 1999, p. 113). В начале апреля 1930 г. группа крестьянок (25–30 чел.) вышла в поле, и препятствовала работе евреев - колхозников. При этом были слышны крики, что «без кольев дело не обойдется, будет кровь и т.д.». К счастью, насилия удалось избежать (ГАООГО, ф.3, оп.1, д.714, л.210).

Насильственная коллективизация привела к тому, что был утрачен всякий смысл добросовестного труда, ведь практически вся прибыль забиралась государством. Колхозники уже не были заинтересованы в результатах работы. Если раньше они заботливо относились к тому, что сами создавали своими руками на протяжении годов, то теперь они не видели в этом

смысла. Стала широко распространяться бесхозяйственность и воровство. Подобная картина наблюдалась повсеместно (НАРБ, ф.11, оп.1, д.190, л.7).

Интернационализация и укрупнение колхозов явились разрушающими факторами еврейской колхозной общины. С одной стороны, еврейские семьи чувствовали психологический дискомфорт в интернационализируемых хозяйствах, как следствие прихода чужаков в их «семейные хозяйства» с налаженной системой отношений, также с ростом антисемитизма со стороны крестьян. С другой стороны, существенно ухудшилось положение «ветеранов», которые практически не имели своего имущества, так как все было обобществлено, по сравнению с «новичками», которые, в частности, обладали подсобным хозяйством (НАРБ, ф.11, оп.1, д.186, л.73).

Вследствие этого, а также распада большинства колхозов весной 1930 г., практически во всех хозяйствах республики произошел отток работников. Причем из еврейских колхозов вышла зажиточная часть крестьян и ремесленники (НАРБ, ф.11, оп.1, д.190, л.7-8). С другой стороны, в колхозы, уже не только еврейские, массово вступала еврейская беднота местечек, впрочем, как и разорившиеся в ходе ликвидации нэпа ремесленники и торговцы. Членами колхоза даже становились пожилые люди для того чтобы получить социальные льготы, как например, в колхозе «Звезда» возле местечка Погост Слуцкого округа (НАРБ, ф.11, оп.1, д.186, л.53 об).

Еврейская колхозная община размывалась в результате укрупнения колхозов, вербовки еврейских колхозников в Биробиджан (ГАРФ, Ф. Р-7541, оп. 1, д. 938, л. 6-7). Она, естественно, увеличивалась за счет приема еврейской бедноты местечек, но это скорее вносило разлад в сложившиеся коллективы. Если первоначально спланивающим фактором являлась общность экономических интересов (получение прибыли, дальнейшее инвестирование в хозяйство), то теперь он был утрачен. Колхозы превращались в своего рода социальные организации, гарантирующие занятость маргинальным слоям разорившихся местечек. Подобная «уравниловка» заставляла экономически активных колхозников искать новые виды деятельности.

Следует отметить, что с начала 1930-х гг. выйти с колхоза или даже перейти в другой колхоз стало весьма проблематично. Так, еврей-колхозники колхоза «Пятилетка» возле м. Смиловичи были фактически прикреплены к своему хозяйству, без возможности выйти из него. К тому же, они были вынуждены жить за пределами местечек, где находились их семьи (ГАРФ, ф. Р-7541, оп.1, д.1327, л.27-28).

Гонение на религию в СССР также затронуло еврейские колхозы. В условиях наступления советского режима на права верующих опасение со стороны власти вызывала приверженность колхозников религии. Обследование еврейского колхоза «Красный Октябрь» возле м. Копаткевичи

Мозырского округа в марте 1931 г. выявило то, что колхозники посещали синагогу. По мнению власти, это было связано с отсутствием правильной «культурно-просветительной» работы (НАРБ, ф.701, оп.1, д.101, л.256). Под прицел попали люди, соблюдавшие традиции иудаизма. В некоторых случаях колхозники, которые сознательно не доили молочный скот в субботу, были исключены из коллективного хозяйства (YIVO, R-358, file 28 A, p.17).

Фото 2 Колхозники еврейского колхоза «Эрштер Май» перед выездом в поле на работу. Бобруйская обл. до 1932 г. (Источник: Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов. 0-38796.)

Периодически в колхозах проводились чистки: из хозяйства публично изгонялись представители «мелкой буржуазии», например, бывшие торговцы (Jewish Daily Bulletin, 29.01. 1930 г., № 1577, p. 2). Ситуация в колхозах с каждым годом становилась всё менее приемлемой для крестьян, в том числе и для евреев, которые стояли у истоков ряда коллективных хозяйств БССР. Люди под любым предлогом старались покинуть сельскую местность в поисках работы в городе.

В 1933 г. в Минске состоялся 1-й Всебелорусский Съезд колхозников-ударников. Среди делегатов присутствовала также группа евреев-колхозников (41 чел.). Они рассказывали о достижениях своих колхозов, естественно, в духе того времени, только о позитивных сторонах развития хозяйств и жизни своих семей. С гордостью отмечали то, что их дети учились в высших и средних заведениях страны (ГАРФ, ф.Р-9498, д.519, л.2).

Вторая половина 1930-х гг. принесла новые реалии: власти республики уже не уделяли должного внимания еврейским коллективам, которые по-

степенно переставали фиксироваться статистикой. Власть на местах просто игнорировала наличие еврейских хозяйств (ГАРФ, ф. Р-7541, оп.1, д.889, л.2). По некоторым оценкам, во второй половине 1930-х гг. в республике действовало 40–50 еврейских колхозов, в среднем – 1–2 в каждом районе (ГАРФ, ф. Р-7541, оп.1, д.889, л.2). К началу нацистского вторжения, в 1941 г., в республике сохранялись еврейские колхозы или интернационализированные колхозы с еврейскими названиями. Например, колхоз «Эрштер май» возле м. Стрешин Жлобинского района Бобруйского округа оставался одним из лучших хозяйств в своем районе (ГАООГО, ф.144, оп.1а, д.68, л.1).

Заключение

Еврейские колхозы на протяжении 1920-х – 1930-х гг. прошли закономерный этап в своем развитии. Отношение евреев к переходу на землю, в том числе и для ведения коллективного хозяйства, в 1919–1930 гг. не было однозначным. В период военного коммунизма вхождение евреев в коммуны было скорее исключением, чем правилом. Надежды, возлагаемые на нэп, у части еврейского населения не оправдались. Основным поставщиком рабочей силы для коллективных хозяйств оставалось местечко (*штетл*). Кризис экономики местечка, как следствие военных действий, жесткой социально - экономической политики большевиков, процесса модернизации, высвободил значительное количество рабочей силы, которую было негде занять кроме как на земле. Колхозы в 1920-е гг. действительно позволили выжить части еврейского населения. Евреи-колхозники, как и рабочие, являлись привилегированной в социальном плане группой населения: именно представители этих двух классов являлись людьми нового строя, хотя демонстрация образа еврея-крестьянина для большевистского режима была более предпочтительна, чем еврея-служащего. Формирование «нового» класса колхозного крестьянства являло собой пример искусной политики советского государства по перевоспитанию старых слоёв «отмирающего мира». Еврейское население, оторванное от местечек, от своих единоверцев и родни, являло собой пригодный материал для создания человека нового типа. То, что в еврейских колхозах продолжали полулегально праздноваться национальные праздники, было, скорее, упущением местной власти, которая не смогла проконтролировать положение в этих хозяйствах. Политика наделения евреев землёй, несмотря на широкую пропагандистскую кампанию и выделение значительных средств, не смогла решить проблему трудоустройства еврейской бедноты, а, по сути, стала ловушкой для тех, кто от безысходности занялся сельским хозяйством.

Эксперимент по созданию еврейских колхозов в целом не удался. Процесс добровольного землеустройства еврейского населения в конце 1920-х гг. был превращен в насильственную коллективизацию, которая характеризовалась всеми негативными моментами: насилием, обнищанием населения, утратой экономической свободы. Еврейские колхозы в Белоруссии, сыграв определенную роль противовеса сионизму и центров коллективизации, стали больше не нужны власти как чисто еврейские хозяйства. Этому способствовало изменение во внутренней и внешней политике страны – теперь центром еврейской колонизации становился Биробиджан (с 1934 г. – Еврейская автономная область). Интернационализация коллективных хозяйств должна была привести к единению трудящихся всех национальностей. На самом деле произошло обратное – резко обострились отношения между евреями и местным населением, которые до этого были скорее нейтральными (к концу 1920-х гг. определенную роль сыграла проводимая государством борьба против антисемитизма и т.н. «интернациональное воспитание трудящихся»). Советская власть не только сделала всех бедными, но и лишила евреев-поселенцев надежды на лучшую жизнь на земле, той самой надежды, которую они берегли в душе, преодолевая трудности и вкладывая силы в развитие хозяйства. Эксперимент по коллективизации евреев подходил к логическому завершению и, спустя несколько десятков лет, советский человек, не знакомый с историей своего края и поверить бы не мог, что совсем еще недавно евреи-колхозники пахали землю и разводили свиней.

Приложение

Таблица. Динамика численности еврейских колхозов в БССР в 1918–1937 гг.

Годы	Количество
1918	9
1919	28 (43 в Западной Белоруссии)
1920	38
1921	38
1922	39
1923	41
1924	50
1925	79
1926 (июнь)	142
1928(октябрь)	228
1929 (июнь)	231
1927	145
1928	183
1929 (октябрь)	273
1930 (октябрь)	306
1931	81
1932	254
1937	50

Составлено по: НАРБ, ф.11, оп.1, д.187, л.34; ф.4, оп.21, д.212, л.147–147 об; ГАРФ, ф.Р-9498, оп.1, д.519, л.2; ф. Р 7541, оп.1, д.889, л.2; Звезда, 21.06.1926; Ад з’езда да з’езда (Матэрыялы да справаздачи ўрада на ІХ Усебеларускім з’езде саветаў). Менск, 1928; Матэрыялы справаздачи Урада Х З’езду БССР, Мінск 1931, с.112;

Библиография

Государственный архив общественных организаций Гомельской области (ГА-ООГО), ф. 1 Гомельский губернский комитет партии (большевиков) (1918–1926); ф. 3 Гомельский окружной комитет КП(б)Б (1926–1932); ф. 9 Речицкий уездный комитет партии (1917–1927), ф. 144, Гомельский областной комитет партии (1938–1941).

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ф. Р-7541 Комзет СССР (1924–1937); ф. Р-9498 ОЗЕТ СССР (1925–1938).

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф.4 Центральный комитет (ЦК) Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии. КП(б)Б, ф.782 На-

родный комиссариат по делам национальностей Белоруссии (Наркомнац БССР), ф.11 Комзет СССР (1924–1937);

Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф.5244 Всероссийское общество ремесленного и земледельческого труда среди евреев (ОПТ).

National Archives and Records Administration in Washington (NARA), T1249. Records of the Department of State Relating to Internal Affairs of the Soviet Union, 1930–1939, Roll 031.

YIVO Archives (New York), R-358 Joseph A. Rosen Papers (1911–1943).

Два гады нацыянальнай работы ў БССР: Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытанні. Менск, 1929.

Еврейское местечко в революции: Очерки под ред. В. Тана-Богораза. М.-Л., 1926.

Еврейский крестьянин. Сб. 1-2, М.: ОЗЕТ, 1925-1926.

Замойский А. С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939. Минск: И.П.Логвинов, 2013.

Збор прамоў, артыкулаў і рэзалюцый па нацыянальным пытанні. Менск, 1929.

Зборнік чынных законаў БССР за 1921-1924 гады. Менск: Выд. Наркамюста, 1927.

Вынікі працы па землябудаўніцтву працоўнага яўрэйскага насельніцтва ў Беларускай Сацыялістычнай Савецкай Рэспубліцы: стэнаграфічная справаздача пасяджэння Прэзідыуму ЦВК БССР 25-га снежня 1926 г. Менск: Выд. ЦВК БССР, 1927.

Пичуков В., Старовойтов М. Гомельщина многонациональная (20–30-е годы XX века). Гомель, 1999.

Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Советской Социалистической Республике: Ч. II: Работа среди национальных меньшинств в БССР. Минск, 1928.

Соболевская О.А., Гончаров В.В. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы. Донецк: Норд-Пресс, 2005.

Справаздача Менскага акруговага кіраўніцтва “ОЗЕТ” за 1928–1929 год. Менск: Выд. Менскага ОЗЕТ, 1928.

«Беларуская вёска», 23.11.1926 г.

«Звязда», 21.01.1928 г.

«Трибуна», 10.10.1929 г., №19; 10.01.1930 г., № 2.

Ходзін С., Сосна У. Яўрэі і земляробства ў Беларусі [у:] *Беларусіка*. 4. Мн., 1995. сс. 61-64.

Lifshitz S. History of the Jewish Kolkhoz in Siberia (1926–1934). Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1975.

Rovner A. The «Icor» and the Jewish colonization in the U.S.S.R. New York: ICOR, 1934.

Viola L. Peasant rebels under Stalin. Collectivization and the culture of peasant resistance. New York, 1996.

Синагоги и иудейские молитвенные дома Бреста-над-Бугом (1921–1939 гг.)

Синагоги и молитвенные дома (иудейские божницы) для Польского государства в 1921–1939 гг. являлись, в первую очередь, центрами общественной и религиозно-культурной жизни иудеев, полностью отражая все процессы, характерные для еврейского народа в поликонфессиональном и полиэтническом обществе.

Об истории синагог и молитвенных иудейских домов Бреста известно очень немного. Е. С. Розенблат (Розенблат, 1993), О. А. Соболевская (Соболевская, 2005), А. И. Локотко (Локотко, 2002) и др. в своих исследованиях касались этого вопроса, но до сих пор он так и не стал предметом специального исследования.

Целью работы является характеристика синагог и иудейских молитвенных домов Бреста-над-Бугом как центров религиозной, культурной, общественной жизни иудеев в 1921–1939 гг. Задачами данной работы послужило выявление основных направлений деятельности синагог и божниц, а также определение роли этих центров в жизни иудеев региона.

Строительство синагог и божниц

Первые иудейские храмы появились в Берестье после привилея Витовта евреям 25 сентября 1411 г. Количество синагог и молитвенных домов в городе менялось по мере роста еврейского населения и изменения государственной политики. Со временем у иудеев Берестья появилась «чудо-синагога», которая славилась во всей Европе, а сам город стал своеобразной столицей евреев Великого княжества Литовского (Зоненберг, 1907, с.17-25). Синагога оставалась на территории Старого города до 1842 г., пока в связи со строительством крепости город не перенесли на новые территории (Зоненберг, 1907, 93). В 1841 г., перед началом ликвидации еврейской недвижимости на территории, где должна была разместиться крепость, брестской еврейской общине принадлежала синагога и 12 бейт-мидрашей, в 1843 г. – синагога и 18 бейт-мидрашей на 8147 чел. еврейского населения. В самом городе находились здания 11 молитвенных школ и синагога, ещё один бейт-мидраш возвышался на Кобринском форштадте (Сабалеўская, 2011, с.293). В 1889 г. в городе было уже две синагоги и 32 молитвенных дома (Энциклопедический словарь, 1891, кол.656). По истечении нескольких лет

местные власти дали разрешение на постройку синагоги в самом центре нового города. Составленный план был послан в Петербург на разрешение российскому императору, который несколько изменил его. К постройке приступили в 1851 г., но в силу материальных проблем строительство затянулось до 1862 г. При разрушении синагоги нашли в стене замурованную гранитную плиту с надписью: «Вельможа Саул Самуил Юдич выстроил женскую галерею синагоги в память супруги своей Двойры и т.д.». Плита эта была замурована в коридоре Главной (Большой) синагоги нового города. Сильный пожар 1895 г. не пощадил это здание, которое было отстроено на том же месте (Зоненберг, 1907, с.93). К началу XX века в городе были две синагоги и более тридцати молитвенных домов (Розенберг, 2011, с.51). Известно, что во время Первой мировой войны в Главной синагоге, частично разрушенной, располагались беженцы (Бейзер, 2002, с.26).

В 1921 г. город Брест (с 1923 г. – Брест-над-Бугом), по условиям Рижского мирного договора, вошёл в состав Польши. Национально-религиозный состав населения города был довольно пёстрым, но первое место по численности в нём занимали евреи (44–57,55%) (Вавренюк, 2011, с.135-148). В издании «Еврейский мир», вышедшем в 1939 г. в Париже, брестская еврейская община была названа одной из главных общин Польши (Еврейский мир, 1939, с.379).

Большая синагога в Бресте-над-Бугом была лишь одним из множества иудейских молитвенных зданий. Согласно данным Государственного архива Брестской области, в 1926 г. в городе имелось 47 синагог и божниц (ГАБО, ф.1, оп.10, д.2390, л.2-2 об.), а в 1934 г. – Большая синагога и 29 божниц – «Зелёная», «Фишель», «Кобринская», «Новая», «Хайе-Одом», «Карлинер», «Слонимер», «Братство святое» и др. (ГАБО, ф.93, оп.1, д.3079, л.4-5). Название молитвенных домов отражало как специфику общины, так и характер самого здания. Как правило, божницы называли по региональному признаку, по имени владельца (мецената, духовного авторитета) или принадлежности к определённому религиозному течению (Bergman, 1995, s.187).

Сокращение количества синагог и божниц Бреста-над-Бугом в 1921–1939 гг. свидетельствовало о соответствующей политике польских властей, которые ужесточали требования к их строительству и содержанию, повышали налоги, проводили необоснованные дополнительные проверки и др. Вследствие этого, часть молитвенных домов стала функционировать нелегально. Изоляция проживания еврейской общины в определённых районах города не была вынужденной, а должна рассматриваться как результат исторического процесса сохранения языковой и культурной идентичности. Синагоги и божницы располагались преимущественно в центральной части города – по улицам Домбровского, Длинной, Листовского, Широкой, То-

полёвой, Петровской, Николаевской, Госпитальной. Размещение синагог и божниц на территории города определялось расселением в нем иудеев, на которое повлияли самые различные факторы: исторические, связанные с переносом города по причине строительства крепости, традиции, требования военных и гражданских властей, материальные возможности и духовные потребности гмины, рост еврейского населения, наличие различных течений в иудаизме. Территориальное обособление евреев диктовалось глубоко традиционным жизненным укладом евреев, их представлением о комфортности жизненного пространства и религиозными законами, не позволявшими преодолевать большие расстояния в шабат (Po żydowski..., 2005, s.61-71).

Божницы могли быть как общественными, так и частными. Общественные обычно размещались в отдельных зданиях и часто передавались в дар общине зажиточными ее представителями; это считалось престижным. Частные, соответственно, принадлежали частным лицам и по размеру были небольшими; они практически растворялись в рядовой застройке города. Гмины старалась сохранять ранее построенные здания божниц, а новые строить редко, что было обусловлено как стремлением сберечь все то, что связано с прошлым, так и экономическими проблемами, а также политикой польских властей, не оказывавших материальную помощь гмине. Так, например, божница Шамы Апольского по ул. Длинной, 58 в Бресте была отстроена в 1928 г. на фундаменте ранее разрушенного молитвенного дома (ГАБО, ф.5, оп3, д.3197, л.1), а в молитвенном доме по ул. Домбровского, 62/64, в 1938 г. был сделан капитальный ремонт (ГАБО, ф.5, оп.3, д.3196, л.3).

Архитектура синагог и молитвенных домов

Особенностью архитектурного облика Бреста-над-Бугом было наличие в центральной части планировочной структуры города Большой (Главной) синагоги на углу улиц Домбровского и Листовского (современных Советской и Будённого). Большая синагога города являлась уникальным сооружением: внутри – прямоугольный объём, минимальный декор фасадов, шатровая крыша. Данные о планировке здания неоднозначны: одни исследователи считают, что в плане это было 8-мигранное здание (Брест 1987: 80-81), другие – 6-тигранное (Свод памятников... Брестская область, 1990, с.71). Вероятнее всего планировка содержала шесть граней, что было обусловлено иудейской традицией. Прямоугольный молитвенный зал вмещал до 5 тыс. человек (Брест в 1919–1939 гг., 2009, с.222). Главный зал разместили с востока, а женскую часть – с запада. Во время молитвы иудеи поворачивались лицом в направлении к Иерусалиму (Klugman, 2003, s.47).

Монолитные колонны поддерживали галерею для арон-кодеш (место хранения свитков Торы). Женская галерея, вход в которую был через отдельную внутреннюю дверь, находилась в помещении на возвышенности. На фасаде располагалось два ряда арочных окон и двери. Все надписи, как внутренние, так и внешние, были выполнены на иврите. Синагога была оштукатурена снаружи. Под крышей имелся стилизованный карниз с декоративными сухариками. Декорация боковых фасадов содержала балюстрады.

Что касается внутреннего устройства, то в Большой синагоге, которая по всем характеристикам являлась хоральной, существовали четыре обязательных атрибута: *орен койдеш* (*арон-кодеш*), *бимэ* (*бима* – возвышение, с которого в течение службы читают Тору), *тивэ* (*тива* – специальный пюпитр между бимой и арон-кодешем), стулья или скамьи для молящихся, шкафы для молитвенников и других книг. Конкретного свода правил в отношении строительства и декорирования синагоги не существовало. В основе архитектурно-художественного решения синагог лежал образ Иерусалимского Храма, который был разрушен и восстановления которого, как и прихода Мессии, ждали евреи всех поколений (Локотко, 2002, с.38-43).

Еврейские общины придавали особое значение строительству и декорированию синагог и молитвенных домов, вкладывая в их образ важный символический смысл. Архитектура божниц была разнообразной, что обуславливалось некоторыми причинами: во-первых, влиянием различных художественных стилей, получивших распространение на территории региона, а также религиозных течений; и, во-вторых, материальным достатком общины.

Согласно ограничениям, которые налагались властями, синагоги и божницы не могли быть выше жилых домов и иметь богатый декор. По большей части, они занимали «островное» положение в окружении значительно более низкой застройки. Согласно данным Государственного архива Брестской области (ГАБО, ф.5, оп.3, д.3204; ГАБО, ф.5, оп.3, д.3203), архитектурный стиль синагог можно охарактеризовать следующим образом: основную эстетическую нагрузку несли главные фасады зданий, боковые оставались аскетически простыми, практически без каких бы то ни было элементов декора; для архитектуры брестских божниц были характерны безбашенные постройки просторного объема с высокой крышей сложной конфигурации.

В божницах наблюдалось сочетание традиционных элементов синагогального строительства с чертами гражданской архитектуры. Все божницы города принадлежали к так называемому общегражданскому типу. Они были практически растворены в рядовой застройке города, как уже отмеча-

лось выше, и только специфическая иудейская символика являлась композиционным акцентом здания, выделявшим его на фоне преобладавшей одно-, двух-, и реже – трёхэтажной застройки города. Оознавательными знаками божниц были каменные скрижали, венчающие главный фасад здания и ассоциирующиеся с образом горы Синай, на которой Моисей получил Десять заповедей, а также *могендовид*, который часто водружали на шпиль купола, или включали в оконный переплет витража, или как элемент портика. Арки олицетворяли развернутый Свиток Торы, который давал духовную пищу и оберегал евреев. Такая система обрамлений, помимо настенных таблиц Декалога, включала окна и двери. Живопись и резьба выражены были в растительных и животных мотивах (лев и др.), различных символах, что предписывалось религиозной традицией (Вавренюк, 2013).

Управление религиозной жизнью

Универсальность синагоги была религиозно и исторически обусловлена внешними и внутренними причинами. Объединяя в себе управленческие, образовательные и ритуальные функции, синагога являлась живым воплощением института Торы, в соответствии с которым община строила свою жизнь. Большая синагога Бреста в 1921–1939 гг. являлась иудейским духовно - административным центром региона. Признание польскими властями еврейской общности религиозной гминой зависело от исполнения трёх условий: строительства бани с миквой (водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты), закладки кладбища, основания синагоги (Klugman, 2003, s.84). В синагогах и божницах не только проходили религиозные службы и обряды, но и располагались учебные заведения, заседало правление общины, суд. Зачастую непосредственно в здании синагоги или божницы была и миква.

Еврейские религиозные гмины на территории Полесского воеводства были созданы в соответствии с распоряжением Совета министров Польши от 28 октября 1925 г. Этим распоряжением евреи, являвшиеся жителями Полесского, Новогрудского и Волынского воеводств, объединялись в единый религиозный союз с евреями, населявшими центральную Польшу. Союз обладал юридическими правами и состоял из гмин, пользовавшихся своими корпоративными правами. Количество гмин определялось количеством иудеев и могло изменяться также в зависимости от наличия (или отсутствия) постоянно проживающего в регионе раввина и доходов гмины. Всего в Польше к 1937 г. насчитывалось 600 еврейских гмин.

Большая синагога Бреста в 1921–1939 гг. являлась иудейским духовно-административным центром региона. В синагогах и божницах не

только проходили религиозные службы и обряды, но и располагались учебные заведения, заседало правление общины, суд.

Синагога являлась центром религиозной традиционной жизни иудеев. Во главе стояли раввины, исполнявшие функции духовных лидеров. Еврейской религиозной гминой руководило правление, во главе которой стоял раввин или главный раввин (если община была большой). Если количество членов гмины было более 5 тыс. чел., то её возглавлял распорядительный орган – Рада, избиравшаяся членами гмины. Рада разрабатывала бюджет общины, определяла размеры членских взносов, избирала раввина и подраввина. Рада избирала также исполнительный орган – Правление гмины. Правление избиралось тайным голосованием. Предпочтение во время выборов отдавали раввинам старше 50 лет, которые исполняли свои функции до момента выборов более 10 лет. Все раввины обязательно должны были сдавать экзамен на знание польского языка в Варшаве Центральной Комиссии *Auxilium Academicum Judaicum* за счёт гмины.

С 1927 г. во главе брестской иудейской гмины стоял утверждённый после выборов раввин Ицко Вольф Соловейчик из знаменитой династии раввинов Соловейчиков, получивший официальное звание от местных польских властей «Раввин еврейской религиозной гмины» (ГАБО, ф.1, оп.3, д.1253, л.1-20).

Еврейские религиозные гмины: строили и содержали синагоги, модельни, миквы и кладбища, организовывали религиозное воспитание и образование, управляли недвижимым имуществом гмины, занимались благотворительностью среди еврейского населения, регулировали культурную и общественную жизнь. Все отчёты и метрические книги в 1921–1939 гг. общины вели по требованию польских властей на двух языках – иврите и польском.

В работе гмины доминировали культурно–просветительская и благотворительная направленности, что было обусловлено рядом факторов:

- 1) полонизаторской политикой польских властей, а в 1930-е гг. – открыто антисемитской;
- 2) пауперизацией еврейских масс;
- 3) эмиграцией евреев.

Благотворительность

Гмилес хсодим (гмилут хасадим) (буквально с иврита — «помощь нуждающимся») — благотворительность — одна из фундаментальных этических основ иудаизма. Она основывается на религиозном понимании, то есть на обязательной и разносторонней помощи ближнему с сохранением при этом

достоинства личности (подробнее см.: Функ, 1998, с.82). На заседаниях правления гмины регулярно решали вопросы о выделении денег на летние колонии, общежития, лечение бедных в Еврейской больнице, лечение раввину, соблюдение ритуалов для солдат-иудеев на службе в польской армии, в помощь комиссии по опеке, о материальной помощи отдельным лицам и др.

Регулярными были отчисления брестской религиозной гмины на содержание «Дома старцев», Светлицы Товарищества опеки над сиротами и интерната для учеников, в беспроцентную кассу «Гмилас Хесед» в Бресте, Союзу еврейских женщин в Бресте, Товариществу охраны здоровья (ТОЗ), Товариществу помощи бедным евреям «Линас Хаседек», Санаторию Медее в Менджимине, Санаторию «Марпе» в Отвоцке, бюро эмиграции «Джеас», культурно-просветительному товариществу, школам и курсам, библиотекам, читальням, спортивным клубам, союзам, сионистским фондам.

Еврейская благотворительность гмины не имела публичного характера. Наиболее распространенными формами её работы были бесплатные кошерные обеды для солдат к иудейским праздникам, выпечка бесплатной мацы, раздача бедным на шабат халы и курицы, оплата отопления и пр. В 1926 г. в городе работало 11 специализированных пекарен для выпечки мацы. Для многих семейств помощь иногда являлась единственным средством существования. Еврейской гминой по улице Госпитальной, 97 в Бресте-над-Бугом было построено одноэтажное деревянное здание «Дом старцев». Брестская гмина жертвовала и на непланные расходы. Так в 1938 г. деньги были выделены для беженцев из Заольшья, переселенцев из Германии, погорельцев из местечка Орля, Еврейскому научному институту ИВО в Вильно, Обществу распространения труда среди евреев ОРТ.

Брестская еврейская гмина была своеобразным центром благотворительности Полесского воеводства Польского государства. Она часто выделяла деньги еврейским гминам других воеводств. Так, в 1938 г. было выделено 7 860 злотых гминам в Малорите и Чернавчицах, у которых наблюдался дефицит бюджета (Вавренюк, 2012, с.50-56).

Синагоги и божницы как центры образования

В зданиях синагог или рядом с ними располагались учебные заведения (хедеры, талмуд-торы, иешивы, курсы для взрослых и др.). Главная синагога Бреста являлась своеобразным центром образования для гмины, способствуя развитию в первую очередь религиозных учебных заведений. В развитии иудейских образовательных учреждений можно выделить два периода:

1) 1921–1932 гг. (с момента вхождения земель региона в состав Польского государства до реформы образования 1932 г.). Этот этап характеризовался лояльным отношением польских властей к деятельности иудейских учебных учреждений;

2) 1932–1939 гг. (с начала реформы образования до событий сентября 1939 г.). Этот этап характеризовался ужесточением контроля со стороны польских школьных властей, сокращением финансовой поддержки в силу экономических проблем.

До 1932 г. на частные религиозные школы распространялось распоряжение 1919 г. за №15931/259 по школьным вопросам и просвещению генерального комиссара восточных земель (ГАБО, ф.59, оп.2, д.588, л.5). Согласно этому документу, к открытию религиозной школы Министерством вероисповедания и образования Польши предъявлялись следующие требования:

- в первый класс принимались дети, достигшие полных 7 лет;
- программа обучения в школе должна была соответствовать программам Министерства вероисповедания и образования в публичных начальных школах;
- в школах не должен был быть отдельный предмет физического воспитания;
- в учебных помещениях обязательно должны быть умывальники, гигиенические приспособления для питья воды, корзины для бумаг и др.;
- владелец школы должен был предоставить соответствующий инвентарь и учебные пособия для обеспечения учебного процесса;
- владелец школы должен был обязательно выполнять все поручения местных школьных властей;
- школьное делопроизводство должно было быть унифицировано (ГАБО, ф.59, оп.2, д.579, л.2).

Кроме этого, любые изменения состава персонала должны сразу же сообщаться в местный орган образования через школьного инспектора. В противном случае, учебное заведение закрывалось. Руководитель и преподавательский персонал утверждались на каждый учебный год. Только после этого частная школа могла претендовать на получение разрешения на деятельность на следующий учебный год. На протяжении учебного года было запрещено менять персонал (ГАБО, ф.59, оп.2, д.579, л.2 об.).

По вопросу приёма учителей на работу в школы действовала строгая система отбора, установленная польскими властями законом от 26 сентября 1922 г. Для всех раввинов необходим был документ от раввина синагоги о праве преподавания религии и Талмуда (ГАБО, ф.310, оп.1, д.43, л.2). Кроме

этого каждый учитель должен был предоставить документальное подтверждение знания польского языка и иврита (ГАБО, ф.310, оп.1, д.44, л.2).

В 1932 году в Польском государстве была проведена реформа образования. В соответствии со специальными законами от 11 марта и 7 июня 1932 г., ужесточались правила открытия и содержания частных учебных заведений. Директор и учителя должны были иметь польское гражданство, высшее или специальное педагогическое образование, а также документ от местных властей о высоком моральном облике. Учебное заведение должно было обладать документальным подтверждением о достаточном финансировании и лояльном отношении владельца школы к Польскому государству. Местные школьные власти получали широкие полномочия и могли закрыть школу в случае нарушения санитарно-гигиенических норм, нелояльных проявлений в адрес государства и т.п. В целом, новое законодательство по вопросам частного образования значительно урезало права и возможности иудеев на развитие религиозных учебных учреждений.

Религиозные иудейские учреждения можно разделить на начальные школы и иешивы. Начальные школы существовали следующих основных типов: хедеры, «Талмуд Торы», школы обществ «Хойрев», «Тахкемоне», «Явне» и «Бейс Яков» для девочек. В Бресте на попечении иудейской гмины по адресу Сенкевича, 40 работал реформированный хедер «Хинух». В 1925/1926 учебном году в этой школе училось 50 учеников обоего пола. Концессия на проведение религиозной школы была оформлена на брестчанина Юделя Кагана. Оплата от учеников составляла 10 злотых в месяц. Процесс обучения был рассчитан на 10 месяцев. Обучение было предметным, среди которых польский язык, арифметика и геометрия, Библия, Псалмы, иврит, молитвы. Обучение шло на двух языках – польском (светских предметов) и иврите (религиозных предметов). Набирали только подготовительный и первый классы, причём количество учебных часов в первом классе было всего на 1 час больше, чем в предыдущем. Соотношение светских предметов с религиозными в подготовительном классе – 9 к 21 (30% и 70%), в первом – 10 к 21 (32% и 68% соответственно) (ГАБО, ф.59, оп.2, д.586, л.2-12).

Под покровительством синагоги находилась и талмуд-тора раввина Соловейчика по улице Длинной, 856. В 1931/1932 учебном году в этой талмуд-торе училось 452 ученика. Обучение шло на двух языках – польском и иврите. Школа была 4-хклассной. Изучали предметы как обязательные (религия, польский язык, немецкий, иврит, история, география, наука о природе, счёт и геометрия и др.), так и специальные (Талмуд с комментариями, Талмуд и Библия, Библия с комментариями, Библия и религия, религия) (ГАБО, ф.59, оп.2, д.666, л.12). В 1929 г. здание талмуд-торы сгорело, вместе

с расположенным рядом иудейским молитвенным домом (ГАБО, ф.1, оп.1, д.101, л.2). После этого талмуд-тора стала располагаться в здании Большой синагоги.

Самые способные из юношей-учеников переходили в иешиву (высшее религиозное учебное заведение). Она размещалась сперва в здании «Талмуд Торь», потом – в синагоге. В иешиве работали известные учителя из династии раввинов Соловейчиков. Профиль учебного заведения определял перечень преподаваемых предметов. В первую очередь изучали Талмуд с комментариями. Особое место в изучении отводилось иудаизму и Палестине. В иешиве было исконно комплексное обучение. Образование было традиционным и автономным. Иешива содержались за счёт пожертвований еврейских организаций, общины и частных лиц. Образцом для нее была иешива в Воложине (Вабішчэвіч, 2006, с.320). Именно там ранее учились раввины Бреста, крупные раввинистические авторитеты Иосеф и Хаим Соловейчики (Герасимова, 1996, с.80-83).

Основной метод, при помощи которого шло общение в иешиве – *пильпуль* – метод талмудических дискуссий (название «пильпуль» происходит от слова «перец», что подчёркивало остроту ума, проявляющуюся в них). Обсуждение какой-либо проблемы при таком методе характеризовалось педантичным словесным и структурным анализом текста при полном отстранении от исторического контекста его написания и от его лингвистической характеристики. Применялся также и метод *«пильпуль хилуким»*, своего рода надстройка, опирающаяся на «пильпуль» – метод, развивавший и усложнявший обычный *«пильпуль»*. Раввин Хаим Соловейчик изобрёл и практиковал в иешиве знаменитый «брестский метод» (Stampfer, 2012, с.99-105).

Аттестат не получали ни в одном из учебных заведений. Начальные религиозные школы могли посещаться детьми параллельно с общеобразовательными.

Иудейские начальные школы и иешивы в 1921–1939 гг. подверглись полонизации, что выразилось, в первую очередь во введении обязательного польского языка, преподавании светских предметов только на польском языке, а также усилении требований к учебным заведениям, что зачастую приводило к закрытию школ.

Синагоги и божницы взяли на себя функцию проведения курсов для взрослых, на которых обучали ивриту, истории Палестины, основам религии. Курсы проводились в духе культурного сионизма и в 1930-е гг. откровенно призывали к эмиграции в Палестину. В синагоге читались и отдельные лекции, на которых выступали, как правило, приезжие сионисты. Большая синагога была своеобразным центром традиционного образования для взрослых. Здесь проходили мужские беседы на религиозные темы (про-

водились в Большой синагоге), толковались ТАНАХ и Талмуд; в синагоге также проводились собрания для женщин (упор делался на особую роль женщины в сохранении еврейских традиций диаспоры и в воспитании молодого поколения (ГАБО, ф.370, оп.1, д.2, л.4).

Культурно-просветительные центры

Синагоги и молитвенные дома занимали активную позицию по проблемам сохранения культуры, так как считали иудаизм и иврит главным оплотом сохранения уникальности в чуждом мире. В этом направлении синагога выступала как союзник культурно-общественных и политических еврейских организаций и партий. Наиболее тесные контакты были налажены с ортодоксальной «Агудэс Исроэль». (Мощук, 2007, с.97-98). Синагога являлась одним из важнейших объединяющих факторов для еврейского населения Польши, играла существенную культурную роль. Взаимодействие и сотрудничество между синагогой и культурно-просветительскими организациями было особенно плотным: синагога оказывала поддержку всем начинаниям в этой сфере, при этом еврейские культурно - просветительские организации опирались на авторитет и возможности синагоги. Так, в помещении иудейской божницы «Зелёной» 18 марта 1922 г. прошло общее собрание членов «Мизрахи», 25 февраля и 25 марта 1922 г. в Большой синагоге прошла лекция И. Брегмана, представителя центрального комитета Сионистской организации в Варшаве на тему «Процесс возрождения Палестины» (ГАБО, ф. р-2, оп.1, д.385, л.29–37 об.). В синагоге Малориты 10 мая 1924 г. прошла бесплатная лекция на тему «Возрождение Палестины еврейским народом» (ГАБО, ф. р-2, оп.1, д.385, л.157).

Заключение

На основе изученного материала можно сделать вывод о том, что иудаизм рассматривался еврейской общностью в Западной Беларуси как основополагающий элемент национального сознания. Синагога являлась одним из важнейших объединяющих факторов для еврейского населения Польши, играла существенную роль в культурной жизни диаспоры.

Еврейские общины придавали особое значение строительству и декорированию синагог и молитвенных домов, вкладывая в их образ важный символический смысл. Конкретного свода правил в отношении строительства и декорирования синагог и божниц не существовало. В основе архитектурно-художественного решения синагог лежал образ Иерусалимского Храма.

Сосредоточение синагог на культурно-образовательной и благотворительной деятельности позволило сохранять единство евреев. Консолидация препятствовала размыванию и денационализации общины, способствовала её единению, позволяла поддерживать преемственность поколений и сохранять национальные традиции. Приоритетным направлением в практической деятельности синагоги стало финансирование иудейских учебных и еврейских просветительских учреждений, оказание материальной помощи культурным организациям и товариществам, семьям раввинов и пр. Необходимость создания сети иудейских учебных заведений была обусловлена рядом причин: культурными, религиозными и языковыми отличиями иудейской общины, которая в условиях полиэтничного многоконфессионального общества Польши продолжала сохранять в первую очередь свои языки (иврит и идиш), отказывалась изучать польский язык, что препятствовало социализации евреев, создавало ряд проблем в экономической и социальной жизни. Но, несмотря ни на что, доминирующие позиции в сфере образования занимало сохранение культурных и конфессиональных ценностей еврейского народа. Основной акцент в обучении делался на знаниях иудейских религиозных традиций. Множество направлений религиозного образования отражало разнообразие общественных течений среди еврейского населения. Существующие формы образования демонстрировали широкий спектр подходов к традиционному еврейскому образованию – от радикального ортодоксального до модернизированного.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1, оп.1, 3, 10; ф. р-2, оп.1; ф.5, оп.3; ф.59, оп.2; ф.93, оп.1; ф.310, оп.1; ф.370, оп.1.

Бейзер М. Наше наследство: синагоги СНГ в прошлом и настоящем. М., Иерусалим: Мосты культуры, Гешарим, 2002.

Брест в 1919-1939гг.: Документы и материалы / Сост. А. Г. Карапузова [и др.]; Гл. ред. Е. С. Розенблат. Брест: Альтернатива, 2009.

Брест. Энциклопедический справочник. Минск: Белорусская Советская энциклопедия имени Петруся Бровки, 1987.

Вабішчэвіч А. Духоўная спадчына этнічных супольнасцей заходнебеларускага рэгіёна ў складзе Польшчы (20-30-я гады XX стагоддзя) [у:] *Дыяспара. Культуралогія. Гісторыя: Матэрыялы IV міжнароднага кангрэса беларусістаў «Беларуская культура ў кантэксце культур еўрапейскіх краін»*, Мінск, 6-9 чэрвеня 2005 г. Мінск: Голас Радзімы, 2006, с.320.

Вавренюк И. И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста – над - Бугом (1921–1939гг.) [в:] *III Международная научно-практическая Интернет–конфе-*

рениция студентов и аспирантов «Энергия науки» (Ханты–Мансийск) / Отв. ред. А. С. Змановская, И. С. Балов [Электронный ресурс]. Ханты–Мансийск: Изд. Югорского гос. ун-та, 2013. [1 диск].

Вавренюк И. И. Гмилут хасидим брестских евреев (1921–1939 гг.) [в:] *Брестчина: история и современность. Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции. Брест, 29-30 июня 2012 г.* / Брестский гос. ун-т им. А.С. Пушкина. Брест, 2012, с.50-56.

Вавренюк И. И. Демографические процессы еврейского населения Полесского воеводства (1921-1939 гг.) [в:] *Тирош — труды по иудаике: Вып. II*. М., 2011, с.135-148.

Герасимова И. П. Еврейское образование в Белоруссии в XIX – начале XX вв. и отношение к нему российского самодержавия: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Бел гос. педагогич. ун-т им. Максима Танка: Мн., 1996.

Еврейский мир. Париж, 1939. Т.1.

Зоненберг Х. История города Брест-Литовска. 1016-1907: По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям. Брест-Литовск, 1907.

Локотко А. И. Архитектура европейских синагог. Мн.: Ураджай, 2002.

Мошук А. В. Деятельность Бунда на территории Западной Беларуси в 1921–1939гг. Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории НАН Беларуси. Брест, 2007.

Розенберг А. Очерки по еврейской истории городов и местечек Беларуси. Минск: А. Н. Вараксин, 2011.

Розенблат Е. С. Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. XVI-XX вв. Брест, 1993.

Сабалеўская В. “Як сьлімак у шкарлупіне...” Культура штодзённага жыцця берасьцейскіх габрэяў у першай палове XIX ст. [у:] *ARCHE*. 2011, №3, с.270-300.

Свод памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область / АН БССР. Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. Редкол.: С. В. Марцелов (гл. ред.) и др. Минск: БелСЭ, 1990.

Соболевская О.А., Гончаров В.В. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы. Донецк: Норд - Пресс, 2005.

Энциклопедический словарь: Под ред. И. Е. Андреевского: Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь: Т.IV. СПб., 1891.

Bergman E. Architektura synagog [w:] *Studia z dziejow Żydow w Polsce. Tom I. Materiały edukacyjne dla szkół średnich i wyższych*. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1995, s.187-209.

Klugman A. Żyd – co to znaczy? Warszawa: Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2003.

Krajewski S. Żydzi. Judaizm. Polska. Warszawa: Vocatio, 1997.

Po żydowsku... Tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze. Pod red. Daniela Kalinowskiego / Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Słupsk, 2005.

Stampfer S. Lithuanian yeshivas of the nineteenth century. Oxford, etc.: The Littman Library of Jewish Civilization, 2012.

Борьба с антисемитизмом в Западной Беларуси в практике польского Бунда (1921–1939 гг.)

Межвоенная Польша являлась в определённой степени «уникальным» государством: с одной стороны ни в одной другой стране Центральной и Восточной Европы еврейское население не было столь широко представлено в общественно-политической сфере различного рода политическими партиями и общественными организациями, с другой – ни одна другая страна не знала столь широкого размаха проявлений антисемитизма. В то же время только на территории второй польской республики еврейское население сделало действенную попытку организации относительно дееспособной системы противостояния антисемитским акциям.

Антисемитизм как явление в межвоенной Польше достаточно чётко дифференцируется как по периодам своих пиков, так и по мотивам и формам его проявлений. Первый этап развития антисемитизма в стране приходился на рубеж 10-х – 20-х гг. XX в. и условно был связан с окончанием Первой мировой войны и воссозданием независимого польского государства. В его основе лежал комплекс причин, который можно разделить на несколько групп.

Во-первых, своеобразным толчком к развитию антисемитизма стала погромная волна, которая прокатилась по будущим восточным областям молодого польского государства в результате ряда военных конфликтов в самом начале его существования. В основе данной волны лежал широкий спектр мотивов – от элементарной анархии, безнаказанности и «традиционного» восприятия еврея как объекта физического насилия, до стремления к материальному обогащению за счёт еврейского населения. В определённой степени, моральным побудителем к подобному рода действиям было то, что в глазах рядового обывателя из числа местного нееврейского населения, еврей зачастую ассоциировался с мошенником «наживающимся за счёт бедных неевреев».

Во-вторых, рост антисемитизма в данный период, особенно на государственном уровне, связан с процессом создания национальных государств на территории западных окраин бывшей Российской империи – Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и литовского государства. В данном случае еврейские политические круги либо поддерживали местных национальных лидеров, которые проводили открытую антипольскую политику, либо заявляли о своём нейтралитете. Мотивом данного поведения еврей-

ской политической элиты являлась надежда на то, что в рамках этих молодых национальных государств, население которых ещё недавно само испытывало национальный гнёт, еврейское население будет вписано не только в экономическую структуру, но и в политическую систему страны. А так же будет иметь право на создание собственной национально-культурной автономии. В глазах польских национальных лидеров и, прежде всего лидера национал-демократов Р. Дмовского¹, который фактически исповедовал принцип «кто не с нами, тот против нас», это являлось открытым предательством интересов польского государства. Не случайно два самых сильных погрома начала 1920-х гг. на территории Польши произошли в этнически смешанных регионах, где польская национальная политика наткнулась на противодействие со стороны других наций. Во Львове, где еврейское население заявило о своём нейтралитете в польско-украинском конфликте, евреи были обвинены поляками «в сотрудничестве с украинцами». В Вильно, который являлся центром литовского и белорусского национальных движений, евреи так же были обвинены в том, что поддерживали литовские националистические силы.

Фактически еврей стал собирательным образом врага польского государства, будь то еврей-большевик Советской России, либо сторонник ЗУНР или Литовской республики. Нет сомнений и в том, что волна антисемитизма была вызвана ростом польского национализма и провозглашением доктрины «Польша для поляков».

В-третьих, нельзя списывать со счетов и последствия жёсткого экономического кризиса, который прокатился по Польше в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. В условиях роста экономических проблем существует тенденция обострения межнациональных взаимоотношений. Что выливалось, в данном случае, в постоянное нагнетание антиеврейских настроений, т.к. в глазах рядового обывателя, еврей представлялся либо конкурентом, либо мошенником, наживающимся на тяжёлом положении поляков (украинцев, белорусов и т.д.).

Второй этап роста антисемитизма относится ко второй половине 30-х гг. XX в. В его основе лежали две основные причины:

¹ Национал-демократическая партия (*Stronnictwo Narodowa Demokratyczne*, эндеки) – польская буржуазно-националистическая партия (1897–1945 гг.). В межвоенной Польше вела борьбу с революционным движением, поддерживала союз с западными державами против Советской России, выступала за колонизацию украинских, белорусских и литовских земель. Одним из лидеров партии являлся польский политик и публицист Р. Дмовский. По отношению к еврейскому вопросу он являлся выразителем резко националистической точки зрения. Призывал к организованному изолированию евреев во всех сферах жизни и к борьбе с их влиянием в экономической, политической и духовной жизни.

1. Последствия экономического кризиса 1929–1932 гг., который фактически подорвал польскую экономику, тем самым, поставив рядового польского обывателя на грань выживания.

2. Рост профашистских настроений в Польше на волне популярности идей национал-социализма, связанных с приходом А. Гитлера к власти в Германии.

Характеризуя развитие антисемитизма в Польше, следует понимать, что он различается не только по периодам проявления, но и по формам. С одной стороны достаточно чётко определяется государственная политика гонений на еврейское население, которая проявлялась через определённые мероприятия государственных органов власти, например, печально известная «скамья гетто»² в университетах, в результате введения которой количество евреев-студентов в польских университетах сократилось с 24,6% в 1921–1922 гг. до 8,2% в 1938–1939 гг.

Кроме этого, польское государство проводило политику, направленную на ограничение влияния евреев на польскую экономику. Евреям стало практически невозможно получить банковские ссуды, либо лицензии на ремесленную деятельность. Более того, правительство приняло закон, по которому запрещалась работа в воскресные дни. Польской общественностью он был встречен как прогрессивный акт, так как фактически данное требование было одним из главных требований польского рабочего движения. Однако евреями он воспринимался совершенно иначе, так как данный закон подразумевал, что многие евреи будут вынуждены в течение двух дней в неделю закрывать свои магазины и мастерские, а значит нести определённые материальные убытки.

С другой стороны, мы можем говорить о бытовой стороне антисемитизма, в том числе на уровне негативного восприятия образа еврея рядовым обывателем (см.: Розенблат, Еленская, 2006). В зависимости от данных форм следует различать и методы борьбы с антисемитизмом со стороны еврейского населения.

Борьба с различными проявлениями антисемитизма фактически стала вопросом выживания для евреев межвоенной Польши. Волна погромов в начале становления польского государства показала беспомощность еврейского населения перед лицом физического насилия. Организованные формы противостояния еврейским погромам мы можем наблюдать только во второй половине 30-х гг. XX в. Да и то, в основном, в крупных городах

² «Скамья гетто» или «гетто-скамья» – попытка руководства польских вузов ввести специальные места в учебных аудиториях для студентов-евреев. Впервые специальные места для евреев были учреждены в Львовской политехнике в декабре 1935 года. В сентябре 1937 г. министр просвещения разрешил ректорам других вузов распространить эту норму на свои учебные заведения.

Центральной Польши – традиционных местах концентрации еврейского пролетариата. При этом доминирующую роль в данной борьбе стали играть еврейские политические партии и организации. В определённой степени данную проблему различными методами пытались решить все еврейские политические партии – от ортодоксов до социалистов. Однако, безусловно, приоритет в данном вопросе следует отдать польскому Бунду. Причиной данного явления послужили несколько факторов. Во-первых, партия имела опыт противостояния антисемитским акциям ещё в период Российской империи. Во-вторых, в программе партии ее лидеры делали ставку на решение еврейского вопроса в стране проживания, т.е. рассматривая Польшу как свою Родину, и отвергали саму идею построения еврейского государства в Палестине. В-третьих, являясь социал-демократической организацией, Бунд имел широкую поддержку в среде еврейского пролетариата и ремесленников – основной социальной опоры, а фактически единственной силой в прямом, физическом плане, в борьбе с антисемитизмом.

Лидеры партии, характеризуя проявления антисемитизма в Польше, определяют два основных его направления: бытовой или хозяйственный и общественно-политический, причём последний они рассматривают исключительно как способ борьбы польского государства с рабочим движением (Nowogróski, 2005, s.237). С данным утверждением сложно не согласиться, однако стоит понимать, что различные формы антисемитизма характерны для различных этапов существования польского государства.

Так, в самом начале второй польской республики мы сталкиваемся, в основном, с проявлениями погромной практики, которая в меньшей степени имеет политическую окраску. Здесь, на наш взгляд, на первый план выходит жажда наживы за счёт еврейского населения. Показателен, в данном отношении, допросный лист польской контрразведки одного из солдат формирований С. Н. Булак-Балаховича, в котором в ответ на вопрос о мотивах своего участия в движении, допрашиваемый откровенно признаётся: «Хотел сколотить состояние» (ГАБО, ф.93, оп.1, д.346, л.129). Ответ возможно и не характерный, но показательный, т.к. в большей степени сколотить данное состояние проще всего было за счёт бесправного, да и незащитного еврейского населения, а не бедного жителя полесской деревни.

Один из лидеров польского Бунда Э. Новогрудский отмечает, что борьба с антисемитизмом со стороны партии начинается только во второй половине 1930-х гг. (Nowogróski, 2005, s.237). По всей видимости, в начале 1920-х гг. Бунд не был готов возглавить данную борьбу вследствие различных причин и, прежде всего – того, что в данный период партия переживала этап формирования всех своих структур, выработки программы в условиях становления польского государства.

Деятельность партии, направленная на противостояние проявлениям антисемитизма, проходила по двум направлениям: борьба политическая и борьба повседневная, т.е. физическая защита населения посредством деятельности групп самообороны. При этом, следует отметить, что на территории Западной Беларуси степень активности последних была минимальна.

Данное явление обуславливалось традиционной концентрацией еврейского населения в городах и местечках, которое, в свою очередь, приводило к тому, что основная масса контактов, а, следовательно, и возможных противоречий с титульным населением сводилась к сфере торговли. Безусловно, конфликтные ситуации могли возникать и на этой почве, но, на наш взгляд, они носили в подавляющей массе, бытовой характер. Так, польская администрация фиксировала недовольство со стороны белорусских крестьян монополией еврейских торговцев в сельской местности, необоснованным, с их точки зрения, завышением цен и т.д.

В западно-белорусском регионе, в отличие, например, от центральных регионов Польши, титульное население (белорусы) практически не было представлено в сфере торгово-промышленной деятельности. Здесь также отсутствовали крупные промышленные центры, где интересы еврейского и титульного пролетариата могли вступать в противоречия (борьба за рабочие места и т.д.). С определённой долей вероятности, мы также можем утверждать, что в Западной Беларуси в межвоенный период сохранилась ситуация, когда основным источником формирования промышленного пролетариата выступало еврейское население. Межвоенный западно-белорусский город или местечко – это, прежде всего, еврейский город, где белорусы, поляки или русские составляли меньшинство.

Безусловно, проявления антисемитских настроений, прямых погромных действий, особенно в конце 1930-х гг., отмечаются и на территории Западной Беларуси, однако в большей степени они носят единичный характер. Пример погрома 1937 г. в Бресте достаточно ярко характеризует мотивационную составляющую действий погромщиков, которая, на наш взгляд, сводилась к бездействию, или наоборот прямому попустительству со стороны властей, а со стороны обывателей, принявших участие в погроме объяснялась элементарной возможностью безнаказанно пограбить³.

В таких условиях, основное направление деятельности еврейских политических кругов в целом, и руководства бундовских организаций в частности, сводилось к борьбе с политическим антисемитизмом. Причём,

³ 13 мая 1937 г. в Бресте имел место погром, поводом к которому послужило убийство в мясных рядах на городском рынке полицейского. В результате погрома было разграблено несколько еврейских магазинов и ремесленных мастерских.

следует отметить, что данная борьба носила комплексный характер и проводилась как на местном, так и на общегосударственном уровне.

Одним из приоритетных направлений работы местных органов самоуправления – гмин – руководство партии считало борьбу с антисемитизмом. Так, на заседании правления гмины в Бресте, фракция Бунда предложила принять декларацию о борьбе с антисемитизмом (ГАБО, ф.93, оп.1, д.346, л.96). В Пинске по инициативе бундовцев на заседании правления гмины была принята резолюция, призывающая к организации всеобщей стачки в знак протеста против травли еврейских студентов в вузах (ГАБО, ф.1, оп.10, д. 1299, л.94).

Если рассматривать работу партии в общегосударственном масштабе, то уже с начала марта 1936 г. в рамках партийных и профсоюзных организаций Бунд начал проводить идею создания «Конгресса по борьбе с антисемитизмом». Для этого Бундом были задействованы все имеющиеся в распоряжении партии средства. Для придания политического звучания данной акции печатными органами Бунда были опубликованы программа и манифест, которые раскрывали основные цели и задачи Конгресса. Открытие мероприятия было назначено на 13 июня 1936 г. По оценкам польских властей, во всей Польше в акциях Конгресса приняло участие около 400 тыс. чел. (Sprawy Narodowościowe, 1936, №3, s.288).

Идея созыва «Конгресса по борьбе с антисемитизмом», выдвинутая Бундом, была насторожено встречена Поалей Цион левой и Поалей Цион правой. Эти еврейские социалистические партии опасались потери своего влияния на пролетариат. Для противодействия Бунду Поалей Цион правая выдвинула требования созыва широкого еврейского рабочего Конгресса, назначив те же сроки его проведения. В результате руководство Бунда приняло решение не допускать Поалей Цион правую к участию в работе Конгресса. Польские власти запретили проведение Конгресса, что привело к взаимным обвинениям партиями друг друга в срыве идеи совместной борьбы с антисемитизмом. Несмотря на запрет проведения «Конгресса по борьбе с антисемитизмом», защита еврейского населения оставалась одним из основных направлений деятельности Бунда.

В начале 1938 г., после принятия 13 тезисов праворадикальной политической организации Лагерь национального единства⁴, в которых в крайне

⁴ Лагерь национального единства (*Obóz Zjednoczenia Narodowego, OZN, OZON*) – политическая организация правого толка в Польше. Была создана 21 февраля 1937 г. с целью консолидации правительственного лагеря и сосредоточения вокруг него более широких кругов общества. Была организована по военному образцу, с правонационалистической программой и элементами фашистской идеологии. ОЗН выступала за исключение евреев из экономики Польши, а также поддерживала эмиграцию евреев и идею создания еврейского государства в Палестине. Существовала до сентября 1939 г.

реакционных формах рассматривался еврейский вопрос, Бунд усилил внимание борьбе с антисемитизмом. На протяжении первой половины 1938 г. в Западной Беларуси была организована кампания протеста против антисемитской политики польских властей под лозунгом «За наши права». В целом ряде городов и местечек Западной Беларуси к акциям Бунда присоединились представители Польской социалистической партии (ППС)⁵. В тоже время, в ЦК Бунда было принято решение о созыве в августе 1938 г. «Еврейского народного конгресса». По инициативе лидеров партии в конце июня 1938 г. состоялось совещание, в котором приняли участие представители Центральной комиссии классовых профсоюзов, Центральной идишитской школьной организации и Поалей Цион левой. Итогом работы совещания стало создание объединённого организационного комитета, в задачи которого входила подготовка конгресса и выработка его идейной платформы.

12 июля 1938 г. состоялось первое заседание организационного комитета, на котором было принято решение проводить мероприятия, направленные на созыв «Еврейского народного конгресса», всеми имеющимися в распоряжении Бунда силами. ЦК была разослана резолюция во все местные партийные комитеты, а также организации, подконтрольные Бунду, с распоряжением оказывать всяческое содействие подготовке конгрессу. Фактически мы можем утверждать, что главным направлением работы партии в 1938–1939 гг. стала подготовка данного конгресса и борьба за политические, экономические и культурные права еврейского населения страны. В первой половине августа 1938 г. организационный комитет опубликовал декларацию «Еврейского народного конгресса», в которой основная задача еврейского пролетариата в межвоенной Польше определялась как «борьба за свои национально-культурные права» (*Sprawy Narodowościowe*, 1938, №4-5, s.477–478).

Кампания Бунда по организации конгресса во второй половине 1938 г. приобрела широкие масштабы. По оценкам польских властей, только в августе–сентябре 1938 г. в рамках данной кампании в северо-восточных воеводствах страны состоялось более сотни пропагандистских вечеров, в большинстве из которых приняли участие представители ЦК Бунда (*Sprawy Narodowościowe*, 1938, №4-5, s.479). В начале сентября 1938 г. достигла своего пика агитационная кампания в центральной и местной бундовской прессе. В результате, в начале октября польские власти запретили

⁵ Польская социалистическая партия (ППС). В межвоенной Польше была создана 26 апреля 1919 г. на базе ППС, действовавшей на польских землях в составе бывших Российской империи и Пруссии, и Польской социал-демократической партии в Галиции. В своей программе партия сочетала идеи социальной революции и идеи польского национализма, стояла на позициях парламентаризма и широкого самоуправления.

проведение «Еврейского народного конгресса», мотивировав данный шаг необходимостью сохранения стабильной общественно-политической ситуации (*Sprawy Narodowościowe*, 1938, №4-5, s.479). Однако, несмотря на запрет польских властей, Бунд продолжал проводить широкую агитационную работу, делая акцент на борьбу с антисемитизмом.

Таким образом, мы можем констатировать, что основным содержанием общественно-политической работы Бунда на территории Западной Беларуси до 1939 г. стала борьба с антисемитизмом. Фактически с середины 1930-х гг. и вплоть до начала Второй мировой войны в своей политической деятельности на территории Западной Беларуси польский Бунд переориентировался на решение насущных проблем еврейского населения края, во многом отойдя от практики классовой борьбы и стремления переустройства общества на социалистических началах.

Библиография

Государственный архив Брестской области (ГАБО), ф.1, оп.10, д.1299; ф.93, оп.1, д.346.

Розенблат Е., Еленская И. Евреи Западной Белоруссии глазами их соседей [в:] *Диаспоры*, 2006, № 3, с.150–179.

Nowogródski E. *Żydowska partia robotnicza w Polsce 1915–1939*. Warszawa: ŻIH, 2005.

Sprawy Narodowościowe. Warszawa: Instytut Badań Spraw Narodowościowych. 1936, №№3, 4–5.

Коммерческие интересы Абрама Перетца на территории Юга Украины

Жизнь и коммерческая деятельность крупнейшего в Российской империи предпринимателя в начале XIX в. А. Перетца окутана тайнами, сплетнями, мифами, а иногда и откровенной ложью. Вероятно, это связано с еврейским происхождением купца, его влиянием на высшие круги общества, огромным капиталом и значительными возможностями.

Коммерческая деятельность предпринимателя распространялась на огромную территорию Российской империи и часто выходила за ее границы. Значительный интерес для исторического исследования представляет деятельность А. Перетца на территории Юга современной Украины – регион, с которого он (при содействии своего именитого тестя Й. Цейтлина и благодаря знакомству с князем Г. Потемкиным) начал свою активную хозяйственную деятельность.

Абрам Израилевич Перетц родился 18 мая 1771 г. в г. Любартове (Люблинское воеводство). Его отец – любартовский раввин – дал молодому Абраму традиционное еврейское образование, обучая сначала дома, а позже в иешиве, где сам же преподавал. Религиозное воспитание, однако, не вполне удовлетворяло любопытства юноши. Он проявил значительный интерес и к светским наукам, в том числе к языкам.

Рис.1 А.И. Перетц. Портрет неизвестного русского художника. Первая треть XIX в. (*Русская живопись и графика XVIII–XX веков. Аукцион №10(35), 17 ноября 2011 года в 18.30. Каталог. Москва: Наше искусство, 2011, с.11*)

Большое влияние на формирование мировоззрения будущего коммерсанта оказал его дядя – главный раввин Берлина – Гирш Лебель (1721–1800 гг.). Именно он привил ему идеи еврейского Просвещения – Хаскалы. А. Перетц стал приверженцем европейского образования для своих соплеменников и противником их культурной обособленности. Кроме того, бывая в Берлине, он завел немало интересных и полезных знакомств. Именно в доме Г. Лебеля ему встретился человек, сыгравший большую роль в становлении будущего «миллионщика Перетца», – Йоше Цейтлин (1742–1821 гг.). Й. Цейтлин объединял качества ученого-талмудиста и успешного купца, приближенного к князю Г. Потемкину. Такая дружба открывала перед А. Перетцем широкие возможности, которыми он успешно воспользовался.

Сблизившись с Й. Цейтлиным не только интеллектуально, но и семейной связью (женившись на его дочери Саре), А. Перетц стал правой рукой тестя и переехал с семейством в Шклов. Несмотря на то, что семейная жизнь с Сарой не сложилась, он остался в близких отношениях с Й. Цейтлиным. Именно благодаря ему, а также дружбе с Г. Потемкиным, А. Перетц получил право переехать в Санкт-Петербург (в начале 1790-х гг., когда проживание там евреев было де-юре запрещено), где представлял коммерческие интересы тестя. Он стал одним из основателей еврейской общины столицы Российской империи.

Получив значительный опыт, управляя делами тестя, А. Перетц и сам вскоре стал известен как влиятельный финансист, откупщик, подрядчик. Купец умело пользовался приобретенными связями, которые укреплялись с ростом его состояния, а оно в свою очередь росло за счет расширения круга влиятельных знакомств.

Значительные коммерческие интересы А. Перетца распространялись на территорию Юга Украины. Видимо, благодаря тесным отношениям с Й. Цейтлиным и Г. Потемкиным, именно в южноукраинском регионе предприниматель начинал свою коммерческую деятельность. В конце XVIII – начале XX вв. он числился херсонским купцом и активно вел дела в Херсоне, Николаеве, а также в Крыму (Описание дел архива..., 1898, с. 690).

В южном регионе А. Перетц занимался содержанием соляных озер в Крыму и поставкой соли, поставками для Черноморского флота и подрядным судостроением.

Соль во второй половине XVIII в. составляла основу крымской торговли. 6 марта 1799 г. А. Перетц вместе с херсонским купцом Н. Штиглицем взяли на содержание соляные озера в Крыму на четыре года (ПСЗРИ, т. XXVI, №19774). Добыча соли приносила значительную прибыль и позволила купцам быстро разбогатеть.

Рис.2 Соледобыча (Гомонюк Е. Почему Горький в Николаеве соленым стал? [Электронный ресурс] <<http://niklife.com.ua/citylook/41752>>)

Близость А. Перетца с влиятельными людьми и скорый рост капитала способствовали получению им почетного звания коммерции советника. Звание это, учрежденное в 1800 г., присваивалось за особые заслуги купцам. Основной привилегией носителя было уравнивание в правах с гражданскими государственными служащими восьмого класса, что давало право на потомственное дворянство.

11 марта 1801 г. правительство заключило с А. Перетцем и Н. Штиглицем новый контракт, который давал им право монопольной добычи и поставки соли в западные губернии (Подольскую, Волынскую, Минскую, Литовскую и Белорусскую) вместо привозимой из-за границы. Контракт заключался на восемь лет. Предпринимателям продлевалось право содержания крымских соляных озер. Предусматривалась возможность свободной торговли солью во всех городах указанных губерний.

Для поставки соли в каждой губернии, а также в Одессе и Крюкове откупщики должны были иметь вместительные склады в удобных для развоза местах, а также значительные запасы товара, чтоб не было перебоев в поставке.

Контрактом устанавливались твердые цены на продукцию для каждой губернии. По окончании контракта казна обязалась выкупить всю оставшуюся у откупщиков соль по ценам на 10 копеек ниже, чем для оптовой продажи (если объем оставшихся запасов не будет превышать двухмесячной нормы продовольствия, остальную – по себестоимости).

Содержатели продолжали снабжать солью и другие губернии, в которые она попадала через посредников – то есть соль могла свободно реализовываться с озер непосредственно в месте добычи.

Ввиду больших затрат на устройство поставок (оборудование складов, обеспечение перевозки) срок содержания крымских озер откупщиками продлевался на шесть лет на условиях контракта 1799 г. Предусматривалась возможность продления контракта (ПСЗРИ, т. XXVI, №19774).

Однако, уже 16 марта 1801 г. новый император Александр I снял ограничение на ввоз иностранной соли в западные губернии Российской империи (ПСЗРИ, т. XXVI, №19793). В таких обстоятельствах, учитывая контекст смены власти, а также тот факт, что именно евреи получили монопольное право на производство и продажу соли, закономерно, что в скором времени возник вопрос расторжения контракта с А. Перетцом. В апреле этот вопрос обсуждался на высочайшем уровне и был внесен на рассмотрение в Сенат. Интересно, что известный своими юдофобскими взглядами сенатор Г. Державин, считавший также, что соляной откуп в принципе должен быть отменен, выступил против расторжения контракта (Грот, 1880, с. 777-778). Он отстаивал не интересы купцов, а нерушимость контракта, указывал на невыгодность для казны такого расторжения (Сочинения Державина, 1878, с. 425-439).

Рис.3 Добыча и отправка соли (с фото второй половины XIX в.)
(Соленое озеро Баскунчак [Электронный ресурс]
<<http://www.interesmir.ru/solenoe-ozero-baskunchak/>>)

5 мая 1801 г. Александр I утвердил указ Сената «Об уничтожении контракта, заключенного с коммерции советником Перетцом и купцом Штиглицом о продовольствии крымской солью пяти губерний: Белорусской, Минской, Литовской, Волынской и Подольской». Контракт был расторгнут. Интересно, что в самом указе содержалась ссылка на нарушение таким расторжением конкретных норм законодательства.

Просьба А. Перетца сохранить за ним в виде компенсации право на содержание крымских соляных озер на восемь лет, предусмотренное расторгаемым контрактом была отклонена (ПСЗ, т. XXVI, №19899).

За А. Перетцем сохранилось право добычи и свободной реализации соли до 1803 г., которым он воспользовался для значительного увеличения капитала. О размерах прибыли с продажи соли может свидетельствовать Отчет таврического губернатора за 1803 г., согласно которому откупщик перекопских соляных озер купец А. Перетц за период с 1 апреля по 1 ноября продал 382 288 пудов соли на сумму 516 087 руб. 85 коп. Стоит отметить, что некоторые исследователи с целью подчеркнуть сверхприбыльность соляного предприятия предпочитают опускать последующую часть отчета: «из них чистого дохода в казну поступило 268 960 руб. 81 коп.» (Скальковский, 1838, с. 90; Дюличев, 2010). Таким образом, за право добывать соль в крымских озерах А. Перетц отдавал в казну более 52% своего дохода. Поэтому спекулятивное представление неполных данных о «заработках» откупщиков искажает реальную картину заинтересованности в откупах со стороны государства, реализации контрактов в контексте наполнения государственной казны и распределения дохода от данной отрасли.

Признав «вредной» частную монополию Перетца–Штигилица на поставки соли, государство, однако, не запретило купечеству осуществлять такие поставки. Достоверно известно, что в 1805–1810 гг. А. Перетц активно принимал участие в таких контрактах с казной, доставляя соль в Курскую, Орловскую, Воронежскую губернии, Витебск, а также Санкт-Петербург (для Финляндии) (Архив государственного совета, 1881, кол.795-801; Мнение министра коммерции..., 1860, с. 97-100).

Еще одним направлением деятельности коммерции советника А. Перетца в южноукраинском регионе стали поставки товаров для Черноморского флота. С конца XVIII в. А. Перетц принимает активное участие в жизни молодого флота, представлявшего значительный коммерческий интерес. Тесные связи с высокопоставленными чиновниками предоставили предпринимателю доступ к поставкам различных товаров для нужд Адмиралтейства и флота. В 1800 г. Павел I отдал А. Перетцу право монопольной поставки провизии для черноморских портов (Витман, 2008). Кроме того, купец, активно участвовавший в постройке судов как для коммерческих нужд, так и для казны, занимался также поставкой строительного леса.

Интерес А. Перетца к Черноморскому флоту не ограничивался поставками товара на верфи и в порты. Большое значение в деятельности купца имело подрядное судостроение. Предприниматель стал одним из первых подрядчиков на территории Юга Украины (Вдовиченко, 2003 с.306-311). В Херсоне он имел собственную верфь, на которой строил суда для своих потребностей, а также и по подрядным договорам с казной.

В 1804 г. император утвердил предложения товарища министра морских сил П. Чичагова о необходимости приобретения у коммерции советника

А. Перетца двух принадлежащих ему судов для усиления Черноморского флота. Суда «Александр» и «Елизавета» в то время строились на херсонской верфи Перетца. Цена определялась в 45 тыс. руб. с условием их постройки собственными силами купца из его же материалов (Материалы для истории..., 1904, с. 438).

В 1809 г. Главный командир Черноморского флота и портов адмирал И. де Траверзе по согласованию с П. Чичаговым для усиления флота и в связи с отсутствием надлежащего финансирования предложил построить с подряда фрегат и транспорт в Херсоне и два транспорта в Николаеве.

В Херсоне планировалось строительство новой верфи для контрактных заказов в связи с отсутствием свободных эллингов для строительства новых судов. Сооружение верфи (двух стапелей) и строительство запланированных судов в апреле 1809 г. было передано на контрактной основе А. Перетцу (История отечественного судостроения, 1994, с.306). К осени верфь была возведена, так как известно, что закладка указанных судов состоялась 26 октября 1809 г. Суда были построены в очень скорые сроки. Транспорт, получивший название «Рион» спущен на воду 1 декабря 1810 г., а 32-хпушечный фрегат «Африка» – 3 июля 1811 г. (Веселаго, 1872, с. 474-475, 544-545).

В Николаеве также появились частные, т. н. «вольные», верфи. Коммерции советник А. Перетц построил с подряда первый «вольный» эллинг в Адмиралтействе (Николаевцы, 1999, с. 258).

В 1809 г. исполнявший должность главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева Н. Языков добился разрешения на строительство корабля и транспорта с подряда. Этот подряд в апреле 1810 г. достался А. Перетцу. Он должен был соорудить новый эллинг со всеми вспомогательными сооружениями и на нем построить в 1811 г. корабль «Кульм». Однако, работа по сооружению «вольной верфи» и постройке корабля затянулась и была завершена только в 1814 г. Одновременно с этими работами А. Перетц построил в Херсоне с подряда три 32-хпушечных фрегата и большой транспорт. «Вольный» эллинг А. Перетца был построен на территории Адмиралтейства рядом с уже существовавшими казенными эллингами.

В 1816 г. пост главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева занял вице-адмирал А. С. Грейг. Проверив работу Адмиралтейства, А. С. Грейг обнаружил ряд переplat подрядчикам, в том числе А. Перетцу. В приказе по Адмиралтейству губернатор отметил: «Перетцу денег задавали много лишних, а успеху в строении не было». В связи с этим у подрядчика было изъято 67 337 руб. и 12 коп., которые пошли в счет нового контракта на постройку транспортов. В 1818–1820 гг. на эти

деньги А. Перетц построил транспорты «Мария» и «Ингул», хотя к этому времени казна его разорила (ГАНО, ф. 230, оп. 1, д. 57).

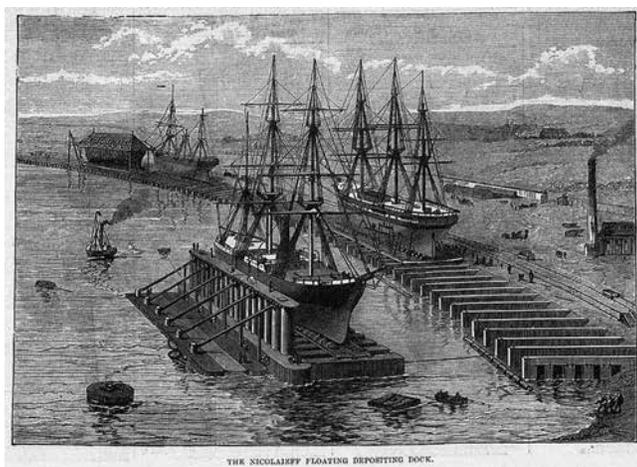

Рис.4 Николаевский кораблестроительный док
(1876 *Nikolaieff Floating Depositing Dock, Future Emperor Czarevitch*
[Электронный ресурс] <[http://www.aquarist-classifieds.co.uk/shopping/
details/331283624342.html](http://www.aquarist-classifieds.co.uk/shopping/details/331283624342.html)>)

Для ведения предпринимательской деятельности А. Петретц приобретал и строил необходимые объекты недвижимости. В «Журнале отвещенным местам в Городовой и Адмиралтейской частях Николаева с 1805 г.» значится запись о выделении земельного участка коммерции советнику А. Перетцу для конторы адмиралтейских поставок (1809 г.) (ГАНО, ф.216, оп.2, д.1, л.101-107). В период 1809–1814 гг. купец владел не менее, чем пятью домами в Николаеве (ГАНО, ф.230, оп.1, д.57, л.41-42). Один из домов А. Перетца, в котором он жил во время постройки верфи и кораблей в Николаеве, находился на территории усадьбы главного командира Черноморского флота.

Таким образом, интересы коммерции советника А. Перетца в южно-украинском регионе проявлялись в нескольких направлениях: соляной промысел, создание и обслуживание Черноморского флота. В соляном промысле предприниматель участвовал в качестве производителя, поставщика и перевозчика соли. Черноморский флот привлекал купца казенными поставками, а также подрядами на постройку кораблей и верфей для адмиралтейств. География распространения деятельности А. Перетца включала Таврическую и Херсонскую губернии – Юг современной Украины. Своими капиталами и деловой активностью предприниматель внес значительный

вклад в развитие этого региона. Кроме того, считая огромные прибыли предпринимателя, не стоит забывать какие суммы от его работы получала казна, а также интересы всех сторон контрактов, выполняемых А. Перетцом.

Библиография

Государственный архив Николаевской области (ГАНО), ф. 216, оп.2, д. 1; ф.230, оп.1, д.57.

Архив государственного совета: Т.4: Царствование императора Александра I-го (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента государственной экономии. СПб.: Второе отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1881.

Описание дел архива Морского министерства за время с половины XVII до начала XIX столетия: Т.VIII. СПб.: В. Демаков, 1898.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. Второе.

Вдовиченко С. В. Суднобудування та Чорноморський флот на початку XIX ст. [в:] *Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського. Сер.: Історичні науки*, 2013, вип.3, с. 306-311.

Веселаго Ф. Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб.: Тип. Морского министерства, 1872.

Витман М. Евреи-предприниматели и Российский военно-морской флот. Историография и материалы РГА ВМФ. Ч. 4: Дела, содержащие информацию о евреях в ф. 243 РГА ВМФ, 2008 [Электронный ресурс] <<http://mirawittman.livejournal.com/49108.html>>

Грот Я. Жизнь Державина по его сочинениям и письмам и по историческим документам описанная / Имп. Акад. наук – СПб., 1880.

Дюличев В. Рассказы по истории Крыма, 2010 [Электронный ресурс] <http://img0.liveinternet.ru/images/attach/c/9//4104/4104051_valeriy_petrovich_dyulichев_rasskazuy_po_istorii_kruyma.pdf>

Зубов Б. Н. Развитие кораблестроения на юге России. Калининград, 1990.

История отечественного судостроения: В 5 т.: Т. 1: Парусное деревянное судостроение / [В. В. Доценко, И. В. Богатырев, Г. А. Вахарловский и др.]. СПб.: Судостроение, 1994.

Материалы для истории русского флота: Ч. XVII. СПб.: Тип. Морского министерства, 1904.

Мнение министра коммерции графа Румянцева по делу Перетца о соли [в:] *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, 1860, кн. 1, с. 97-100.

Николаевцы. Энциклопедический словарь (2000 персоналий, 1500 портретов и иллюстраций). Николаев: Возможности Киммерии, 1999.

Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730–1823. Ч.2: с 1796 по 1823. Одесса: Городская типография, 1838.

Сочинения Державина / Прим. Я. Грота: Т. 7 – СПб.: Имп. Акад. наук, 1878.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС

Ю. Корогодский

Евреи Украины на фоне событий киевского Майдана

21 ноября 2013 года в Киеве начались массовые выступления против президента Виктора Януковича, которые в итоге привели к смене власти в стране. Впоследствии в отдельных районах востока Украины произошли столкновения с сепаратистами, переросшие в вооруженный конфликт с участием российских войск.

В Украине проживает значительная еврейская община, и происходящие в стране события не могли не затронуть ее представителей. Тем более, что очередной раунд украинского политического противостояния реанимировал обсуждение темы участия евреев в общественной жизни Украины.

Община без общины

Для начала стоит вкратце описать ситуацию с развитием еврейской общины Украины накануне драматических событий конца 2013 – начала 2014 гг. Отметим, что само по себе определение «еврейская община Украины» не является в этом случае исчерпывающим, так как речь идет о совокупности различных общественных организаций.

Каждая из этих организаций считает себя вправе выступать от имени всего украинского еврейства. При этом трудно найти механизм, благодаря которому можно было бы обеспечить реальное представительство еврейских жителей Украины в общеукраинской общественной организации, выражающей их интересы. О чем тогда идет речь, когда мы говорим о такого рода организациях? Как правило, видные общественные деятели, бизнесмены или раввины по своей инициативе создают небольшие структуры, берущие на себя представительские функции. Далекое не всегда у этих «всеукраинских» организаций есть разветвленная сеть ячеек на местах. Кроме того, в западном мире «еврейской общиной», как правило, называют религиозную общину, которая автономна в своем выборе руководства и раввинов. Эта ситуация мало похожа на сложившийся в постсоветских странах порядок, при котором как раз сами члены общины мало что решают в общинной жизни. Поэтому в статье, в большинстве случаев, вместо термина «община» ис-

пользуется понятие «общественная организация». На наш взгляд, оно более уместно при описании еврейской национальной жизни в странах бывшего СССР.

До Майдана

К началу событий на Майдане большая часть лидеров еврейских организаций в целом поддерживала действующую власть. Каждый из этих лидеров имел свои причины для проявления такой позиции. Можно попытаться объяснить эту тенденцию исторически присущей еврейским общинам лояльностью властям стран диаспоры. Но, думается, что в украинской ситуации 2010-2013 гг. причины заключались скорее в нежелании бизнесменов, возглавлявших еврейские общественные организации, вступать в открытый конфликт с властями.

К примеру, Вадим Рабинович ранее был известен именно своими провластными взглядами и эта ситуация сохранялась при разных президентах Украины. Всеукраинский еврейский конгресс (ВЕК) Рабиновича поддерживал президента Леонида Кучму, что не помешало ему затем поддержать Майдан 2004 г. и впоследствии поддерживать президента Виктора Ющенко. Однако после смены власти в Киеве в 2010 г. Рабинович не отказался от своей традиции поддерживать действующее руководство страны. В этот раз речь шла о поддержке президента Виктора Януковича.

Из лидеров еврейских общественных организаций только глава Ваада Иосиф Зисельс был не очень лоялен президенту Януковичу. Именно Зисельс был всегда известен своей четкой гражданской позицией, что выделяло его на фоне общинных лидеров-бизнесменов. Зисельс с самого начала поддерживал требования Майдана 2004 г. и неудивительно, что после прихода к власти Януковича в 2010 г., был вынужден перейти в некоторую оппозиционную позицию.

Противоречивую позицию в тот период занимал глава Еврейского комитета Украины Александр Фельдман. Сложная ситуация в его базовом регионе Харькове, где у власти были представители Партии регионов, не способствовала поддержке с его стороны Майдана-2013.

Говоря о лидерах еврейских общественных организаций Украины, стоит также вспомнить Илью Левитаса (умершего в августе 2014 г.) и Аркадия Монастырского. Их организации – Еврейский совет Украины и Еврейский форум Украины – в разные периоды также претендовали на роль «главной и единственной еврейской общины Украины», но в итоге не смогли занять ведущие позиции.

Поддержка Майдана и провокации неизвестных сил

В конце ноября 2013 г. в Киеве начались массовые выступления сторонников евроинтеграции. В декабре ситуация переросла в глубокий политический кризис, грозивший гражданской войной. Положение осложнялось тем, что одну из ведущих ролей на Майдане играли представители праворадикальных сил, и это вызывало у критиков Майдана обвинения в антисемитском характере движения.

Иосиф Зисельс по этому поводу говорил: «Движущая сила Майдана – это не оппозиционные партии и тем более не самая слабая из вошедших в парламент оппозиционных партий – «Свобода». Движущая сила Майдана – это граждане Украины. На центральные улицы Киева вышли сотни тысяч граждан; ни «Свобода», ни даже все оппозиционные партии, вместе взятые, не способны собрать такие митинги. Майдан является самоорганизующейся системой» (Шарый, 2013).

В то же время, глава другой еврейской общественной организации Александр Фельдман был весьма критичен по отношению к Майдану - 2013: «На Майдане время от времени звучат лозунги, которые можно воспринимать двусмысленно. «Слава нації! – Смерть ворогам!» – скандируют «свободовскую» речевку тысячи людей, не очень-то задумываясь, кто они – эти самые враги. Кто-то считает врагами русских, кто-то – поляков, кто-то – евреев» (Фельдман, 2013).

Росту напряженности вокруг киевского еврейства способствовали и нападения на прихожан синагоги на Подоле, происшедшие зимой 2014 года. Нападений было несколько, и они прекратились так же внезапно, как и начались.

Эксперты посчитали, что в ситуации противоборства режима Януковича и Майдана, именно власти были заинтересованы в нагнетании напряженности вокруг «еврейского вопроса». По этому поводу глава группы мониторинга прав национальных меньшинств Вячеслав Лихачев писал: «В рамках информационного обеспечения жестких действий, направленных на силовое подавление протестного движения, предыдущей власти было необходимо убедить окружающих, что против нее выступают в первую очередь неофашисты, экстремисты и “бандеровцы”. Эта пропагандистская модель создавалась в первую очередь для “внутреннего использования”, с целью мобилизации более-менее лояльной правительству части населения, но немаловажным была также трансляция основных ее тезисов на “экспорт”» (Лихачев, 28.06.2014).

Новые проекты репатриации

Неудивительно, что рост нестабильности привел к очередному всплеску интереса к украинскому еврейству со стороны израильских организаций. За последние годы уровень репатриации из Украины был невысок. Более того, все чаще в синагогах и общинных центрах можно было встретить русскоязычных израильтян, на время приехавших в Украину. В значительной мере, речь в этом случае идет о бизнесменах, ведущих дела на постсоветском пространстве, и по своим субъективным причинам, не возражающим против кратковременного возвращения на «доисторическую родину».

18 января 2014 г. группы сторонников Майдана пошли штурмовать позиции спецназа милиции по пути к зданиям правительства и парламента. В ход пошли бутылки с зажигательной смесью, тротуарная плитка, булыжники. Со стороны работников милиции применялись водометы, свето-шумовые гранаты, резиновые пули. Вскоре появились первые жертвы противостояния. Впервые в истории постсоветской Украины реальной стала угроза длительной гражданской войны.

Естественно, что это вызвало и у израильтян, и у киевских евреев давно забытые «погромные» ожидания. Не стоит преувеличивать масштаб таких фобий, но в среде израильских представителей в Киеве стали возникать предложения об активизации работы с потенциальными репатриантами.

Религиозно-сионистская организация «Мидраша Ционит», базирующаяся в Галицкой синагоге Киева, выдвинула проект создания «уникальной русскоязычной общины» в одном из поселений Иудеи и Самарии.

«Мидраша Ционит» возникла в 2002 г. как совместный проект Еврейского агентства и центра «Маханаим» и ставила своей задачей духовную подготовку будущих репатриантов. К тому времени сложилась ситуация массового приезда в Израиль репатриантов, даже на элементарном уровне далеких от знаний еврейской культуры и традиций. Стремясь восполнить этот пробел, идеологи религиозно-сионистского движения перенесли часть своей активности в диаспору.

«Уникальную русскоязычную общину» предполагалось сформировать из числа киевских евреев. Руководство «Мидраша Ционит» считало одним из преимуществ этого проекта возможность коллективной репатриации, при которой люди в ходе переезда в другую страну не были бы предоставлены сами себе. В качестве вариантов для расселения общины были предложены такие поселения, как Ткоа, Кфар-Эльдад, Ревава. Однако такие предложения не вызвали заметного интереса со стороны потенциальных репатриантов. После нескольких месяцев работы программы было решено перевести ее в индивидуальный формат: то есть, поддержка при репатриации могла быть

оказана отдельным семьям, но от создания новой общины киевлян в Иудее и Самарии пришлось отказаться.

Крымская ситуация

Аннексия Крыма Российской Федерацией в марте 2014 г. немного изменила и ситуацию с крымским еврейством. Руководство еврейских организаций РФ приветствовало действия властей своей страны. «Бог подарил крымчанам прекрасный полуостров, с потрясающей природой, богатой историей. Хочу отметить, что мы собираемся помочь вашему региону в дальнейшем развитии», – заявил главный раввин России Берл Лазар 11 июля 2014 г. на встрече с премьер-министром Крыма Сергеем Аксеновым (Главный раввин России..., 11.07.2014). При этом, несмотря на «бархатный» характер присоединения Крыма к России, отдельные неприятные инциденты имели место.

Накануне референдума в Симферополе в марте 2014 г. на двери и фасаде здания синагоги Нер-Тамид появились свастика и оскорбительные надписи. В Ассоциации еврейских организаций и общин Крыма посчитали, что этот акт вандализма связан с напряженной ситуацией в Украине (Главный раввин Крыма..., 16.05.2014).

Некоторые вопросы возникли и в плане оперативного управления филиалами израильских организаций. Крым в этой структуре относился к одесским отделениям «Сохнута» и «Джойнта». До марта 2014 г. это не вызывало вопросов, но после аннексии полуострова возникло предложение о переподчинении крымских офисов представительств в Ростове-на-Дону. В настоящее время руководство симферопольскими филиалами двух организаций осуществляется совместно из Одессы и Москвы.

Участие евреев в украинской элите после Майдана

После событий Майдана отдельные представители еврейской общины оказались включены в состав органов власти, как на общенациональном, так и на региональном уровне.

Наиболее громким в этом ряду стало назначение на пост главы Днепропетровской областной государственной администрации видного украинского предпринимателя Игоря Коломойского. Он сумел в сжатые сроки сконцентрировать в своих руках значительные рычаги влияния в Днепропетровской области, попутно беря под контроль Запорожскую, Одесскую области и запад Донецкого региона.

Уже сейчас эксперты предупреждают, что Киеву впоследствии придется столкнуться с трудностями в контактах с днепропетровской властной группировкой. Коломойский рассчитывает пошатнуть позиции другого украинского олигарха Рината Ахметова. Их борьба тянется уже не первое десятилетие, и война на Донбассе стала очередным раундом этого противостояния.

Коломойский ранее имел негативный имидж в украинском обществе, считаясь одним из символов олигархического режима управления Украиной. Однако в считанные недели ему удалось изменить ситуацию, создав себе имидж олигарха-патриота, который делает необходимые шаги для развития украинской армии, наведения порядка в регионах и борьбы с сепаратистами.

Главой Одесской областной государственной администрации в марте 2014 г. был назначен еще один представитель еврейского национального меньшинства, владелец предприятия «Стальканат» Владимир Немировский. Немировский, однако, не сумел долго удержаться на своей должности, и вместо него в мае 2014 г. губернатором региона был назначен ставленник Коломойского Игорь Палица.

Более заметным событием оказалось назначение бывшего мэра Винницы Владимира Гройсмана на пост заместителя председателя правительства Украины. Гройсман вошел в самый первый «постмайданный» состав Кабмина, который был сформирован в основном фракциями «Батькивщина» (фракция Юлии Тимошенко) и Всеукраинского объединения «Свобода» (правые радикалы). Тем самым, были отчасти нивелированы разговоры о ксенофобском характере событий на Майдане. Этнический еврей занял высокий пост в правительстве, в котором заметную роль играли представители праворадикальных политических сил.

Параллельно этим назначениям некоторую поддержку событиям на Майдане стали публично высказывать другие представители еврейской общины, среди которых были общественные активисты, художники, музыканты. Все это в совокупности с насыщенными обсуждениями в блогосфере породило любопытный термин *«жидобандеровец»*. Так стали называть как евреев, поддерживающих украинскую революцию, так и собственно самих украинцев, лояльно или нейтрально оценивающих участие нацменьшинств в построении украинского государства. *«Жидобандеровец»* стал популярным термином в социальных сетях, и в Киеве с такой надписью даже стали выпускать сувенирную продукцию.

Стоит также напомнить, что неожиданно для многих Вадим Рабинович принял участие в президентской избирательной кампании весной 2014 года. 25 марта он как самовыдвиженец подал в Центральную избирательную ко-

миссию документы для регистрации в кандидаты в президенты (Рабинович Вадим Зиновійович..., 2014).

На выборах 25 мая за Рабиновича отдали голоса 2,5% (406 301 избиратель), что стало более высоким результатом, чем результат праворадикальных лидеров Олега Тягнибока и Дмитрия Яроша. Лучший результат Рабинович показал в Запорожской, Николаевской и Одесской областях, а также в Днепропетровске, где его поддержало почти 5% избирателей.

Стереотипы и фобии

На Донбассе продолжается вооруженное украинско - российское противостояние, а в Украине далеко не исчерпан внутренний политический конфликт. Это не позволяет уже сейчас делать полные выводы о сути происшедших зимой 2013-2014 гг. событий в украинской столице. Но уже сейчас очевидно, что события в Украине остаются в рамках строительства политической нации. Правые радикалы не сумели существенно изменить общенациональную повестку дня, а представители еврейской общины продолжают считать себя гражданами Украины, а не просто бывшими советскими людьми.

Как отмечает политический эксперт Вячеслав Лихачев, «единственный раз антисемитское выступление прозвучало со сцены в первые дни (точнее даже – ночи) Евромайдана из уст расистской поэтессы Дианы Камлюк. При большом желании можно вспомнить еще эпизод с «жидом» в специфическом контексте рождественского Вертепа, который только с натяжкой можно трактовать как антисемитский. И это – на тысячи, если не десятки тысяч выступлений» (Лихачев, 03.02.2014).

Дальнейшее развитие событий даст ответ на вопрос сумеет ли еврейская община Украины сохраниться в новых условиях, или в ее среде верх возьмут стремления к смене места жительства. Отметим, что эмигрантские настроения становятся все более распространенными и среди украинского населения, но пока не стоит преувеличивать масштаб таких ожиданий. Очевидно также, что «еврейская тема» становится все более востребованной в государственной пропаганде России. Москва пытается использовать «еврейский вопрос» в контексте пресловутой «борьбы с фашистами». И это, наверное, наиболее удручающий вывод на данный момент.

Библиография

Главный раввин Крыма покинул аннексированный полуостров, 16.05.2014. [Электронный ресурс: Крым. Реалии] <<http://ru.krymr.com/content/article/25386698.html>> [Дата доступа:] 21.09.2014.

Главный раввин России поговорил с Аксеновым о жизни иудеев в аннексированном Крыму, 11.07.2014. [Электронный ресурс: Крым. Реалии] <<http://ru.krymr.com/content/article/25453159.html>> [Дата доступа:] 19.09.2014.

Лихачев В. Экстремизм, ксенофобия и политехнологии: как это делается [Электронный ресурс: Евроазиатский еврейский конгресс], 03.02.2014. <<http://eajc.org/page18/news43063.html>> [Дата доступа:] 16.09.2014.

Лихачев В. На бой с невидимым врагом: антисемитизм, экстремисты и Майдан. [Электронный ресурс: Евроазиатский еврейский конгресс], 28.06.2014. [Режим доступа:] <<http://eajc.org/page18/news45696.html>> [Дата доступа:] 21.09.2014.

Рабинович Вадим Зиновійович – інформація про кандидата на посаду Президента України. [Электронный ресурс: Центральна виборча комісія] <<http://www.svk.gov.ua/pls/vp2014/WP005?PT021F01=110&PT001F01=702>> [Дата доступа:] 18.09.2014.

Фельдман А. «Готовящимся воспользоваться плодами революционной стихии нельзя позволить разрушить уникальность Украины как многонационального государства». Факты. 11.12.2013.

Шарый А. Правозащитник Иосиф Зисельс – о евреях и «Свободе», 24.12.2013 [Электронный ресурс: Svoboda.org] <<http://www.svoboda.org/content/article/25210013.html>> [Дата доступа: 20.09.2014].

Особенности политико-дипломатических контактов Республики Беларусь и Государства Израиль в 2005–2014 гг.

Внешнеполитическая активность в отношении стран СНГ для израильских властей в последние годы приобрела особое значение. Развитие этого направления связано, прежде всего, с А. Либерманом. В своей книге «Ничего, кроме правды» он обратил внимание на необходимость более тесных связей со странами, образовавшимися после распада СССР, особо подчеркнув, что эта возможность была упущена его предшественниками в 1990-е гг. (Либерман, 2005, с.132). Однако во время первой каденции лидера партии «Наш дом Израиль» на посту министра иностранных дел еврейского государства (31 марта 2009 г. – 18 декабря 2012 г.) существовало мнение, что истинной причиной, по которой он выступил инициатором увеличения интенсивности контактов с государствами СНГ, является его фактическая отстраненность от контактов с США, ЕС и ООН, представители которых якобы не хотят иметь дело с ним, предпочитая обращаться лично к премьер-министру Б. Нетаньяху или встречаться с министром обороны в составе 32-го правительства Израиля Э. Бараком, поскольку те виделись им более влиятельными политиками и подходящими партнерами для ведения переговоров.

С началом второй каденции А. Либермана в качестве главы внешнеполитического ведомства Израиля 11 ноября 2013 г., ситуация несколько изменилась. Интерес к странам СНГ проявили и Б. Нетаньяху, и тогдашний заместитель министра иностранных дел, а ныне глава комиссии Кнессета по иностранным делам и обороне З. Элькин. Последний, в частности, в недавнем интервью Интернет-порталу «Курсор» заявил об объективной значимости для Израиля контактов с государствами постсоветского пространства, при этом подчеркнув, что таким образом страна ни в коей мере не пытается найти замену своим традиционным стратегическим партнерам (Израиль активно работает..., 2014). В том же интервью З. Элькин указал на то, что Израиль готов на сближение со всеми без исключения странами СНГ и Балтии, и нецелесообразно было бы их ранжировать. Вместе с тем, на

практике израильские власти оказываются перед необходимостью выбора того или иного партнера в регионе. Связано это с тем, что нередко двусторонние проекты с различными государствами во многом схожи, а политические противоречия между ними не позволяют Израилю реализовать многосторонние проекты. Кроме того, серьезным препятствием для Израиля в регионе является соперничество с традиционными противниками страны, такими как Иран. Власти Исламской Республики Иран не ограничиваются контактами только с мусульманскими странами СНГ и используют любое промедление Израиля в осуществлении совместных проектов с ними.

Республика Беларусь в данном контексте всегда занимала противоречивое положение. Отношения с Минском никогда не входили в число официально объявленных приоритетов Иерусалима. Однако в течение почти двенадцати лет дипломатических отношений страны планомерно наращивали договорно-правовую базу сотрудничества и обменивались официальными визитами. Стороны не имели видимых межгосударственных противоречий и строили планы по реализации совместных проектов. Тем не менее, посольство Израиля в Минске попало в число миссий, закрытых в 2002-2003 гг. в связи с сокращением объемов бюджетных средств. Таким образом, контакты с республикой оказались в одном ряду с Зимбабве, Панамой и Новой Зеландией, где также были закрыты представительства еврейского государства.

В данной работе предпринята попытка выявления специфики белорусско-израильских политико-дипломатических контактов в 2005–2014 гг. Выбор указанных хронологических рамок объясняется следующими обстоятельствами. В 2005 г. возобновило свою работу израильское посольство в Минске, закрытое двумя годами ранее по финансовым причинам. В 2014 г. активность на белорусском направлении приобрела для еврейского государства особое значение. Во-первых, как заявил посол в Минске 8 мая 2014 г.: «в правительстве Государства Израиль принято принципиальное решение об отмене визового режима», реализацию которого следует ожидать к концу года (Шагал: в правительстве Израиля..., 2014). Во-вторых, в ходе рабочей поездки посла Республики Беларусь в Израиле В. Н. Скворцова в Эйлат 12–13 мая 2014 г. стороны договорились о поиске для известного израильского туристического центра города-побратима в Беларуси (О рабочей поездке..., 2014). В-третьих, отношения с Республикой Беларусь, как частью единой таможенной территории, приобретают особую важность, учитывая планы Израиля заключить соглашение о зоне свободной торговли с Таможенным союзом.

Факторы сотрудничества

Прежде чем перейти к анализу основных событий, произошедших на белорусско-израильском направлении в указанный период, видится целесообразным рассмотреть причины, побудившие стороны идти на сближение. Как представляется, способствовали установлению двусторонних контактов, прежде всего, исторические факторы.

Дипломатические отношения между государствами были установлены 26 мая 1992 г. Однако еще в 1947 г. делегация Белорусской ССР выступила в ООН в поддержку резолюции Генеральной Ассамблеи №181 о разделе Палестины. Как указывал в своих воспоминаниях министр иностранных дел БССР К. В. Киселев, на тот момент представители союзных республик сочли наиболее целесообразным воплощение на практике плана, подразумевавшего создание двух независимых государств в Палестине — арабского и еврейского (Киселев, 1974, с.348). В дальнейшем, однако, делегаты Белорусской ССР осуждали агрессию Израиля в регионе и выступали за возобновление Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку с участием палестинской стороны (Войтович, 1978, с.21).

Израиль признал независимость Республики Беларусь 25 декабря 1991 г. (Беларусь и Израиль, 2011). Это обстоятельство имело для нового независимого государства особое значение. Во-первых, процесс признания Беларуси международным сообществом протекал медленно, и на начальном этапе важен был каждый новый союзник (Камышев, 2005, с.54). Во-вторых, установление отношений с еврейским государством означало выход внешнеполитических интересов республики за пределы постсоветского пространства и контактов с Западом в относительно новый и далекий ближневосточный регион. Это обстоятельство можно трактовать по-разному. Например, известный российский специалист по международным отношениям А. Д. Богатуров видит в таком поведении стран стремление приблизиться к кругу государств, способных влиять на решение наиболее острых мировых проблем и, как следствие, надеяться в будущем на более высокие позиции на международной арене (Богатуров, 2006). Однако некоторые рассматривают такого рода шаги как попытки следовать сохранившейся еще со времен СССР приверженности курсу в отношениях со странами Ближнего Востока.

Впрочем, какими бы ни были истинные мотивы властей Беларуси, внимание страны к региону выгодно для обеих сторон в палестино-израильском противостоянии. В случае нового витка напряженности или обсуждения ситуации в Генеральной Ассамблее ООН, они часто пытаются прибегнуть к поддержке Республики Беларусь. Так, на встрече посла Израиля в Беларуси Й. Шагала с журналистами 20 ноября 2012 г., одной из задач которой было

разъяснение ситуации в связи с операцией «Облачный столп» (14-21 ноября 2012 г.), израильский дипломат указал, что его страна будет признательна любому посреднику в деле урегулирования палестино-израильских противоречий, и подчеркнул, что в данном качестве может выступить принимающее его государство (Посол Израиля..., 2012).

С другой стороны, когда Палестина готовилась обратиться в ООН за получением статуса государства-наблюдателя, посол в Минске Халед Арикат провел в белорусской столице 23 ноября 2012 г. пресс-конференцию, на которой призвал власти республики поддержать палестинцев в их стремлении обрести государственность. Кроме того, по всей видимости, желая найти дополнительный стимул для привлечения Минска на свою сторону, он рассказал о том, с каким вниманием в Палестине относятся к обеспечению безопасности и условиям проживания граждан Беларуси (Палестина призывает поддержать..., 2012).

Во-вторых, многие известные израильские политические деятели, такие как первый президент страны Х. Вейцман, седьмой премьер-министр М. Бегин, а также нынешний президент Ш. Перес – родом из Беларуси. Биограф Ш. Переса М. Бар-Зохар подробно описывает один эпизод, связанный с убийством двух евреев в 1933 г. в окрестностях деревни Вишнево, в которой жил тогда будущий президент. Много лет спустя, будучи уже в Израиле, Ш. Перес, по словам того же М. Бар-Зохара, отмечал, что это событие повлияло на решение их семьи переехать в Палестину (Bar-Zohar, 2007, p.23). Для того чтобы напомнить гражданам двух стран о существующих между ними глубоких исторических связях, в мае 2011 г. в Минске посольством Израиля в Беларуси и Музеем истории и культуры евреев Беларуси была организована выставка «Гордость нации», которая была посвящена известным выходцам из Беларуси. Выставка ставила задачей рассказать историю развития межгосударственных связей на примере биографий известных деятелей политики, экономики и культуры Израиля.

В-третьих, страны объединяет память о Катастрофе европейского еврейства. Данные, приводимые различными исследователями, о еврейском населении, погибшем на территории Белорусской ССР в годы Холокоста, разнятся. Наиболее достоверным видится версия, согласно которой количество погибших составило 500 тыс. чел. (Шевелев, 2009, с.46). Это обстоятельство определило необходимость развития проектов, направленных на сохранение памяти об этой трагической странице в истории. Так, в июне 2006 г. на территории Республики Беларусь было открыто 4 новых памятника жертвам Холокоста: в Дятлове, Новоельне и Долматовшине Гродненской области, а также в городе Смолевичи Минской области. В начале ав-

густа 2012 г. в деревне Молчадь Барановичского района Брестской области был открыт памятный знак. Благодаря средствам, выделенным семьей Лазарусов на увековечивание мест убийств евреев на территории Беларуси в годы Второй мировой войны было установлено 70 памятников (Belarus Holocaust Memorials Project, 2014).

Помимо исторических, можно назвать иные факторы, также способствующие взаимному доверию. Здесь, прежде всего, имеется в виду рост террористической угрозы. Проблема, актуальная для всех без исключения стран, в 2011 г. затронула белорусскую столицу, где 11 апреля на станции метро «Октябрьская» прогремел взрыв. Государство Израиль не смогло остаться в стороне от этих событий. В кратчайшие сроки была сформирована команда, в состав которой вошли травматологи израильской службы тыла, специалисты-психологи, а также полицейские и криминалисты, специализирующиеся на расследовании терактов. Отправка делегации и работа по помощи пострадавшим в результате теракта в минском метро, осуществлялась через израильское посольство в столице Беларуси.

Политический диалог

В 2005-2008 гг. политические контакты с государствами постсоветского пространства в целом, и Республикой Беларусь в частности, развивались вяло. 17-19 декабря 2006 г. с рабочим визитом Минск посетил тогдашний заместитель генерального директора МИД Израиля М. Софер. За время пребывания в белорусской столице он встретился с представителями Администрации Президента Беларуси, Министерства иностранных дел и Министерства экономики Республики Беларусь. В 2008 г. на мероприятиях, посвященных 65-й годовщине уничтожения Минского гетто, официальным представителем израильской стороны был лидер партии «Наш Дом Израиль» А. Либерман. Остальные политические и государственные деятели, прежде анонсировавшие свой приезд, ограничились лишь письменными заявлениями. В частности, поступили обращения к участникам памятных мероприятий от имени президента Израиля Ш. Переса, министра иностранных дел Ц. Ливни и лидера оппозиции Б. Нетаньяху.

В январе 2009 г. тогдашний посол Государства Израиль в Республике Беларусь Э. Шапира заявил, что для активизации двустороннего сотрудничества «не хватает политических сигналов» (Белорусско-израильская комиссия..., 2009). Однако именно в то время участилась практика обмена официальными визитами. В 2009 г. в Минске трижды побывали правительственные делегации из еврейского государства, которыми руководили глава МИД А. Либерман (3–5 июня 2009 г.), а также тогдашний министр туризма

С. Мисежников (10–12 июля 2009 г.) и Генеральный директор офиса премьер-министра Э. Габай (7 сентября 2009 г.). В 2010 г. Израиль посетили рабочая группа Национального собрания Республики Беларусь по сотрудничеству с Кнессетом (14–18 февраля 2010 г.) и министр спорта и туризма Беларуси О. Л. Качан (26–28 апреля 2010 г.). В июне 2011 г. в Израиль прибыл премьер-министр Беларуси М. В. Мясникович, а в мае 2012 г. – его заместитель М. И. Русый для участия в выставке «Agritech-2012». Таким образом, стороны фактически вернулись к тому уровню обмена визитами, который существовал до закрытия посольства в Минске. Тогда, в 1990-х – начале 2000-х гг., в Беларусь часто приезжали руководящие сотрудники израильского МИД Ш. Штайн и М. Софер, а Израиль посетили белорусский президент А. Г. Лукашенко и члены Кабинета министров.

Долгое время количество заключенных соглашений между двумя государствами превышало число ратифицированных. За первое десятилетие сотрудничества из десяти договоров, подписанных сторонами, вступили в силу только пять, включая Соглашение об установлении дипломатических отношений (Зайцева, 2002). Дольше всех ожидали ратификации документы, касающиеся торгово-экономических связей, инвестиций и взаимного учреждения культурных центров. В настоящее время ситуация изменилась в лучшую сторону. В 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в области туризма и о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и оценки соответствия, вступившие в силу в 2010 г. Лишь договор о взаимодействии в области здравоохранения и медицинской науки от 20 июня 2011 г. пока не ратифицирован.

Затягивание реализации достигнутых договоренностей и нестабильность в практике обмена официальными визитами, не позволяющая оперативно обмениваться мнениями по ключевым вопросам сотрудничества, создает сложности для двусторонних контактов. Прежде всего, это приводит к активизации внешнеполитической активности в отношении Беларуси противников Израиля, среди которых чаще называют Исламскую Республику Иран. Так, Президент Республики Беларусь, посетивший Иран 5-7 ноября 2006 г., стал первым европейским лидером, который прибыл в страну с официальным визитом после победы на выборах М. Ахмадинежада (Розова, 2006). Тогда стороны заявили о близости позиций по широкому спектру вопросов. В ходе визита Министра иностранных дел Республики Беларусь В. В. Макея в Иран 16-17 марта 2014 г. он провел переговоры с президентом страны Х. Роухани и своим коллегой М. Д. Зарифом, на которых стороны выразили решимость поддерживать друг друга на международной арене и продолжать наращивать двустороннее сотрудничество (О визите министра..., 2014).

Пытаясь компенсировать недостаток официальных белорусско-израильских контактов, власти государств идут на некоторые внешнеполитические уловки. В частности, 10 сентября 2009 г. был назначен первый почетный консул Республики Беларусь в Израиле, которым стал уроженец Минска, уехавший в 1990 г. в Израиль, ныне владелец информационного агентства «Курсор» А. Моткин (Назначен почетный консул..., 2009). Таким образом обе стороны признали его заслуги в деле взаимного привлечения инвестиций.

Дипломатические скандалы

С деятельностью дипмиссии еврейского государства в Беларуси связано несколько весьма громких скандалов. Нынешний министр иностранных дел Израиля А. Либерман рисковал прекратить свою дипломатическую карьеру в связи с разбирательством по делу бывшего посла Израиля в Республике Беларусь З. Бен-Арье. А. Либерман обвинялся в получении в 2008 г. информации о запросе израильского Министерства юстиции в посольство в Минске по поводу экономических интересов и счетов израильского политика в Беларуси. Как предполагало следствие, в обмен за утечку информации, А. Либерман, ставший министром иностранных дел в 2009 г., позднее содействовал продвижению З. Бен-Арье по службе, в частности лоббировал его назначение в качестве руководителя посольства в Риге. В 2012 г. З. Бен-Арье вследствие заключения «внесудебной сделки» с прокуратурой признал себя виновным в разглашении служебной информации и был приговорен к четырем месяцам общественных работ (Экс-посол Израиля в Белоруссии..., 2012). Сам А. Либерман был оправдан иерусалимским мировым судом 6 ноября 2013 г.

Несколько конфузных ситуаций было связано с действующим послом в Минске Й. Шагалом. Так, после его назначения на должность посла в 2011 г., израильское «Движение за чистоту власти» обратилось в Высший суд справедливости (БАГАЦ), пытаясь оспорить это назначение, ссылаясь на то, что кандидатура Й. Шагала была предложена А. Либерманом, на тот момент находившимся под следствием. Активисты «Движения» усмотрели в этом попытку повторения описанной выше ситуации с З. Бен-Арье. В январе 2012 г. БАГАЦ отклонил этот иск, сочтя, что решение принималось исходя из профессиональных навыков Й. Шагала, а не его личных связей (Высший суд..., 2012).

6 февраля 2014 г. в эфире программы «Израиль за неделю» посол заверил зрителей, что в Беларуси нет политических заключенных, заявив: «С точки зрения нашей [Израиля], они — уголовники, потому что у них есть

статья — за хулиганство, за бросание камней, за унижение властей ну и так далее» (МИД Израиля дезавуировал..., 2014). При этом он подчеркнул, что это позиция страны, а не его личное мнение. Кроме того, Й. Шагал указал на то, что основным инициатором введения санкций против Беларуси является Польша. Это заявление вызвало обострение отношений с Варшавой. Тогда МИД Израиля был вынужден дезавуировать слова Й. Шагала. Информация об этом была размещена на сайте израильского посольства в Польше, а затем распространена по дипломатическим каналам (МИД Израиля дезавуировал..., 2014).

Этот шаг внешнеполитического ведомства помог смягчить реакцию польских властей. Однако в Беларуси высказываниями Й. Шагала остались недовольны лидеры оппозиционных партий и движений. 14 февраля 2014 г. в Минске посол Израиля провел встречу с представителями белорусской оппозиции, на которой было принято решение о более тесном взаимодействии дипмиссии с ними. Впрочем, не все представители оппозиционных партий согласились на компромисс с послом. Объединенная гражданская партия обратилась лично к премьер-министру Израиля Б. Нетаньяху с просьбой назначить нового посла, руководствующегося интересами страны и точно знающего ее позицию по наиболее острым моментам политики принимающего государства (Якимова, 2014). Координатор гражданской кампании «Европейская Беларусь» был недоволен отказом Й. Шагала принести извинения за сказанное им в эфире (Дмитрий Бондаренко..., 2014).

Связи городов

Явным достижением в белорусско-израильских отношениях следует рассматривать установление побратимских связей между городами. Эти шаги позволяют, с одной стороны, укреплять межгосударственное сотрудничество, а с другой способствовать развитию имеющегося у каждого города потенциала за счет привлечения иностранных партнеров и использования их опыта. При этом особенно важно, чтобы выбранные для такого рода контактов города были сопоставимы по уровню социально-экономического развития и считались привлекательными с точки зрения туризма или инвестиций.

В случае Беларуси и Израиля имеются сведения о двух парах городов-побратимов. 21 февраля 2011 г. в рамках 5-дневного рабочего визита гродненской делегации, возглавляемой тогдашним председателем Гродненского горисполкома Б. Н. Козелковым, было подписано соглашение о побратимских связях Гродно и Ашкелона. Заключение подобного соглашения стороны рассматривали как шаг на пути формирования тесных контактов.

Перед посещением Израиля, делегация из Гродно разработала ряд предложений о сотрудничестве в области туризма, медицины и экономики, а в ее состав вошли представители бизнес-сообщества, учреждений здравоохранения и туристических фирм города (Израильский город..., 2011).

На протяжении долгого времени шла подготовка соглашения об установлении побратимских связей между городами Брест и Ашдод. Первоначально эта идея была высказана тогдашним послом Израиля в Минске И. А. Лещеней еще в 2008 г. Затем в декабре 2011 г. данная инициатива обсуждалась во время визита в Беларусь Б. Гитермана, занимавшего должность вице-мэра Ашдода. Подписание договора состоялось 28 марта 2012 г., когда Израиль посетила делегация из Бреста. Установление побратимских отношений между этими городами имело для обеих стран особое значение, поскольку, по словам руководства Ашдода, в их городе живет самая многочисленная община выходцев из Беларуси (Ашдод и Брест..., 2011).

Кроме того, договоры о сотрудничестве подписали представители Витебска и Ришон ле-Циона в марте 2008 г., а также городов Глубокое и Кирьят Бялик в марте 2011 г. Такие соглашения способствуют установлению взаимовыгодных связей между городами и содействуют укреплению двустороннего сотрудничества.

Перспективы отмены визового режима

Прорывом для белорусско-израильского взаимодействия может стать соглашение об отмене визового режима, которое обсуждается уже несколько лет. Начало этому процессу было положено в 2007 г. Тогда Беларусь пошла на облегчение правил въезда в страну израильтян, чей визит не будет продолжаться дольше месяца. Однако в связи с отсутствием ответных шагов со стороны Израиля процесс был заморожен на неопределенный срок. Как подчеркивал тогдашний посол Израиля в Минске З. Бен-Арье, реализации такой договоренности мешает отсутствие диалога между сторонами (Израиль-Беларусь..., 2010).

16-17 июля 2010 г. на совещании министров иностранных дел государств – членов и партнеров ОБСЕ, А. Либерман и его белорусский коллега С. Н. Мартынов обсудили возможность отмены виз для обладателей дипломатических паспортов. Надежду на благополучный исход переговоров белорусским властям вселяло участие в процессе самого А. Либермана, который еще до вступления в должность руководителя МИД заявлял о необходимости отмены виз со странами СНГ, но процесс вновь затянулся.

В 2012 г. тогдашний министр туризма Израиля С. Мисежников утверждал, что подобное соглашение может быть подписано в кратчайшие

сроки. Затем в 2013 г. такого же рода предположение высказал Й. Шагал. Позднее, в своем скандальном интервью, о котором речь шла выше, он указал на вероятность согласования документа к лету 2014 г. (Израиль за неделю, 2014). 8 мая 2014 г. израильский посол в Беларуси заявил, что вступления в силу соглашения следует ожидать в первой декаде 2015 г. (Шагал: в правительстве Израиля..., 2014).

Каковы перспективы реализации соглашения об отмене визового режима между Израилем и Беларусью, прогнозировать сложно. Отмена виз означала бы не просто устранение барьеров в сфере экономики и туризма, но и повышение доверия сторон друг к другу. Впрочем, если Израиль будет тянуть с переговорами с Беларусью, Иран может вновь опередить Израиль.

Из сказанного выше становится очевидным, что политико-дипломатические контакты Израиля и Республики Беларусь пока в полной мере не отвечают возможностям двух государств. Обращаясь к Беларуси только в случае необходимости получения дипломатической поддержки, или не имея возможности оставить без внимания часть единой таможенной территории, Израиль, во-первых, оставляет нереализованным потенциал сотрудничества в различных областях, во-вторых, открывает путь в регион своим давним противникам. Последнее обстоятельство особенно серьезно, т.к. сближение Беларуси и Ирана грозит отказом от обсуждавшихся на протяжении многих лет белорусско-израильских инициатив.

Весьма примечательно, что имеющиеся у стран исторические связи неоднократно препятствовали серьезному охлаждению отношений, поэтому можно надеяться, что их ухудшение вряд ли предвидится.

В последние несколько лет израильские политики и дипломаты довольно часто делают высказывания о Беларуси как о важном партнере Израиля в деле разрешения международных проблем. В качестве примера можно привести слова А. Либермана отметившего «сбалансированную позицию белорусских СМИ во время операции в Секторе Газа» (А.Лукашенко рассчитывает на поддержку..., 2009), а также заявления Й. Шагала о том, что «очень важно сохранить хорошие отношения со страной, которая, <...> на многих голосованиях ООН если не голосовала за, то и не против нас, а воздерживалась» (Ария израильского гостя, 2012). Однако израильской стороне целесообразней было бы перейти от излишне смелых и зачастую лишь декларативных заявлений о возможной роли Беларуси в урегулировании палестино-израильского конфликта и приоритетах Минска среди партнеров еврейского государства в СНГ, которые часто звучат от израильских дипломатов, к завершению ратификации всех имеющихся соглашений и активизации практики обмена официальными визитами. Закончив оформление договорно-правовой базы сотрудничества, и обсудив проблемы и перспективы

взаимодействия, станет возможным выход двусторонних связей на иной уровень, при котором Беларусь будет рассматриваться не только как часть СНГ или Таможенного союза, а в качестве самостоятельного партнера на постсоветском пространстве.

Библиография

Богатуров А. Д. Лидерство и децентрализация в международной системе [в:] *Международные процессы*, 2006, № 3, с. 5-15.

Войтович С. Д. БССР на форуме наций. Минск, 1978.

Зайцева О. А. Белорусско-израильские отношения (к 10-летию установления дипломатических отношений) [в:] *Ближний Восток и современность*, М., 2002, вып. 16, с. 56-66.

Камышев К. Международное признание Республики Беларусь [в:] *Журнал международного права и международных отношений*, 2005, № 1, с. 51-56.

Киселев К.В. Записки советского дипломата. М.: Политиздат, 1974.

Либерман А. Ничего, кроме правды. Тель-Авив, 2005.

Розова А. А. Итоги ирано-белорусского саммита [Электронный ресурс: Институт Ближнего Востока] <<http://www.iimes.ru/?p=5112>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Шевелев Д. Еврейские общины Украины, Молдовы и Беларуси на рубеже 1990-2000-х гг. [в:] *Перекрестки*, 2009, №1-2, с. 21-86.

Якимова Е. А. 18.02.2014 Реакция МИД Израиля на высказывание посла в Республике Беларусь Й.Шагала [Электронный ресурс: Институт Ближнего Востока] <<http://www.iimes.ru/?p=19962>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Bar-Zohar M. Shimon Peres: The biography. NY, 2007.

А.Лукашенко рассчитывает на поддержку Израиля в процессе нормализации отношений с Европой и США <<http://www.interfax.by/news/belarus/1056084>> [Дата доступа: 14.02.2014]

Ария израильского гостя <<http://charter97.org/ru/news/2012/1/26/47241/>> [Дата доступа: 10.02.2014]

Ашдо и Брест готовят договор о побратимстве <<http://www.strana.co.il/news/?ID=60660&cat=33>> [Дата доступа: 19.03.2014]

Белорусско-израильская комиссия по экономическому сотрудничеству планирует собраться в текущем году – посол Израиля, 27.01.2009 <<http://www.interfax.by/news/belarus/51054>> [Дата доступа: 18.02.2014]

Беларусь и Израиль – общие сведения, 27.03.2011 [Электронный ресурс: Министерство иностранных дел Израиля] <http://mfa.gov.il/MFARUS/ForeignRelations/Bilateral%20relations/IsraelFSU/Belarus/Pages/Belarus_Intro.aspx> [Дата доступа: 21.02.2014]

Высший суд Израиля отклонил иск против назначения Иосифа Шагала послом в Беларуси <<http://afn.by/news/i/162204>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Дмитрий Бондаренко: В МИД Израиля работают те, с кем Щаранский боролся в СССР <<http://charter97.org/ru/news/2014/2/15/86871/>> [Дата доступа: 19.03.2014]

Израиль активно работает над сближением со странами СНГ, 9.02.2014 <<http://cursorinfo.co.il/news/novosti/2014/02/09/izrail-aktivno-rabotaet-nad-sblizheniem-so-stranami-sng/>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Израиль-Беларусь: торможение или прогресс на пути к отмене виз <<http://izrus.co.il/dvuhstoronka/article/2010-07-20/10984.html>> [Дата доступа: 18.02.2014]

Израиль за неделю, 08.02.2014 Интервью посла Израиля в Республике Беларусь Й.Шагала [Электронный ресурс: RTVi] <http://rtvi.zahav.ru/Articles/89/rtvi_israel_week_140208_1> [Дата доступа: 14.02.2014]

Израильский город Ашкелон станет побратимом Гродно <http://www.belta.by/ru/all_news/regions/Izrailskij-gorod-Ashkelon-stanet-pobratimom-Grodno_i_543490.html> [Дата доступа: 19.03.2014]

МИД Израиля дезавуировал слова посла в Минске Йосефа Шагала <http://newsru.co.il/israel/16feb2014/shagal_a201.html> [Дата доступа: 21.02.2014]

Назначен почетный консул Беларуси в Израиле, 14.03.2009 <http://www.aen.ru/index.php?page=brief&article_id=54661> [Дата доступа: 18.02.2014]

О визите Министра иностранных дел Беларуси В.Макея в Иран [Электронный ресурс: Посольство Республики Беларусь в Исламской Республике Иран] <<http://iran.mfa.gov.by/ru/embassy/news/ee8633ec20d32bea.html>> [Дата доступа: 18.05.2014]

О рабочей поездке Посла в г.Эйлат, 14.05.2014 [Электронный ресурс: Посольство Республики Беларусь в Государстве Израиль] <<http://israel.mfa.gov.by/ru/embassy/news/ff3652cb4ecfcc81.html>> [Дата доступа: 18.05.2014]

Посол Израиля: мы будем признательны, если Беларусь поможет в решении конфликта с Палестиной <http://naviny.by/rubrics/politic/2012/11/20/ic_news_112_405801/> [Дата доступа: 24.02.2014]

Палестина призывает поддержать ее для получения статуса государства-наблюдателя при ООН, 23.11.2012 <http://www.belta.by/ru/all_news/politics/Palestina-prizyvaet-podderzhat-ee-dlja-polucheniya-statusa-gosudarstva-nabljudatelja-pri-OON_i_616329.html> [Дата доступа: 24.02.2014]

Шагал: в правительстве Израиля принято принципиальное решение об отмене визового режима с Беларусью, 8.05.2014 <http://www.belta.by/ru/all_news/politics?id=668319> [Дата доступа: 10.05.2014]

Экс-посол Израиля в Белоруссии приговорен к общественным работам, 29.10.2012 <<http://www.jewish.ru/news/israel/2012/10/news994312085.php>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Belarus Holocaust Memorials Project <<http://www.belarusmemorials.com/memorials/>> [Дата доступа: 18.04.2014]

Япония и Израиль: политико-экономические отношения и диалог культур

Политическое и экономическое взаимодействие

Политика Японии в отношении Государства Израиль всегда была весьма осторожной. После установления дипломатических отношений в 1952 г. японо-израильские отношения характеризовались периодическими взлетами и падениями, а иногда приобретали напряженный характер (например, в 1973 г. во время мирового энергетического кризиса Япония поддержала экономический бойкот, объявленный арабскими странами Израилю). Подобные отношения были обусловлены тем, что интерес дальневосточной страны к Ближнему Востоку долгое время заключался лишь в необходимости поставок энергоресурсов из арабских стран. Однако, в начале 2000-х гг. Япония пересмотрела ближневосточную политику, что отразилось и на развитии японо-израильских отношений: тогда было принято решение, что позитивный подход в отношениях с Израилем должен распространяться не только на экономическую, но и на политическую сферу, и что пришло время менять приоритеты ближневосточной политики Японии, носившей ранее откровенно проарабский характер. Таким образом, региональная политика Японии, которая была традиционно пассивной, значительно активизировалась на рубеже 1990-х – 2000-х гг. с целью повышения японского экономического и политического присутствия на Ближнем Востоке, а так как Израиль является важным партнером Японии в регионе, то изменение характера японо-израильских отношений стало неизбежным.

Японо-израильские отношения развиваются под воздействием нескольких ключевых факторов: необходимости обеспечения стабильных поставок энергоресурсов в Японию из арабских государств Персидского залива, а также влияния затянувшегося арабо-израильского конфликта и стратегического партнерства между Японией и США, которое ограничивает самостоятельность действий дальневосточного государства в области внешней политики. Поэтому, развивая отношения с Государством Израиль, Япония вынуждена балансировать и решать несколько важных проблем.

Во-первых, основной проблемой Японии является необходимость сохранять баланс в отношениях с Израилем и арабскими государствами. Израиль является важным экономическим и политическим партнером Японии

в регионе, но именно арабские страны выступают основными поставщиками энергоресурсов, поэтому любые действия Японии на Ближнем Востоке в первую очередь соотносятся с проблемой энергетической безопасности.

Второй проблемой можно назвать все еще сохранившееся влияние США на внешнюю политику Японии и, соответственно, необходимость согласовывать действия на Ближнем Востоке со своим основным стратегическим партнером. Соединенные Штаты, гораздо менее зависимые от поставок ближневосточных ресурсов, имеют возможность принимать более радикальные политические и экономические решения, включая применение санкций и иных мер воздействия на государства Ближнего Востока, чего Япония старается избегать. США считают Израиль своим основным союзником в регионе, поэтому формирование внешнеполитического курса Японии в отношении Израиля идет в согласовании с США. Однако, в 2000-е гг. во внешнеполитической линии Японии в отношении Ближнего Востока вообще, и Государства Израиль, в частности, следует отметить стремление Японии принимать самостоятельные решения в области региональной политики. Поэтому с начала 2000-х гг. Япония на Ближнем Востоке стремится позиционировать себя как нейтральное государство, в равной степени развивающее отношения с Израилем и арабскими странами и реализующее собственные национальные интересы.

С момента установления дипломатических отношений в 1952 г. Япония и Израиль постоянно поддерживают политические контакты. Развитие политических отношений в 2000-е гг. сопровождалось регулярными встречами высокопоставленных лиц: следует отметить визиты премьер-министра Дзюньбитиро Коидзуми в Израиль в июне 2006 г., министра иностранных дел Израиля Ц. Ливни в Японию в январе 2007 г., главы внешнеполитического ведомства Японии Таро Асо в Израиль в августе 2007 г., премьер-министра Израиля Э. Ольмерта в Японию в феврале 2008 г. (Japan-Israel Relations..., 2014). Однако, несмотря на стремление Японии повысить активность в регионе, в настоящее время политические отношения двух государств все еще находятся в статическом состоянии: стороны ограничиваются обменом мнениями по проблемам региональной безопасности и реализации двусторонних проектов, представляющих взаимный интерес.

Вместе с тем, состояние политических отношений между государствами в последнее десятилетие стабильно: несмотря на то, что Япония и Израиль имеют разные цели и методы реализации ближневосточной политики, стороны демонстрируют одинаковую позицию в решении основных региональных проблем. Например, оба государства придерживаются единой и жесткой позиции в отношении ядерной программы Ирана. Япония под-

держала санкции против Исламской Республики Иран и сократила импорт нефти из этой страны. Япония и Израиль занимают схожие позиции в отношении стабилизации в Афганистане: обе страны поддерживают идею необходимости оказания лишь гуманитарной и финансовой помощи афганскому государству. После смены власти в Японии в 2009 г. правительство отклонило любые варианты присутствия сил самообороны в Афганистане и переориентировало японское участие в афганском урегулировании на оказание сугубо финансового содействия.

Экономические отношения между Японией и Государством Израиль – напротив – в 2000-е гг. развивались весьма динамично. Японский бизнес довольно долго скептически относился ко всему региону Ближнего Востока и к Израилю, в частности. По мнению председателя Израильско-японского общества дружбы и Торговой палаты (*Israel-Japan Friendship Society and Chamber of Commerce*) Р. Бренштейна, внешняя политика Японии остается слишком традиционной, что и является причиной японского скептицизма: «Япония традиционно была под влиянием диктата арабских стран. Японцы весьма консервативны и не любят нарушать равновесие. Учитывая тот факт, что страна импортирует около 90% нефти, они склонны принять арабскую точку зрения на многие вопросы, включая Израиль» (Shaman, 2012). Консерватизм пронизывает все сферы японского общества, включая экономику. Однако, начиная с 2000-х гг., все больше японской молодежи стало обучаться на Западе, что несколько изменило японское представление о ведении бизнеса за границей. Японские предприниматели начали активно изучать рынок Израиля, открывать новые перспективы для экономического взаимодействия, что в свою очередь, способствует увеличению товарооборота между государствами.

Японский экспорт в Израиль состоит, в основном, из продукции машиностроения, электрооборудования и автомобилей. По итогам 2009 г. общий объем экспорта товаров из Японии в Израиль составил \$1,54 млрд (Exports to Japan... 2014). Самыми популярными экспортируемыми товарами являются средства наземного транспорта (на сумму \$103 млн), электрооборудование (\$107 млн), продукция машиностроения (\$102 млн) (Trade..., 2014). Самой продаваемой автомобильной маркой в Израиле была японская Mazda (31 494 проданных машин), за ней следует Hyundai (20 305 машин) и Toyota (18 401 машина) (Продажи автомобилей..., 2014). В 2010 г. общий объем экспорта между двумя странами вырос на 17% и составил \$1,8 млрд (Exports to Japan..., 2014). Как и в предыдущие годы, самыми экспортируемыми оставались три отрасли: продукция машиностроения – \$150 млн, средства наземного транспорта – \$145 млн и электрооборудование – \$131 млн (Trade..., 2014). В 2011 г. в торговле между Японией и Израилем также на-

блюдалась положительная динамика: общий объем экспорта Японии в Государство Израиль увеличился на 33,3% и составил \$2,4 млрд (Japan-Israel Relations..., 2014). В 2012 г. японская экономика начала замедлять темпы роста, произошло сокращение японского экспорта, который всегда был одним из значимых факторов, способствующих развитию японской экономики. По итогам 2012 г. экспорт Японии в Израиль снизился на 19,2% и составил \$1,9 млрд (Edelist, 2012). Средств наземного транспорта было продано на \$152 млн, продукции машиностроения – на \$140 млн, электрооборудования – на \$130 млн (Trade..., 2014). В 2012 г. на израильском автомобильном рынке по-прежнему самыми популярными были японские автомобили. Лидером по популярности стал бренд Hyundai (31 525 проданных машин), третье место досталось марке Toyota (20 000 машин) (Итоги 2012 года..., 2014).

Израиль, в основном, экспортирует в Японию химическую продукцию, электрооборудование и драгоценные камни (Japan-Israel Relations..., 2014). По данным 2009 г., общий объем экспорта товаров из Израиля в Японию составил \$497 млн (Exports to Japan..., 2014). В 2010 г. общий объем экспорта Израиля в японское государство вырос на 24% и составил \$654 млн (Exports to Japan..., 2014). В 2011 г. также наблюдалась положительная тенденция: общий объем экспорта Государства Израиль в Японию увеличился на 36% по сравнению с предыдущим годом и составил \$890 млн (Japan-Israel Relations..., 2014).

Во взаимной торговле между двумя государствами используется инфраструктура порта Эйлат на Красном море, открытого в 1957 г. Выход из Эйлата является единственным морским путем, связывающим Израиль и Японию. В частности, вся автомобильная продукция из стран Дальнего Востока доставляется именно через этот порт.

Между двумя государствами действует «Японо-израильская компания консалтинга и бизнес-развития», которая содействует установлению гармоничного делового общения между двумя государствами (Japan-Israel Consulting..., 2014). Компания была основана в 1993 г. и уже на протяжении 20 лет помогает японскому и израильскому бизнесу, разъясняя израильтянам особенности японской деловой этики и содействуя выходу на японский рынок среднему и мелкому израильскому бизнесу. Она стремится расширить знания израильских бизнесменов о рынке и технологиях Японии, предоставляя в их пользование специальные отчеты.

Следует отметить и повышение интереса японского бизнеса к Израилю. Доктором К. А. Гроссбергом, профессором маркетинга, директором Маркетингового форума и Бизнес-школы Университета Васэда в Токио был организован специальный обучающий тур для японских граждан, жела-

ющих изучить экономическую ситуацию в Израиле (Shaman, 2012). В туре обычно принимают участие студенты японского Университета Васэда и японские бизнесмены. Он включает в себя посещение города Иокне‘ам (Иокне‘ам – ‘Иллит), в котором находится большой индустриальный парк информационных и биотехнологий, насчитывающий порядка 100 предприятий. Японских граждан знакомят с израильскими достижениями в сельском хозяйстве и охране окружающей среды. Таким образом, Израиль остается деловым партнером Японии, несмотря на политическую нестабильность в регионе и статическое состояние японо-израильского политического диалога. Японский бизнес занимает в Израиле прочные позиции, поскольку у него имеются научно-исследовательские центры и возможности для развития и реализации двусторонних проектов.

Еврейская община в Японии

Еврейская община в Японии весьма разнообразна: это и евреи – граждане различных государств, приезжающие в страну на определенный срок, и семьи, постоянно проживающие на ее территории.

Еврейская община Японии имеет более чем столетнюю историю. Первые еврейские поселенцы прибыли в Японию в 50-х гг. XIX в. – в канун реставрации Мейдзи. Небольшое количество евреев из Великобритании и США, а также Центральной и Восточной Европы поселились в Японии (преимущественно в городах Иокогама и Нагасаки). Гонения на российских евреев привели к тому, что в конце XIX в. более 30 тыс. евреев иммигрировало в Китай из России, а некоторые затем переехали в Японию. В начале XX в. евреи жили в городах Кобе и Токио. В годы гражданской войны из России в Японию прибыло сравнительно большое число евреев-эмигрантов. В Иокогаме, например, весной 1919 г. насчитывалось более 1 тыс. евреев (Япония, 2014).

С октября 1940 г. по август 1941 г. в Японию выехали 3 489 беженцев-евреев. В начале 1941 г. японское министерство иностранных дел разрешило еврейским беженцам остаться на территории Японии или в оккупированных Японией районах Китая. 18 февраля 1943 г. под давлением Германии около пятнадцати тысяч евреев были заключены в гетто в Шанхае. После окончания Второй мировой войны почти все евреи покинули Японию (Сокол, 2001).

В 1970-е гг. – первой половине 1990-х гг. в Японии проживало около 1 тыс. евреев, среди них преобладали представители международных финансовых и торговых корпораций, бизнесмены и журналисты. В середине 1970-х гг. в общине Токио было около пятисот человек, в общине Кобе – 82 человека (Лебедев, 2011).

По данным Министерства иностранных дел Японии, в 2011 г. в Японии официально проживали 612 евреев (Japan - Israel Relations..., 2014). Краткая еврейская энциклопедия утверждает, что в Японии в 2011 г. насчитывалось около 2 тыс. евреев (Япония, 2014). Такая разница в цифрах связана с тем, что из общего количества проживающих в Японии евреев, не более 20% являются японскими гражданами, остальную часть составляют деловые консультанты, представители корпораций, дипломаты, журналисты и студенты, приехавшие в Японию на определенный срок, многие из которых тоже посещают еврейские общинные центры. Основными еврейскими центрами в Японии являются синагога «Бейт-Давид» в Токио и синагога «Охел Шломо» в Кобе.

В Токио насчитывается более 1 000 евреев, и только 400 из них – члены общины. Они постоянно проживают в Токио, ежемесячно оплачивают членские взносы и принимают участие в еженедельных общинных мероприятиях (Сокол, 2001). Состав токийской еврейской общины весьма разнообразен. Во-первых, это американские граждане, проживающие в Японии и работающие по контрактам как представители американских компаний. Они составляют около половины членов всей общины. Во-вторых, это израильтяне – должностные лица, бизнесмены, студенты и другие группы (например, поклонники дзюдо и каратэ), временно проживающие в Японии. Третья по численности группа – это франкоговорящие сефардские евреи сирийского и египетского происхождения.

Синагога «Бейт-Давид» представляет собой общественный центр, в котором проводятся религиозные и культурные мероприятия. Расходы на содержание центра и общественную деятельность покрываются за счет членских взносов и частных пожертвований. В среднем ежемесячный членский взнос составляет 14 000 иен (\$142,5). Общинный центр оказывает следующие услуги: экскурсионные туры по Токио, кошерную еду, изучение духовных ценностей Государства Израиль и проводит культурные вечера для еврейского населения (About Chabad..., 2014).

Еврейская община в Кансае, с центром в Кобе, аналогична токийской общине. Численность прихожан «Охел Шломо» составляет около 1 тыс. человек. Основу еврейской общины Кобе составляют израильтяне – в основном, бизнесмены, ведущие деловую деятельность в районе порта Кобе и промышленном центре Осаки (History of Jewish Kobe..., 2014).

Обе общины проводят широкую образовательную деятельность. В 1956 г. при токийской общине была создана религиозная воскресная школа. В настоящее время программа обучения содержит вводный курс, три курса по еврейской истории и два по иудейским праздникам и религии. В обеих общинах действуют специальные дневные классы для молодежи по изучению

иврита, а для взрослых организуются еженедельные семинары по еврейской истории и Библии. В библиотечных фондах общин насчитывается около 800 книг по всем аспектам иудаизма на английском, французском языках и иврите (Jewish Community..., 2014). Еврейские центры обеспечивают активную общественную жизнь: в токийском и кансайском центрах есть бассейны и бильярдные залы для членов общины, еженедельно проводятся встречи и культурные вечера. В центрах также устраиваются лекции известных политических и культурных деятелей Израиля. Общины организуют и благотворительные мероприятия по сбору средств для японских детских домов.

В Японии действует организация христианских сионистов «Макуя». Организация основана в 1948 г.; ее приверженцы рассматривают создание Государства Израиль и объединение Иерусалима как реализацию библейских пророчеств. Токийское движение «Макуя» почитает еврейские символы, в особенности менору, справляет бар-мицву, и отправляет своих членов в Израиль изучать Тору и иврит. Сотни членов секты ежегодно совершают паломничество в Иерусалим, где устраивают яркое шествие. «Макуя» организует в Японии произраильские пропагандистские кампании. Например, в 1973 г., после Войны Судного дня, организация устроила в центре Токио массовую демонстрацию против «нефтяного шантажа» арабских стран. В 1975 г. она направила в Организацию Объединенных Наций петицию, в которой резко осуждалась резолюция №3379, принятая на XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, приравнивавшая сионизм к расизму. В Киото существует похожая секта христианских сионистов – «Бейт-Шалом», однако, данная секта несколько ближе к основному направлению евангелистского христианства и почитает христианский крест.

В Японии действует Ассоциация японо-израильской дружбы, которая способствует повышению взаимопонимания народов двух стран, и японско-израильская женская организация социальной помощи, занимающаяся благотворительностью.

Таким образом, деятельность еврейской общины в Японии имеет религиозную, общественную, культурную и образовательную составляющие. Непосредственный контакт в рамках единого общества представителей разных этнических общностей и разных цивилизаций в Японии служит важным инструментом коммуникации, но не политического взаимодействия. В японском государстве еврейская община не имеет политического веса. Вместе с тем, в Японии существовала и продолжает применяться практика посещения членами японской императорской семьи еврейских благотворительных мероприятий; однако, это, скорее, является жестом в пользу поддержки еврейских гуманитарных и образовательных инициатив в Японии, а не политической акцией.

Антисемитизм в Японии

Еврейское присутствие в Японии – это больше чем просто живущие там евреи. Как и во многих других странах, в Японии существует проблема антисемитизма. Однако, Японии характерен феномен «антисемитизма без евреев»: часть японцев, не зная, чем еврейский народ отличается от других народов мира, убеждена, тем не менее, в том, что евреи строят планы по захвату Японии, причем эти негативные стереотипы имеют европейское происхождение.

Несмотря на то, что японцы почти ничего не знали о евреях и иудаизме, в 1920-х – 1930-х гг. некоторые из них, преимущественно офицеры и солдаты японского экспедиционного корпуса, поддались воздействию европейского антисемитизма (Сокол, 2001). На японском языке стали выходить наиболее известные антисемитские книги, включая «Протоколы сионских мудрецов». Наиболее активно такого рода литература издавалась, начиная с 1936 г., когда Япония стала союзницей нацистской Германии. Но, поскольку японский антисемитизм носил скорее интеллектуальный характер, он ни в коей мере не отразился на положении живших в стране евреев.

Антисемитская литература оказалась очень популярной среди японских граждан. В Японии публикуется поразительно много книг, пропагандирующих идеи еврейских заговоров. В особенности, это касается книг Масами Уно, который по примеру пресловутых «Протоколов сионских мудрецов» разоблачает различные еврейские заговоры, цель которых – установление контроля евреев над японской и мировой экономикой. Масами Уно родился в 1942 г., окончил факультет экономики в Осацком университете, а в 1975 г. основал в Осаке Научно-исследовательский центр изучения Библии и проблем Ближнего Востока. Масами Уно посетил Израиль более 30 раз, встречался с политическими деятелями, такими как Ш. Перес, М. Аренс, И. Навон. В 1986 г. Масами Уно опубликовал книгу, ставшую бестселлером – «Наблюдать за евреями – значит понимать мир». Основная идея книги в том, что японцы – это потомки потерянных колен Израилевых, которые в скором будущем уничтожат «фальшивых евреев», правящих миром. Второй популярной книгой этого автора, вышедшей в том же 1986 г., стало произведение под названием «Если ты понимаешь иудеев, ты понимаешь Японию» (Уно Masami..., 2014). Общие продажи двух книг на сегодняшний день превысили 100 млн экземпляров, при этом, книга «Наблюдать за евреями – значит понимать мир» популярна в Японии и по сей день. Всего Масами Уно издал более 20 публикаций на тему еврейского заговора в экономике. Стоит отметить, что большинство антисемитской литературы в Японии посвящено именно влиянию евреев на экономические проблемы страны.

О причинах популярности антисемитской литературы в современной Японии высказался раввин М. Шудрих¹: «Люди, которые пишут эти книги, – антисемиты, но не обязательно антисемиты те люди, которые их покупают. Люди покупают книги не для того, чтобы узнать что-то о евреях, а потому, что они надеются узнать что-нибудь о японской экономике» (Schudrich, 1987, p.5). Бывший лидер токийской общины считает, что японское проявление антисемитизма носит теоретический и абстрактный характер, ничем не угрожая проживающим в Японии евреям.

Вместе с тем, в послевоенный период многие образованные японцы стали проявлять доброжелательный интерес к истории и культуре еврейского народа. Известны случаи перехода японцев в иудаизм. Наиболее широкий резонанс вызвало в 1959 г. принятие иудаизма наследственным жрецом национального японского культа синто Сэдзусо Коцудзи, родившегося в Киото в 1899 г. и происходившего из старинного рода священнослужителей. Семитские языки и еврейскую историю он начал изучать в Моноутском колледже в Нью-Джерси. Затем он стал исследовать еврейские рукописи, и в скором времени стал ведущим специалистом по иудаике в Японии. В 1937 г. он опубликовал первую книгу на японском языке, посвященную грамматике языка иврит, основал факультет еврейского языка в Токийском университете. В 1939 г. Сэдзусо Коцудзи начал активно помогать евреям, бежавшим из оккупированной нацистами Европы. Однако, чем больше еврейских беженцев прибывало в Японию, тем сильнее среди японцев распространялись антисемитские настроения. В 1941 г. профессор Сэдзусо Коцудзи опубликовал книгу под названием «Истинный характер еврейской нации», в которой описывал еврейский народ как высокоэтичную праведную нацию. Сэдзусо Коцудзи разъезжал по всей Японии, выступая с лекциями и призывая помогать еврейским беженцам. В конце 1942 г. Японское бюро расследований «Кэмпэйтэй» начало прислушиваться к германским сообщениям о том, что еврейские диверсанты занимаются подрывной деятельностью в Японии, и профессор Сэдзусо Коцудзи был обвинен в пособничестве врагам, арестован и подвергнут пыткам. Благодаря связям с императорской семьей, его вскоре освободили. В 1959 г. Сэдзусо Коцудзи приехал в Израиль и в возрасте 60 лет принял иудаизм (после совершения обряда он получил имя Авраам бен-Авраам Коцудзи). Он умер в 1974 г. и, согласно посмертному завещанию, был похоронен в Иерусалиме (Kotsuji Setsuzō, 2014). Конечно, случаи принятия японцами иудаизма весьма малочисленны и в настоящее время являются следствием смешанных браков.

¹ Михаэль Йосеф Шудрих, родился 15 июня 1955 г. в Нью-Йорке (США) – польско-американский раввин, служил в еврейской общине Японии с 1983 по 1989 гг., вел уроки истории и еврейской культуры.

Научные контакты

В последнее время в Израиле стали активно развиваться японские исследования. В настоящее время три крупных израильских университета (Еврейский университет в Иерусалиме, Тель-Авивский университет и Хайфский университет) предлагают программы обучения на степень бакалавра и магистра японских исследований. В феврале 2012 г. была создана Израильская ассоциация японских исследований – некоммерческая организация, занимающаяся координацией связей между японскими и израильскими исследователями и учреждениями (Israeli Association..., 2014). В 2013 г. было принято решение о проведении ежегодной конференции Израильской ассоциации японских исследований, в которой участвуют не только израильтяне, но и американцы, японцы и некоторые европейские исследователи; по итогам конференций публикуется сборник статей. На средства ассоциации издается журнал «Инновационный подход в исследованиях Японии». Израильская ассоциация японских исследователей помогает и в оформлении специальных стипендий для израильских студентов, желающих обучаться в Японии.

По инициативе историка Масаюки Кобаяси, профессора Университета Васэда в Токио, в 1960 г. была создана Японская ассоциация еврейских исследований. В 2006 г. ассоциация была переименована в Японское общество иудаики (Nihon Yudaya..., 2014). Основной целью данного общества является проведение исследований в области еврейской философии, права, еврейских текстов (Танах, Мишна, Мидраш), а также изучение еврейских языков. Общество издает специальный Проспект о своих исследованиях и журнал «Исследования еврейской жизни и культуры». В 1995 г. в Кобе было основано Японо-еврейское общество дружбы и исследований, а в 2008 г. создана Киотская ассоциация еврейской мысли, изучающая еврейскую философию, этику и литературу (Kyōto Yūdāya..., 2014).

Самым известным гебраистом в Японии на сегодняшний день является Такамитсу Мураока – один из известных исследователей библейского иврита, автор «Грамматики библейского иврита» и более 40 публикаций о языке иврит. Следует упомянуть и Цугуя Сасаки (Цви Садан), работающего на кафедре иврита и семитских языков Бар-Иланского университета и преподающего в университете Киото. Цугуя Сасаки исследует лексикографию современного иврита и публикуется как на родине в Японии, так и в Израиле, и США.

Отношение японцев к Израилю

Можно отметить и тот факт, что в последние годы в японском обществе начало кардинально меняться отношение к Израилю. Толчком к таким изменениям стали события марта 2011 г., когда близ японского острова Хонсю произошло землетрясение, а вслед за ним цунами, приведшее к многочисленным жертвам. Официальное число погибших в результате землетрясения и цунами составляет 15 870 чел. Землетрясение и цунами, в свою очередь, привели к аварии на АЭС «Фукусима-1» (Adams, 2011). Японское правительство сразу же объявило о готовности принять иностранную помощь, и Израиль был в числе первых откликнувшихся стран. Государство Израиль отправило в Японию два самолета с гуманитарными грузами (теплая одежда, одеяла, плащи и перчатки) общим весом в 80 тонн. Вместе с этим, в Японию была направлена и группа военных медиков, которые развернули в районе стихии военно-полевые госпитали. Кроме оборудования и гуманитарных грузов, из Израиля было доставлено топливо, газ, генераторы, кислородные баллоны, продукты, питьевая вода (Greenberg, 2011). Соболезнования в адрес японского народа направили тогдашний президент Государства Израиль Ш. Перес, премьер-министр Б. Нетаньяху и министр иностранных дел А. Либермана. 11 апреля 2011 г. государственный секретарь по иностранным делам Японии Такахаша Чиаки встретился с представителями израильской спасательной команды. Во время этой встречи Такахаша Чиаки от имени японского правительства и народа поблагодарил Израиль за предоставленную помощь и весьма высоко оценил действия израильских медиков. Кроме того, японский госсекретарь выразил благодарность за медицинское оборудование, которое они оставили Японии для дальнейшей борьбы с последствиями стихийных бедствий (Courtesy Call..., 2014).

Помощь, отправленная Израилем в Японию, послужила хорошим стимулом к развитию японо-израильских отношений. В этот период популярность Израиля в Японии возросла: сообщения о работе израильских медиков не раз появлялись в японских СМИ. Согласно глобальному рейтингу популярности, составляемому «Би-би-си» на основе опроса граждан в среднем из 27 стран мира, в 2010 г. в Японии положительно относились к Израилю 2% населения, что составляло 2 541 523 чел., и 52% опрошенных относились к Государству Израиль негативно (World Public Opinion..., 2014). В 2012 г. уже 3% японцев относились к Израилю положительно (3 833 979 человек) (GlobeScan..., 2014). В это же время значительно снизился рейтинг негативной оценки еврейского государства, который составил 45%, в то время как 52% населения высказались нейтрально в отношении Израиля

(GlobeScan..., 2014). Согласно данной статистике, более 1 млн чел. изменили свое мнение об Израиле в положительную сторону.

Заключение

Таким образом, японо-израильские политические отношения в 2000-е гг. развивались довольно стабильно, но медленно: между государствами нет существенных противоречий, однако политический диалог по-прежнему находится в статичном состоянии. Политика Японии в отношении Государства Израиль зависит от нескольких ключевых факторов: необходимости обеспечения стабильных поставок энергоресурсов в Японию, состояния арабо-израильского конфликта и сохраняющейся зависимости внешнеполитического курса Японии от США. Поэтому, определяя политику в отношении Израиля, Япония вынуждена сохранять баланс в отношениях с еврейским государством и арабскими странами, а также учитывать мнение стратегического партнера – США – гораздо менее зависимого от поставок ближневосточных энергоресурсов.

Экономические отношения между Японией и Израилем развиваются весьма интенсивно: товарооборот ежегодно увеличивается, а японские бизнесмены активно изучают израильский рынок. Восприятие Израиля японским обществом постепенно изменяется в положительную сторону, что сказывается на улучшении политических и экономических отношений между Японией и Израилем.

Деятельность еврейской общины в Японии имеет религиозную, общественную, культурную и образовательную составляющие, она служит важным инструментом коммуникации, но не политического взаимодействия. В японском государстве еврейская община не имеет политического веса, однако она способствует взаимодействию двух совершенно разных культур, что в будущем может опосредованно повлиять на развитие политических отношений между Японией и Израилем.

Библиография

Итоги 2012 года: лидеры израильского авторынка <http://avtomir.zahav.ru/Articles/2438/leaders_israeli_car_market> [Дата доступа: 06.08.2014]

Лебедев Н. История японских евреев, 28.03.2011 <<http://www.jewish.ru/history/facts/2011/03/news994294979.php>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Продажи автомобилей различных марок в Израиле в 2009 году. Полный список <http://www.newsru.co.il/auto/05jan2010/avto_spisok_610.html> [Дата доступа: 06.08.2014]

Сокол Л. Евреи в стране самураев, 12.03.2001 <<http://www.jewish.ru/history/facts/2001/04/news7020.php>> [Дата доступа: 19.02.2014]

Япония <<http://www.eleven.co.il/article/15234>> [Дата доступа: 06.08.2014]

About Chabad Tokyo Japan <<http://www.yoki-kal.com/docs/market-information/Japan-Economic-Review-and-its-relations-with-Israel-in-2009.pdf>> [Date of access: 08.08.2014]

Adams R. Japan tsunami and earthquake, 11.03.2011 [Electronic resource: “The Guardian”] [Mode of access:] <<http://www.guardian.co.uk/world/2011/mar/11/japan-tsunami-earthquake-live-coverage>> [Date of access: 10.08.2014]

Courtesy Call on Mr. Chiaki Takahashi, State Secretary for Foreign Affairs, by the Medical Assistance Team of Israel <http://www.mofa.go.jp/announce/announce/2011/4/0411_02.html> [Date of access: 08.08.2014]

Edelist J. Israeli Companies Just Can't Make It in the Japanese Market, 10.09.2012 [Electronic resource: The Jewish press.com] [Mode of access:] <<http://www.jewishpress.com/news/breaking-news/israeli-companies-just-cant-make-it-in-the-japanese-market/2012/09/10/>> [Date of access: 10.08.2014]

Exports to Japan only a small part of Israeli trade <http://www.newsru.co.il/auto/05jan2010/avto_spisok_610.html> [Date of access: 10.08.2014]

GlobeScan: 10 May 2012 <http://www.globescan.com/images/images/pressreleases/bbc2012_country_ratings/2012_bbc_country%20rating%20final%20080512.pdf> [Date of access: 08.08.2014]

Greenberg H. Ba-derekh le-Yapan: 2 metosim yisra'eliyim 'im 80 ton siyu'a (Дорога в Японию: 2 израильских самолета с 80 тоннами помощи), 25.03.2011 [Electronic resource:] Ynet [Date of access: 10.08.2014]

History of Jewish Kobe, Japan <<http://historyofjewishkobejapan.blogspot.com/2009/11/hi.html>> [Date of access: 08.08.2014]

Israeli Association for Japanese Studies <<http://www.japan-studies.org/>> [Date of access: 08.08.2014]

Japan-Israel Consulting & Business Development. Company Profile <<http://japan-israel-consulting.com/index.htm>> [Date of access: 10.08.2014]

Japan - Israel Relations (Basic Data) <http://www.mofa.go.jp/region/middle_e/israel/data.html#basic> [Date of access: 10.08.2014]

Jewish Community of Japan: Our history <<http://www.jccjapan.or.jp/our-history.html>> [Date of access: 04.08.2014]

Kotsuji Setsuzō (Коцудзи Сэджусо) <<http://www.ifsa.jp/index.php?Gkotsujisetuzou>> [Date of access: 08.08.2014]

Kyōto Yudaya shisō gakkai (Киотская ассоциация еврейской мысли) <<https://sites.google.com/site/kyotojewish/xue-hui-fa-zunogo-ai-za>> [Date of access: 08.08.2014]

Nihon Yudaya gakkai (Японское общество иудаики) <<http://www.waseda.jp/assoc-jsjs/intent.html>> [Date of access: 08.08.2014]

Schudrich M. J. Anti-Semitism in Japan [in:] *IJA Research Reports*. No. 12, 1987, p. 1-11.

Shaman D. When the Land of the Rising Sun meets the Start-Up Nation, 04.07.2012 [Electronic resource: The Times of Israel] [Mode of access:] <<http://www.timesofisrael>

com/when-the-land-of-the-rising-sun-meets-the-start-up-nation> [Date of access: 02.08.2014]

Trade Competitiveness Map <http://legacy.intracen.org/appli1/tradecom/RS_TP_CI.aspx?RP=376&YR=2012> [Date of access: 10.08.2014]

Uno Masami ga shusai suru (kabu) ribati jōhō kenkyūjo no hōmurēji (Домашняя страница Уно Масами председателя *Liberty intelligence Inc.*) <<http://www.liberty-i.co.jp/>> [Дата доступа: 10.08.2014]

World Public Opinion: 18 April 2010 <http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pipa/pdf/apr10/BBCViews_Apr10_rpt.pdf> [Date of access: 08.08.2014]

E. Kotlyar

**Boris Schatz and the Early “Bezalel”:
The Utopia of Art and the Art of Management¹**

*To my dear newborn daughter
Maryna Stalinska Jr.*

In 1910, the Odessa publishing house “Palestine” put out a book with the vivid title of *“Bezalel”: Its Past, Present, and Future* (Шац, 1910). (The same book, albeit with a different design and set of illustrations, has also been published in English). The author, Boris Schatz (1866–1932), in enraptured and enthusiastic tones informed the reader about the unique project which he had been able to see through in Ottoman-governed Palestine of the day: to breathe life into the School of Arts and Crafts called “Bezalel.” “Holy site in the desert” was the title given by Theodore Herzl to Schatz’s future creation (Шац, 1910, c.16). It appears that Herzl’s metaphor was supposed to convey some profound meaning, rather than just draw a poetic parallel between the “Bezalel” set up by Schatz as a temple of art and the mobile Tabernacle created by the Biblical master craftsman Bezalel. The expression combines the pathos of the intention and the ironic subtext of its utopianism, something borne out by “Bezalel”’s subsequent history. Even though the founder of Zionism did not live to see the full realization of the plan, he did manage in time to bless Schatz and his idea of establishing a commune of Jewish artists in the Holy Land; Herzl also gathered the future establishment under the banner of his own movement. 1906 was marked in history as the year of the birth of the school named after the paragon Biblical master artist who had built the Tabernacle of the Covenant in the Sinai Desert. The School became the summary and the meaning of Boris Schatz’s entire life.² Without Schatz’s tireless energy,

¹ I am grateful to Elen Miriam Rochlin from Jerusalem for her translation of the article into English.

² Among the more than one hundred pieces published devoted to the life and work of Boris Schatz and his “Bezalel” School, two monographs should be singled out in particular. See: Shiloh-Cohen, 1983; Zalmona, 2006. An entire series of articles has been devoted to the study of the “Bezalel” School as a utopian project of Boris Schatz’s, as well as to the conceptual, social, and artistic problems of the work of the School as a part of supporting the Zionist movement (at the early stage) in the changing conditions of life in the Jewish settlements in Palestine and the modernization of all of Jewish art. See: Ofrat, 1982, 1998; Manor, 2001;

experience, and organizational talent, the School would never have appeared, nor been able to carry on its activities for such a long period of time.³ The School entered history during the life of its founder; it bore the label of “the Bezalel of Schatz,” and was clearly associated with a certain art style and ideology. This was the art of the “children of Galut,” natives of Polish shtetls and the Russian Pale of Jewish Settlement, as well as members of the generation of the “Second Aliyah,” who saw their mission in the creation of a national Jewish art inspired by the ideas of socialist Zionism.⁴ The first generation of instructors at “Bezalel” came from Eastern European shtetls: Vorno (Boris Schatz), Drogobych (Ephraim Moshe Lilien, Samuel Hirschenberg), Kreslavka (Abel Pan). When, in 1935, three years after Schatz’s death and the closing down of the “early Bezalel,” a restored and renewed school of arts emerged, it was given the name of the “New Bezalel,” thus making an emphatic declaration of radical departure from the esthetics of its predecessors. The new generation of artists was largely made up of German immigrants brought up on the traditions of design and modernism associated with the Bauhaus (Ofrat, 1984, p.88). The experience and the style of Schatz’s school were unacceptable from their point of view, comprising, as the School had done, an artisans’ and craftsmen’s cooperative, rather than a contemporary creative institution. The objectives which Schatz’s “Bezalel” had set before itself ran into a series of contradictions, such as the desire to combine romantic ideals with the prosaic chore of survival, to bring together European experience with Eastern craft and taste, or to fashion a synthetic model of Jewish art out of a heterogeneous multitude of cultural substrates (Shechori, 1974, p.8-9). Despite the fact

Guilat, 2002.

³ The Central Zionist Archives in Jerusalem houses one of the largest collections of documentary evidence, papers, and published books bearing upon the work of Schatz and his School. (The largest collection of documents is: Central Zionist Archives, #S25 / 525/2. State Department. Library of «Bezalel»). His correspondence with many Zionist leaders, including those in America and South Africa, numerous booklets and publications are all testimony to Schatz’s tireless search for means of support for “Bezalel.” Up to the outbreak of World War I, the School grew by leaps and bounds, something borne out by the special publications: *Bezalel. Verein zur Verbreitung von Kunstgewerbe und Hausindustrie in Palästina und Nachbarländern*. Berlin, 1906-1913. (Central Zionist Archives, #34.426 / I-VII). But during the years of the War, when “Bezalel” was closed and Schatz deported, and up to 1932 (the year of Schatz’s death), providing for the School financially perforce became Schatz’s primary concern. The Archives also retain a letter of intercession and support composed after Schatz’s death by his colleagues at “Bezalel,” and addressed to the Jewish Agency as a “strong heir of the Zionist management.” The letter discusses Schatz’s achievements, the need to assist his widow and children and to provide support for “Bezalel” (this includes support for the “Bezalel” museum), which was by then closed and which had become “a means of propaganda for a Zionist corner in all the countries of the world.” (Central Zionist Archives, #L2 / 243). I am grateful to Dr. Dmitri Sheveliov of Minsk for his translation of the letter from Hebrew.

⁴ The 1904-1914 years of mass immigration provoked by the wave of anti-Jewish pogroms in the Czarist Empire saw the settling of some forty thousand Jews from Eastern Europe in Palestine. The motto of this generation became the call of the socialist Zionist movement for “Jewish labor on Jewish soil,” an objective which tallied perfectly with the work activities initiated at “Bezalel.” (*Kratkaya evreyskaya entziklopediya* [*Concise Jewish Encyclopedia*], Jerusalem, 1976, reprinted 1991, 1996], vol.1, col.499-500).

that Schatz's conception had from an early moment on exhibited anachronistic and utopian tendencies which ran counter to the real conditions of the times, the "father of Israeli art" (as Schatz is referred to by Alfred Werner (Werner, 1971) and Yigal Zalmona) succeeded in brilliantly meeting the challenge. Schatz managed to subsist for a considerable time thanks to his outstanding organizational and managerial qualities. A study of this unique phenomenon is precisely the purpose of the present article.⁵

Boris Schatz saw his creation as the repository of the luminous future of free artists working in their own land, where manual labor triumphs over machine production and master craftsmen create an art needed by all the Jews of the world. The master artisans he envisioned were on the brink of rebuilding and decorating the new Temple of the Messianic age (IIIau, 1910, c.12-15; Zalmona, 2006, p.28). (Zalmona discusses B. Schatz's futuristic novella *The Rebuilding of Jerusalem: The Day of the Dream* (1923, in Hebrew), and Schatz's view of Palestine in 1918 as the embodiment of the Garden of Eden, and of the Third Temple not as a center of ritual worship, but rather as a Jewish museum, in which Schatz also envisioned a spot for himself as an artist sculptor.) Schatz's ideas were rooted in views propounded by a series of socialist utopian and populist movements, which had become widely popular in the 19th century. These included the English Luddites, who wrecked mechanized looms, the work and views of William Morris⁶, as well as the famous experiment of the Russian village towns Abramtzevo and Talashkino⁷, which had turned into Russian artists' colonies. Here handicraft trades were restored, and paragon exemplars of the "neo-Russian style" took shape (Rajner, 1990/1991). At the same time, Schatz's work unfolded in the context of the

⁵ I want to express my gratitude to Moshe Goncharok (Jerusalem) for his aid in working with the Boris Schatz collections of documents housed at the Central Zionist Archives (2005). In a series of earlier articles, I have discussed Schatz's experiment in creating a national art in Bulgaria, the lessons of which he later applied to the "Bezalel" School, see: Kotlyar, 2008. In a different piece, Schatz's conception of Jewish national art formed the focus of my study, as contrasted with a different model – the one embodied by the Kiev cooperative of the "Kultur Lige," "Bezalel"'s creative opponents, the Kiev-based Yiddish-grounded apologues of the "Jewish" avant-garde and modernism. See: Kotlyar, 2008.

⁶ William Morris (1834-1896), an English poet and artist, and the leading representative of the second-generation pre-Raphaelites, considered the medieval artist as the ideal and sought to safeguard all forms of art from the influence of mechanized production processes. His Kent mansion (southeast London today), known as the "Red House," its interior decorated with great elegance in medieval style, became the embodiment of the idea of fusing high art and everyday living; a harmonic environment ennobled by art. For the connection Schatz had to the ideas propounded by Morris, see: Guilat, 2002; Ofrat, 1982, p.53-54.

⁷ Abramtzevo – village town in the Moscow Region, where the lands owned by the well-known entrepreneur and patron of the arts Savva Mamontov (1841-1918) were located. During 1870-90s, this became a center of Russian art life. Here, with S. Mamontov's support, many Russian artists and musicians worked, inspired by the idea of creating a "Russian national art." Boris Schatz's teacher Mark Antokolsky was one of the artists working at Abramtzevo. Talashkino, a village town in the Smolensk Region, prior to the October Revolution of 1917 belonged to the lands owned by the Princess Maria Tenisheeva (1858-1928). During 1893-1914, like Abramtzevo, Talashkino was a center of Russian art life, where peasants recreated the artistic trades, and artists, sculptors, and musicians were at work.

general movement of the Chalutzim settlers who saw their goal in establishing themselves in Palestine and laying the foundations for the construction of kibbutzim. The romanticism of Schatz's dreams and the new Biblical utopia notwithstanding, he accomplished the magnificent management project of setting up the first Jewish educational-productive cooperative with a running system of connections for the advertisement and sale of the articles produced and a large-scale promotional industry. The realized project included an independently published periodical (fig.1), advertisement booklets and pamphlets in different languages, international exhibit sales, charity funds and "Bezalel" branch offices open in a variety of locations in different countries. Students and masters of the School created model pieces in all genres of mounted and applied arts, and then introduced them into circuits of mass production.

Fig.1 The cover of magazine of *Bezalel. Verein zur Verbreitung von Kunstgewerbe und Hausindustrie in Palästina und Nachbarländern.* Berlin, 1912. (Central Zionist Archives, #34.426 / VI)

For Schatz himself, the road to this School was long and tragic. A boy from the traditional Jewish world, he dreamed of transforming Jewish life through art. Rising up against despair and humiliation, which had accompanied him throughout his early years, he studied art and created ubiquitously wherever fate would cast him: in Vilna, Warsaw, Paris, Sofia, and, finally, Jerusalem. "Gendele," his early sculptural image of an old-clothes dealer, led the artist to the awareness of his calling – to serve his own people through art⁸. Paris, overwhelming, astounding Paris where Schatz for the first time beheld the color spectrum of the European center's art life in its entirety, his studies at the academy headed by Fernand Cormon⁹, his work in the studio of Mark Antokolsky, artwork orders, exhibits, and the very fabric of the bohemian lifestyle instilled a true love for art in his heart, along with the pain caused by the ideals which art served:

Strangers, aliens taught me art, inspired me with their ideal... I dreamed of becoming the High Priest, of serving sacred art... And more years passed... I saw 'sacred art' being born in defilement, how it became the object of bargaining, a golden calf standing high up on a pedestal. And all the artist priests bowing low before it. It became crowded and cold in the world of artists for me: I had lost my god... (Шац, 1910, c.10).

Still in France, but now distant from Paris, Schatz dreamed of a group of inspired artists, strong and free of the world of stock and commodity exchange with its critics both professional and artistic, in the bosom of gentle and artless nature. They are all strong in body, lively in spirit, permeated with luminescent fantasy... Then already I believed Palestine was the place, the arena, where I would be able to make my dream come true in reality (Шац, 1905, c.105-106).

However, back then, in 1895, Schatz was unable to realize his dream. For ten long years, fate cast him into Bulgaria, where he became the mouthpiece for other ideals, once again non-Jewish ones. Schatz became one of the founders of the Bulgarian art school, the discoverer and developer of Bulgarian national art, which he fleshed out in mounted sculpture and works of applied art. Schatz became generally well known, becoming the court sculptor for Czar Ferdinand, erecting memorials, teaching at the Academy of Painting in Sofia, ensuring the

⁸ Шац, 1905, c.94-98. Schatz, B. *Odin iz mnogih. Iz vospominaniy odnogo skul'ptora (One of Many: Memories of a Sculptor)*, 1905, p. 94-98 (Russian). An English version of Schatz's memoirs (35 pages) is available at the American Jewish Historical Society (AJHS) in New York, location P-571, Box 1. In his memoirs, Schatz wrote that this was his "first experiment in propaganda by means of art." (c.95).

⁹ Fernand Cormon (1845-1924), professor, one of the top leaders of the art school in Paris, head and director of the academic studio in Montmartre. Cormon was noted for his outstandingly pedantic approach in teaching the academic school technique in art. It is to be assumed that, having imbibed the classical technique in drawing and painting from Cormon, Boris Schatz carried on his own creative search in sculpture. In this regard, he did not need to choose a master: by the time of his arrival in Paris, his old acquaintance Mark Antokolsky had already been working there for some ten years. Schatz joined Antokolsky's studio as an assistant.

smooth running of crafts, and setting up workshops for woodcarving and carpet weaving. All this formed the bulk of the priceless cargo which he brought along to Palestine, to realize upon a different soil – this time, a Jewish one. His professional rating and his tragic personal life proceeded unbrokenly linked with each other, forcing him to seek his livelihood and self-realization in different countries of the world. On the one hand, his definitive break with his first wife in Sofia, and the swelling Zionist wave, on the other, once again led him to a half-forgotten dream. But by this time, the dream's realization was facilitated by political circumstances (For details on the Bulgarian period of Schatz's life, see: Kotlyar, 2008; Zalmona, 2006, p.12-17.) In Berlin, Schatz found colleagues and fellow thinkers, together with whom he made his way to Jerusalem, partly thanks to the support granted him by the Zionists. A bare few months later, the forty-year-old Schatz was rapidly making his dream a part of reality.

The entire Jewish world knew about "Bezalel" almost immediately after the School's founding. Numerous news bulletins about the life of Jewish settlers in Palestine described the School as "one of the most magnificent creations to have been granted Jerusalem in recent times."¹⁰ Three months after the founding of "Bezalel," carpet weaving, spinning mill, and fabric dying workshops were operating within it. Schatz constructed them based on the Bulgarian precedent, and even commissioned a special master of these arts from Bulgaria (Werner, 1971, p.395-408). According to materials preserved by Schatz's son Bezalel, during the first year after "Bezalel" was founded, Schatz's class numbered eleven students; most of them had arrived together with Schatz from Bulgaria. He also supposed that, in due time, the carpet industry would employ thousands of workers, who would even be able to work from their own homes. Sketch and painting classes, a gypsum casting workshop, as well as a large museum operated in the same building with these studios. The museum saw the accumulation of a number of separate collections: the natural science-historical department housing the collection of Palestine's flora and fauna, the department of ancient Eretz Israel art, where most of the exhibit items belonged to the Second Temple Period (close to the turn of the Common Era), and the so called salon of artistic work and the artistic industry. "Artistic work" incorporated works by contemporary Jewish artists, including some of the instructors working at "Bezalel" and other well-known European masters: Joseph Israels, Max Lieberman, Herman Struck, Ephraim Moshe Lilien, Samuel Hirschenberg, and more. "Industry" was represented by objects of ritual Judaica and the traditional Jewish diurnal round.

All this was mobilized to provide the foundation for the genesis of the Jewish national art, uniting the world of Eastern antiquity, which Schatz imagined as

¹⁰ "Bezalel in Jerusalem," in *Altneuland*, a monthly periodical devoted to the economic study of Palestine (published by F. Oppenheimer, Z. Soskin, O. Warburg, Saint-Petersburg, 1906), 6:205-207, 7-8:251-253.

rooted in idyllic Biblical times, with European Jewish culture. Schatz saw the local population of Palestine and the whole of the Near East as the heirs of the Biblical Israelites, a view which comprised an important element of his artistic program. He attempted to direct traditional Palestinian crafts into the service of the Jewish national idea, creating a Jewish-Palestinian style, which "would reflect Biblical beauty and Eastern fantasy." This led to a hypertrophied orientalism, which began to determine the philosophy and the esthetics of "Bezalel" (Zalmona, 1981, p.27-29) (fig.2). Attempting to gain a foothold on the Eastern market, Schatz wanted to unfurl production, so as eventually to compete against the famous crafts production centers of Damascus and Cairo. Schatz offered attractive conditions for "Bezalel" masters, provoking a state of veritable agitation among the locals, who had an extremely hard time finding work at the School, with a success rate of about one out of ten (Шап, 1910, c.18-41).

Fig.2 Zeev Raban and Yaakov Stark. *Poster of a Bezalel Exhibit in Jerusalem, 1913.*
The Israel Museum, Jerusalem.

In 1906, "Bezalel" students and employees numbered eighty; by 1910, this figure had reached 270. During these years, the School was subsidized by a number of Palestinophilic societies, who considered the institution as "one of

the most important factors in our [here: Jewish. – *Note by the author, E. Kotlyar*] colonizing strivings in Palestine.” Even so, the School was constantly short of essential funds, a point often stressed by many writers, including Schatz himself, who complained of insufficient “turnover capital.”

In essence, at the early stage, Bezalel’s activities consisted of this: preparing instructors in “artistic industry and painters of decorative patterns.” Some of these were supposed later to serve as instructors in various Jewish centers of the East: from Fustat and to Damascus and Baghdad. “Bezalel” also trained future artists; taught “native” craftsmen the art of artistic-industrial painting; and created special branches of artistic-industrial production. The system of education consisted of a three-year basic course of study followed by a year of practical training experience. The particularly talented who displayed outstanding ability during the year of practical training were admitted to their first semester at the arts school, while others went on to workshops in different branches of industry. Some of the School’s graduates would later go on to study at European academies, while others could be left at the School as teachers in the various workshops.¹¹ Art education was overall constructed on the basis of the European system: students would be instructed in academic drawing, painting, and sculpture, with the difference being that the “live models” were occasionally provided by Palestinian types, while the artwork exemplars which students were supposed to emulate would be taken from both among classical casts and works of the instructors, beginning with those by Boris Schatz – specifically, his sculptural portraits of Eastern European Jews. Thus, the study material itself directed the students to nationally oriented creativity, in which two principal themes fused: the worlds of Galut and of the Biblical land of Eretz Israel.¹² Stylistically, this found its expression in academism and ethnographism with extremely detailed images.

Applied art at the School was entirely taken up with modernist esthetics. Here intricate Eastern ornament came together with realistic plasticity in the spirit of the Viennese Secession, along with the combination of a variety of materials and techniques for processing metals, wood, ivory, and inlaid work of all kinds. This kind of “artistic industrial production” was the field of Boris Schatz’s particular success. In addition to the workshops already mentioned, a series of others were planned: studios for working with marble, woodcarving, works from earthenware, metal and mother-of-pearl inlaid work. The School also opened a carpentry workshop, which produced both furniture and other articles and stock or skeleton

¹¹ Шап, 1910, c.21-23. Thus, for instance, the “Bezalel” graduate Meir Gur-Aryeh (student in 1909-1911), stayed on at the School as a teacher of painting and ivory carving. In 1923, together with Zeev Raban, another outstanding master craftsman at “Bezalel,” he founded a studio of design, where they produced articles of ritual Judaica and bronze doors for synagogues

¹² This is confirmed, inter alia, by student demonstration exhibits at the art studios of the “Bezalel” School, as well as numerous works by students (photos from the Central Zionist Archives, Jerusalem).

pieces needed for "Bezalel". This accorded well with one of Schatz's principles: "everything needed by us should be made by us."

The School was renowned for its filigree department, where a few dozen old Yemenite Jews worked together with their children. Many of them had worked in weapons and silver decoration finishing back in their homeland, in addition to the copying of sacred books. Schatz grouped them into a distinct branch of his industry, trying to transfer their centuries' old traditions, skills, and trade sensitivity onto new rails. At first, this studio produced small items, but gradually it mastered larger articles from the traditional inventory of ritual Judaica; these sold quite well. Evaluating his chances in the then conditions in Palestine, looking at routes followed by travelers and the likely course of future development of the transportation infrastructure, Schatz planned the establishment of a Yemenite master craftsmen's settlement in Jericho, whose residents would work for "Bezalel." He anticipated a credit system for making land purchases, for the construction of houses, and for managing the craftsmen's own natural agriculture (Шац, 1910, c.25-29). He was, in fact, able to provide for such a studio-settlement in Ben Shemen (1910–1913), appointing Shmuel Parsov as the director (Guilat, 2002, p.124, 134). A large portion of their production consisted of jewelry and table settings from the traditional array of the Yemenite masters. Evidently, this was perceived as "low level" creativity, and was omitted by the official catalogues put out by "Bezalel." One of the social principles of the School declared by Schatz was that of the entrenchment of new production and technologies unconnected with what was already in existence in Palestine, so as "not to deprive any of the local residents of their livelihood" (Шац, 1910, c.40).

Instilling a spirit of collectivism into the atmosphere of the activities at "Bezalel," Schatz schooled his students and master craftsmen in love for their work and pride in belonging to its world. The very word "Bezalel" assumed such magnetic power and sanctity, that many of his associates, following the example of their inspirer, gave this name to their children (Шац, 1910, c.41). Schatz's own son Bezalel (1912-1983) became a well-known artist, while the son of his younger associate Mordechai Narkiss (1899–1957), the first curator of the Israel Museum created as based upon the collections accumulated at "Bezalel," was the renowned art historian Bezalel Narkiss (1926–2008), who, more than forty years ago, became the founder of the periodical *Jewish Art*. Another creation of his is the world famous Center for Jewish Art at the Hebrew University of Jerusalem, which today carries on the project of researching and cataloguing the historical landmarks of Jewish art.¹³

¹³ See the web-site of the Center for Jewish Art <<http://cja.huji.ac.il/>>

At various points, Schatz's associates together with him took part in shaping the fate and the course of development later followed by "Bezalel": Ephraim Moshe Lilien (1874–1925), Samuel Hirschenberg (1866–1908), Abel Pan (1883–1963), Herman Struck (1876–1944), Meyer Gur-Aryeh (1891–1951), Zeev Raban (1890–1970), and many others. The last of these, Zeev Raban, had an outstanding share in making "Bezalel style" a widespread element in book illustrations, postcards, articles of jewelry, cameos, and the design of mezuzot, tefillin, chanukkiyot, and – last but not least – Aronot Kodesh (Holy Arks) (Guilat, 2002, p.119).

As concerns the commercial distribution of the articles produced, Schatz divided his clientele into two principal categories: travelers to the Holy Land and Jewish communities in Europe and America. The leading venues to pursue, correspondingly, became the souvenir industry and items of ritual Judaica. To work on the first of these, a separate facility was set up at the school of "Bezalel," the so called "warehouse of exemplary models," or, put more simply – a salon, where guests and travelers could purchase a variety of souvenirs. Among the studios serving the needs of tourists was a "division of frames and inlaid works," which worked on producing both inexpensive and costly frames with inlaid decoration and where type models were honed and souvenir items mass replicated. A lithography workshop operated parallel to this, printing views of Palestine. Thoroughly appreciative of the importance of this sector for the maintenance of the economic condition of the school, Schatz planned the development of production of so called Damascus furniture, which was made primarily out of walnut wood and covered with mother-of-pearl, bone, and ebony. Here, too, Schatz's commercial calculations went hand-in-hand with his idyllic imaginings of how Jews had something to do with this historic technique, and that even objects which had once been part of the Temple, including King Solomon's throne, may have been made in this way. By the time he unveiled this mode of production, Schatz was already relying on his partners from the American "Bezalel" society (Шлау, 1910, c.26-27, 36-38).

As for the second category of his production items, Schatz expected to receive orders for objects to be used in synagogue ritual from synagogues throughout the world. Appealing with this message to Jewish communities worldwide, he stressed that "in addition to the obligation for every Jew to order sacred objects for the holy temple in none other than Palestine, it will also simply be more profitable because of the quality and sanctity of our work" (Шлау, 1910, c.27). In order to ready everything required for production works of this kind, Schatz instructed his master craftsmen, especially the copper department, gradually to acquire the skills necessary for working on large items, fostering the dream of producing Aronot Kodesh (Holy Arks), candelabra, lamps, and Sabbath candlesticks. This department was supported by the Jewish Colonial Society in Vienna,

through whose President, the renowned architect Wilhelm Stiassny, who was also the author of many synagogues¹⁴, Schatz hoped to come by orders for utensils and articles of decoration for Stiassny’s buildings. In time, based on the experience with these orders, the ideologue of “Bezalel” expected to refine a special “Jewish synagogue style” (Шап, 1910, c.32).

Before the outbreak of World War I, when “Bezalel” was still a single tightly knit group, Schatz achieved unprecedented success, turning the attention of world Jewry to himself and setting up a smoothly running realization scheme for his own production. From a symbol of Jewish rebirth, he succeeded in transforming “Bezalel” into a global brand name. Jerusalem, the heart of the Jewish world, was at once home to the beautiful building of the “Bezalel” School (fig.3), artistic studio workshops, hundreds of students and masters’ aides “from all over the Jewish world,” exhibits in the Jerusalem Tower of David, and “Bezalel”’s own exhibit hall and salon next to the Old City’s Jaffa Gate (fig.4).

Fig.3 The Bezalel School of Arts and Crafts building, Jerusalem (since 1965 the Jerusalem Artists House). *Photo by Eugeny Kotlyar, 2005*

¹⁴ Wilhelm Stiassny (1842-1910), noted Austrian architect of Jewish origin, author of an entire series of Reform synagogues in different cities in Europe: Vienna (“The Polnische Schul in Leopoldsgasse”), Prague (“Jubilee” or “Jerusalem Synagogue”), as well as author of one of the proposed project plans for the progressive synagogue in Stanislav (today Ivano-Frankovsk, Ukraine).

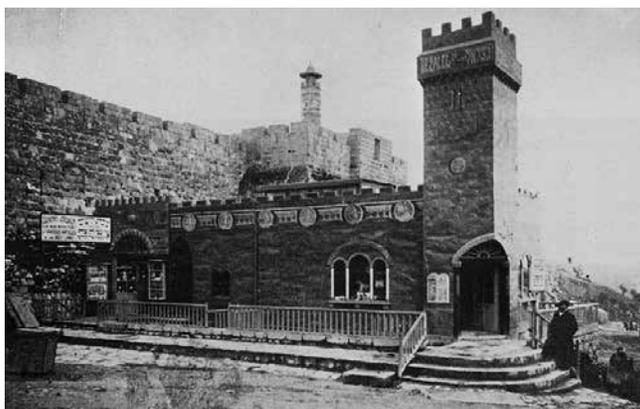

Fig.4 Exhibit pavilion of the “Bezalel” School in Jerusalem. 1912 г.
(*Shiloh-Cohen, N. Bezalel of Schatz 1906–1929. Jerusalem, 1983*)

Outside the Holy Land, in Europe and in America, a multitude of “Bezalel” supporting foundations operated, numerous exhibits and stationary pavilions were opening in Odessa (fig.5), Lvov, Prague, Liverpool, Saint Louis, Baltimore, Chicago, and other cities (Shiloh-Cohen, 1983, p.303-308). “Bezalel” exhibits met with wide public acclaim. The enthusiastic responses to the Odessa exhibit of 1911, the description of the pavilion itself and the numerous pieces of artistic handicraft, the “Palestinian mood” and the “nationalizing role” played by Bezalel are all testimony to the exhibit’s wide popularity (Ревельский, 1911А). Schatz unfurled an extensive advertising campaign, perpetuating every step of his activities by means of testimonial texts, documents, and photographs. Any researcher would be envious of the documentary and artistic collection of materials bearing upon the life and creative work of both Schatz and his “Bezalel,” which have been preserved in Jerusalem: by Schatz’s family, by the Central Zionist Archives, and by the Israel Museum. To say that “Bezalel” was perceived as a “holy site in the desert” is no exaggeration. For instance, in Eastern Europe, and in Romania in particular, the exhibit-commercial pavilion of the “Bezalel” School became a common subject in synagogue wall paintings (fig. 6), turning into a part of the “Holy sites in Eretz Israel” series familiar at the turn of the 19–20th centuries.¹⁵

¹⁵ The “Bezalel” School was one of the chief producers of items for tourists and pilgrims, including postcards and lithographs showing views of holy sites. A postcard popular at the time features a photograph of a “Bezalel” salon gallery adjoining a fortress wall of Jerusalem not far from the Jaffa Gate (fig. 6). The building was constructed in 1912, architecturally in keeping with the modernized stylizing of the Old City: featuring a high tower and a crenellated cornice. For European Jews, this blended naturally with the historical context of the Jerusalem fortress with the Tower of David in the rear, an element which worked well as a part of wall painting compositions with views of the Holy City (two synagogues in Piatra-Neamt, Romania).

At the same time, far from everybody shared or approved of the high-flown pathos, the ambitiousness, or the artistic style of "Bezalel." The renowned poet Chaim Nachman Bialik noted with cautious distrust that national art so feverishly instilled cannot be reborn at a moment's notice based exclusively on "contact with Palestinian soil," and that Schatz's efforts are hardly likely to leave any significant mark behind, other than a beckoning legend (Ревельский, 1911Б).

Fig.5 Exhibit pavilion of the "Bezalel" School in Odessa. 1911 г. (Shiloh-Cohen, N. *Bezalel of Schatz 1906–1929. Jerusalem, 1983*)

Fig.6 Piatra-Neamt (Romania). Fragment of a synagogue wall painting with image of the exhibit pavilion of the "Bezalel" School in Jerusalem near the Old City. (Photo by Elena Seredyna, 2009.)

Schatz's esthetics along with Bezalel's routine, artisan-type orientation, increasingly led to reproaches from progressive cultural activists. Both in Bulgaria and in Palestine, Boris Schatz as a manager realized a brilliant experiment

in modeling and entrenching the infrastructure of a national art with its social-cultural strategy and universalism intact. However, as an artist, he had departed from high art into the sphere of applied objectives and goals. To a certain extent dependent on the artistic experience of the past, including his own experience as an artist, Schatz did not go in for experimenting with form, but rather used familiar schemes for tackling new tasks. This replication of images, typical of artists working commercially and by order, targeted a different objective in Schatz's works: by means of art, to achieve a wide popularization of archetypes and subjects from national history, something Schatz had declared all his life long. His formula of "national art" included educating artists and bringing up society on the materials drawn from their own folk tradition, as well as romanticizing national history, creating mass art production items expressive of a collective identity and capable of providing art as such with the means for its further development and growth. In essence, all this turned high artistic ideals into kitsch. Back in his years in Bulgaria, Schatz's work had met with the criticism of many Bulgarian colleagues (Kotlyar, 2008, p.58) including reproaches for being overly documentary in his interpretation of images, for a lack of taste, and for the quality of his esthetic performance (Шмиргела, 1961, с.86-87).

The attitude toward Schatz and "Bezalel" in Palestine was also duplicitous; with time, this sense of alienation intensified in local progressive circles. It reached a pinnacle in the 1920s, when fresh manpower arrived in the country, brought up on the avant-garde of the Parisian school. This did not leave the Zionist milieu unaffected – that is, those who had originally made up Schatz's basic support group. The upshot of the ideational split which this, in turn, led to was the secession of a group of artists from "Bezalel," who saw their ideals not in decorative orientalism and salon symbolism detached from the new moods of the times, but rather in reflecting the real life, landscapes, colors, and light of Eretz Israel, and in doing this in a manner which would be based on the modernistic searching taken up in Europe (Shechori, 1974, p.11-12). Yigal Zalmona has found an excellent expression for this conflict between the "old" and the "new" cultures by comparing Jerusalem, the stronghold of the "Old Yishuv," and its "alter ego" – Tel Aviv (Zalmona, 2006, p.32-33). During the very same years, Tel Aviv was in the process of becoming a dynamic urban center. Bauhaus-style neighborhoods were constructed, and a new artistic milieu began to crystallize. In 1929, the year of worldwide financial crisis, "Bezalel" closed down; three years later, Schatz's death brought his era to an end. Joseph Budko (1880-1940) and the "New Bezalel," who arose in his stead, marked a new age of Jewish modernization¹⁶, which, besides Palestine, engulfed the entire Western world, including America.

¹⁶ Budko J. *New Bezalel Jerusalem School of Arts and Crafts. Workshops, Preparatory Course Evening Classes*. Jerusalem: New Bezalel House Jerusalem. [After 1935] (Central Zionist Archives, #S7/161)

Despite the complex block of contradictions between the conceptual foundation of the early "Bezalel" and its activities and reception within the Jewish world, the School played an enormously significant role in history and culture. This left its mark on both the fate of the institution of learning, which in 1969 was transformed into the "Bezalel Academy of Design and the Arts," and Jewish art as a whole. To put it in the words of the modern sculptor Emmanuel Gelman, Schatz was the first who succeeded in leading Jewish art out of the dissident underground (Гельман, 2003, с.54). He invented and realized a separate branch of ritual and presentational Jewish art: art Judaica, which later followed a course of rapid and intensive development. Today, the leading achievements in this area are associated with the names of Chaim Peretz, Dudik Suede, and the best known among them, Frank Meisler. Works by Boris Schatz and his "Bezalel" maintain a constant presence at auction sites, and continue to be widely popular among collectors. In 1998, a special Sotheby's catalogue was published in Tel Aviv, introducing works by this cooperative union (Sotheby's, 1998). "Bezalel style" has become a recognized type of "Jewish" modern art in its decorative-applied and Orientalized forms. It has proved one of the ways of development of Jewish art, in Eretz Israel as well as elsewhere, reflecting the dreams and the problems of the genesis of a young sovereign state.

Bibliography

Guilat Y. Bezalel and Ben Shemen: The Revival of the "Bottega" and of the Guilds [in:] *Assaph. Studies in Art History*. Tel Aviv: Tel Aviv University, Department of Art History, 2002, vol.7, p. 115-138.

Kotlyar E. Bezalel versus the Kultur-Lige: Approaches to Jewish Revival. Jewish Artists and Central-Eastern Europe [in:] *Art Central – Identity – Heritage from the 19th century to the Second World War*. (Ed. by Jerzy Malinowski, Renata Piątkowska, Tamara Sztyma-Knyasiecka). *The First Congress of Jewish Art in Poland / Conferences of the Polish Society of Oriental Art*, vol.III. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010, s.305-312, ill.: LXIV-LXVII.

Kotlyar E. The Making of a National Art: Boris Schatz in Bulgaria [in:] *Ars Judaica. The Bar-Ilan Journal of Jewish Art*, 2008, v.4, p.43-60.

Manor D. Biblical Zionism in Bezalel Art [in:] *Israel Studies*, 2001, vol.6, no.1, p.55-75.

Ofrat G. The Utopian Art of Bezalel [in:] *Ariel*. Jerusalem, 1982, #51, p.33-63.

Ofrat G. Utopian Zionist Art: Bezalel, Jerusalem, 1906-1929 [in:] *One Hundred Years of Art in Israel*, Westview Press, 1998, pp. 21-33.

Ofrat G. Bezalel and Bauhaus [in:] *Ariel*. Jerusalem, 1984, #56, p.80-102.

Rajner M. The Awakening of Jewish National Art in Russia [in:] *Jewish Art*. Jerusalem: Center for Jewish Art, 1990/1991, v.16-17, p.98-121.

Sotheby's. Bezalel and Israeliana. Sotheby's. 1998.

Shechori R. Art in Isarel. Tel – Aviv: Sadan Publishing House, 1974.

Shiloh – Cohen N. Bezalel shel Schatz, 1906-1929. (Schatz's Bezalel). [Exhibition catalog]. Jerusalem: The Israel Museum, 1983.

Werner A. Boris Schatz, Father of an Israeli Art [in:] *Herzl Yearbook*, 1971, #7, p.395-410.

Zalmona I. History and Identity [in:] *Artists of Israel: 1920-1980. (Exhibition, Feb. 19 – May 17, 1981)*. N.Y.: The Jewish Museum, 1981.

Zalmona Y. Boris Schatz, The Father of Israeli Art. Jerusalem, 2006.

Гельман Э. Рождение скульптуры в Израиле [в:] *Канон и свобода. Проблемы еврейского пластического искусства*. М.: Дом еврейской книги, 2003, с.47-64.

Ревельский А. «Бецалель» на одесской выставке [в:] *Рассвет*, 1911, №25, с.23.

(А)

Ревельский А. Банкет в честь профессора Б. Шаца [в:] *Рассвет*, 1911, №31, с.14.

(Б)

Шац Б. Бецалель: его прошлое настоящее и будущее. Одесса, 1910.

Шац Б. Один из многих. Из воспоминаний одного скульптора. [София]: Б.и., 1905.

Шмиргела Н. Скулптурата по нашите земи. София: Български художник, 1961.

ИСТОЧНИКИ

М. Шевелёва, Х. Витив, Д. Шевелёв

Об одном эпизоде из истории Русской духовной миссии в Иерусалиме (по материалам архивного дела J15/2880 Центрального сионистского архива Израиля)

Материалы, описанные ниже, отложились в деле, обнаруженном Д. Шевелёвым в Центральном сионистском архиве Израиля летом 2005 г. (дело J15/2880). Фонд J15 – фонд Объединения еврейской колонизации в Палестине, больше известной по своей аббревиатуре на идише – «ПИКА» (PICA, Palestine Jewish Colonization Association).

Указанное дело (J15/2880) содержит документы с 1914 по 1941 гг. по процессу, в котором участвовал хайфский адвокат Ильяс Фараджи, представлявший в 1920-х гг. в суде интересы Русской духовной миссии (РДМ) в Иерусалиме¹. Как можно понять из одного документа, имеющегося в деле, – письмо начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме (от Русской Православной Церкви Заграницей) о. Антония (Синкевича)² на имя И. Фараджи от 26 мая 1941 г., – в 1941 г. И. Фараджи также представлял интересы ПИКА. Скорее всего, именно поэтому документы по РДМ отложились в фонде ПИКА. Эти материалы касаются судебного разбирательства 1922 г., в котором фигурировал Иона Гуревич, подрядчик Русской духовной миссии по строительным работам в Хайфе. До настоящей публикации об этих мате-

¹ Ильяс Фараджи представлял интересы Русской духовной миссии в суде. В 1920-х – начале 1940-х гг. у него в Палестине была адвокатская практика. Некто «г-н Фараджи» упоминается также как бывший драгоман российского консульства в Иерусалиме. В определении Временного Высшего Церковного Управления Заграницей (ВЦУЗ), органа по управлению Церковью после раскола, датированном 5 декабря 1921 г., «г-ну Фараджи» была вынесена благодарность «за защиту интересов Русской Церкви и Миссии». (История Русской духовной миссии, Б.г., с.4).

² Отец Антоний (Синкевич) (1903-1996) – в миру Александр Федорович Синкевич (или Синькевич), деятель Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). С 1926 по 1930 гг. изучал богословие в Белградском университете; в 1930 г. получил сан иеродиакона; в 1931 г. возведен в сан иеромонаха. В 1933 г. назначен в Русскую духовную миссию в Иерусалиме, затем стал ее начальником (не позднее 1934 г., в котором возведен в сан архимандрита; по другим данным, получил сан в 1937 г. В 1930-х гг. добился от британских властей улучшения быта обитателей Миссии. В 1948 г. покинул здание РДМ, которое было передано израильскими властями Русской Православной Церкви Московского Патриархата (РПЦ МП). Занимал пост начальника РДМ РПЦЗ до 1951 г. С 1951 г. – епископ Лос-Анжелосский, викарий Сан-Францисской епархии. В 1961 возведен в сан архиепископа; с 1962 г. – архиепископ Лос-Анжелосской и Техасской епархии.

риалах совсем ничего не было известно. Иона Гуревич упоминается в документах РДМ как подрядчик, осуществлявший строительство Романовского подворья в Хайфе (Россия в Святой Земле, 2000, т.2, с.123).

В архивном деле 125 листов. Документы на арабском, французском, английском и османском языках. Бумаги не систематизированы, листы в деле не пронумерованы, что значительно осложнило их разбор. Бумаги на османском языке (л.112-125) остались не разобранными.

Самый ранний документ в архивном деле датирован 14 августа 1914 г. – копии расписок начальника РДМ архимандрита Леонида (Сенцова), данных И. Гуревичу. Последний по времени документ – ответ И. Фараджи в РДМ, датированный 6 июня 1941 г., на упомянутое выше письмо о. Антония (Синкевича) от 26 мая 1941 г. Этим письмом о. Антоний просил И. Фараджи найти решение иерусалимского суда в отношении И. Гуревича в 1922-1923 гг. 6 июня 1941 г. И. Фараджи извещал Миссию о том, что в скором времени, сразу же после возвращения из Иерусалима, где находится по делам, представит необходимые ей судебные материалы (письмо о. Леонида И. Фараджи и ответ адвоката в РДМ открывают архивное дело). Далее в деле содержатся адвокатские материалы 1921, 1922 и 1924 гг.

Большая часть имеющихся в деле документов – протоколы заседаний; они написаны от руки на арабском языке. Некоторые документы – письма и запросы, которые прилагались к делу, – были составлены на английском (машинопись), однако в деле также имеются их переводы на арабский язык. Платежные обязательства (векселя или расписки) были составлены на французском языке (копии с расписок о. Леонида (Сенцова)³ 1914 г.) и переведены на арабский.

Черновой разбор арабских рукописных материалов осуществлен Х. М. Витив; перевод документов с арабского языка на русский сделан М. В. Шевелёвой, ею же написан основной текст, касаемый содержания арабских документов; источниковедческая часть настоящего материала и некоторые комментарии даны Д. Л. Шевелёвым. Публикаторы благодарят д-ра Фераса Саллума за консультацию при переводе некоторых терминов с арабского языка.

³ Отец Леонид (Сенцов) (1868–1918), в миру Михаил Иванович Сенцов. По светскому образованию инженер; в 1898 г. закончил Императорское московское техническое училище. В 1898-1902 гг. учился в Московской духовной академии, где прошел монашеский постриг, был рукоположен в иеродиакона и иеромонаха. В 1903 г. назначен начальником РДМ в Иерусалиме и возведен в сан архимандрита. На посту главы РДМ занимался приобретением земельных участков; при нем Миссия вновь поставила задачей обслуживание русских паломников. Деятельность о. Леонида вызвала недовольство со стороны русского Генерального консульства в Иерусалиме и Императорского Православного Палестинского Общества. С началом войны в 1914 г. состав РДМ во главе с о. Леонидом по распоряжению турецких властей покинул Палестину. До 1917 г. о. Леонид находился в Александрии, а в 1917 г. принимал участие в работе Всероссийского поместного собора.

Авторы данного материала сочли нужным представить изученные документы сейчас, хотя исследование отдельных деталей, представленных в деле, может занять еще длительное время. Эти детали относятся, главным образом, к османскому и британскому праву, применявшемуся в Палестине в 1920-х гг.

Ниже предпринята попытка восстановить исторические события по имеющимся в архивном деле документам. Текст, написанный авторами, сопровождается публикацией отдельных документов. Собственно документы отделены от остального текста и напечатаны меньшим по размеру шрифтом. Пояснения, необходимые для понимания текста приводимых документов, даны переводчиком курсивом в квадратных скобках. Иногда после пояснений стоят инициалы переводчика. Курсивом выделены также те места в тексте, которые могут быть восстановлены с достаточной долей уверенности. Комментарии отнесены в постраничные сноски.

Итак, Иона Гуревич упоминается в документах РДМ еще до войны 1914 г. Известно, что он выступал основным подрядчиком работ по строительству Романовского подворья⁴. Перед войной Миссия задолжала подрядчикам значительные суммы; в отчете по ревизии РДМ 4.11.1914 г. упоминает среди них И. Гуревича. Во время пребывания в Миссии ревизии из Священного Синода летом 1914 г. И. Гуревич дважды встречался с о. Леонидом в Хайфе и один раз в Иерусалиме, дабы истребовать долг. М. В. Дьяконов, осуществлявший ревизию, пишет о том, что лишь 7 августа 1914 г. И. Гуревич получил в счет долга 400 руб. Ревизор не называет сумму, которую должна была РДМ ни подрядчикам вообще, ни самому Гуревичу. Мало того, отчет, посланный в Священный Синод, отмечал, что о долгах «за произведенные работы» «никаких сведений в делах Миссии не имеется» (Россия в Святой Земле, 2000, т.2, док. №40, с.123).

В 1922 г. И. Гуревич возбудил иск против Русской духовной миссии в Палестине. Истец требовал выплату РДМ долга, который был сформирован еще до Первой мировой войны. По описываемым архивным документам можно сделать вывод, что это был подряд на строительстве жилого дома в Хайфе, которое он выполнял от имени Русской духовной миссии. Стоимость выполненных работ, согласно представленным документам, была оценена в 57 576,8 франков. Истец предъявил платежные векселя за подписью главы РДМ архимандрита Леонида (Сенцова): четыре векселя стоимостью шесть тысяч франков и один – пять тысяч франков. Иных документов, подтверждающих наличие долговых обязательств, И. Гуревич представить не смог.

⁴ Романовское подворье – участок в Хайфе на побережье, близ железнодорожной станции, приобретен в 1910–1911 гг. На нем располагалось подворье для русских поклонников на 500 чел.

В деле имеются документы, подтверждающие, что 14 августа 1914 г. И. Гуревичу была выплачена сумма 30 000 франков, из которой одну тысячу он получил наличными (судя по всему, русскими рублями в эквиваленте 1 000 франков), а 29 тысяч – платежными векселями. Таким образом, за Русской миссией числился долг в 27 576,8 франков, который она признала и выразила готовность выплатить. В качестве доказательства получения И. Гуревичем 30 000 франков суду были представлены несколько документов. Во-первых, следующая бумага, имеющаяся в архивном деле:

«Перевод с русского языка

Расчет дома, строительство которого производилось в Хайфе для главы Русской духовной миссии архимандрита отца Леонида.

	57576,80
мною получено	30000

остаток долга	27576,80

Строительство дома в городе Хайфа стоило 57 576 франков (пятьдесят семь тысяч пятьсот семьдесят шесть франков); из этой суммы я получил векселями и деньгами 30 000 (тридцать тысяч) франков. На остаток этой суммы я получил от отца Леонида расписки. Их погашение будет произведено до 14 августа 1915 года (крайний срок).

Под тем ставлю свою подпись,
Гуревич
14 августа 1914 года.

57576,80
<u>1000</u>
56576
<u>29000</u>
27576»

Здесь первый документ заканчивается. Во-вторых, была представлена другая бумага аналогичного содержания:

«Главе Русской духовной миссии отцу архимандриту Леониду

общая сумма	57576,80
мною получено (деньгами 1000 франков и 29000 франков)	30000

	27576,80

(двадцать семь тысяч пятьсот семьдесят шесть франков восемь сантимов)»

Согласно показаниям И. Гуревича, в 1914 г. он получил от Русской миссии только одну тысячу франков наличными, а 29 тысяч франков, указанные в документах, – это векселя, которые подлежали погашению в течение года, до 14 августа 1915 г. Эти деньги он так и не смог получить в положенный срок. На оставшуюся сумму, как утверждал И. Гуревич, ему были выданы две «расписки» [термин употреблен в протоколах заседаний] от о. Леонида – обязательства выплаты 15 000 франков и 12 576,8 соответственно, срок погашения которых совпадал с датой выплаты последнего векселя – 14 августа 1915 г. Эти долговые обязательства, согласно заверениям И. Гуревича, он потерял во время войны. Первое заявление в суд датировано 28 февраля 1921 г. Следующим исковым заявлением 29 января 1922 г. И. Гуревич пытался истребовать еще и оставшуюся сумму – 27 576,8 франков. Оба заявления присутствуют в архивном деле как в оригинале (на английском языке), так и в арабском переводе:

«Гарри Сакер
[адрес]
Иерусалим
28 февраля 1921 года

Правительство Палестины
Окружной суд Иерусалима

Истец: Иона Гуревич
Ответчики: преемники покойного Архимандрита Леонида и Русская миссия

Уведомление о возбуждении иска

Претензия истца против ответчиков в отношении пяти долговых обязательств [*promissory notes* – М. III.], сделанных покойным Архимандритом Леонидом от его имени и пребывая в должности главы Русской миссии.

(1) Обязательство на 6000 золотых франков, датированное 14 августа 1914 года и подлежащее уплате истцу 14 августа 1915 года	6000 франков
(2) Обязательство на 6000 золотых франков, датированное 14 августа 1914 года и подлежащее уплате истцу 14 июня 1915 года	6000 франков
(3) Обязательство на 6000 золотых франков, датированное 14 августа 1914 года и подлежащее уплате истцу 14 апреля 1915 года	6000 франков

(4) Обязательство на 6000 золотых франков, датированное 14 августа 1914 года и подлежащее уплате истцу 14 февраля 1915 года	6000 франков
(5) Обязательство на 5000 золотых франков, датированное 14 августа 1914 года и подлежащее уплате истцу 14 января 1915 года	5000 франков

Всего	29000 франков

[Подпись] Гарри Сакер, поверенный в делах истца»

Упоминание об оставшемся долге 27 576,8 франков появляется в письме Г. Сакера, адресованном в окружной суд в Иерусалиме и датированном 29 января 1922 г.:

«29 января 1922 г.
Председателю Суда
Окружной Суд
Иерусалим

Истец: Иона Гуревич
Ответчик: Русская духовная миссия в лице ее представителя игумена Мелетия⁵

Господин,

1) До начала войны истец несколько раз выполнял по поручению архимандрита Леонида, главы Русской духовной миссии в Палестине, различные работы от имени Русской духовной миссии в Палестине.

2) Счет по этим работам выставлен в документе, который прилагается. Он показывает обязательства Русской духовной миссии перед истцом в 57 576,8 золотых франков, включая проценты.

3) Как часть погашения счета, ответчик дал истцу векселя на сумму 29 000 золотых франков, и истец следующим действием возбуждает иск в отношении этих векселей. Далее ответчик выплатил сумму 1 000 золотых франков, оставляя долг 27 576,8 золотых франков.

4) В письме, датированном 12 ноября 1921 г., игумен Мелетий, палестинский представитель Русской духовной миссии, признает этот долг в размере 27 000 золотых франков как задолженность Русской духовной миссии перед

⁵ Отец Мелетий (Розов) (1872-1952), в миру Дмитрий Николаевич Розов, в 1907 г. назначен в состав РДМ в Иерусалиме; исполнял обязанности начальника РДМ с 1918 г. после отъезда из Александрии в Москву о. Леонида (Сенцова). В 1919 г. Миссия вернулась в Иерусалим; о. Мелетий добился от британских властей право представлять РДМ; считается, что при нем русская церковная жизнь в Святой Земле была восстановлена. В 1922 г. возведен в сан архимандрита.

истцом, исключая сумму 125 египетских фунтов, уплаченную им истцу в счет этого долга.

5) Истец требует от ответчика сумму 27 576,80 золотых франков с процентами к дате платежа, без 125 египетских фунтов вместе с издержками.

Подпись: [*в английском варианте подпись не разборчива, в арабском переводе — Гарри Сакер*], поверенный в делах истца».

Таким образом, требования И. Гуревича были оформлены следующим образом: 29 000 франков (сумма, подтвержденная предъявленными им платежными документами) и 27 576,8 франков (сумма, не имеющая документального подтверждения).

В ходе следствия было выявлено, что вексель на сумму пять тысяч франков, датированный 14 августа 1914 г. и подлежащий погашению 14 января 1915 г., предъявленный И. Гуревичем, оказался поддельным. Из выступления адвоката истца Г. Сакера следует, что полноценную графологическую экспертизу следствие не проводило. Выводы относительно подлога данного документа были построены на показаниях одного из свидетелей, привлеченных Русской духовной миссией. Он обратил внимание следствия на несоответствия в начертаниях некоторых букв в подписи архимандрита Леонида, потертости на бумаге, которые свидетельствовали о том, что бумага была разного качества и т.д. В ходе расследования И. Гуревич сознался в подделке этого векселя, объяснив свои действия тем, что данный платежный документ тоже был утерян во время войны.

Следовательно, И. Гуревич обладал только четырьмя платежными векселями, каждый на сумму шесть тысяч франков, что говорит о том, что он смог документально доказать наличие долговых обязательств суммой 24 000 франков. Русская духовная миссия настаивала на том, что до войны И. Гуревич все же получил 30 000 франков, а предъявленные им векселя были выданы на оставшуюся сумму – 27 576,8 франков. Адвокатом Русской духовной миссии было высказано предположение, что истец намеренно подделал вексель на 3 576,8 франков, заменив его векселем на пять тысяч франков, стараясь, таким образом, принудить Русскую миссию «заплатить дважды».

Добившись признания истца относительно факта подделки платежного векселя, суд 6 ноября 1922 г. вынес решение о его виновности в подлоге и приговорил к шести месяцам заключения. Таким образом, истец И. Гуревич не только не получил причитающуюся ему сумму долга, но и оказался на скамье подсудимых за подделку документа. Именно это решение пытался оспорить его адвокат Г. Сакер обращением в апелляционный суд в Иерусалиме⁶. В поданном им исковом заявлении были изложены претензии и

⁶ В документах архивного дела фигурируют разные названия суда, в котором слушалось дело в

возражения по существу вынесенного приговора, а также по процедуре проведения следственных мероприятий и судебного заседания:

«Ответчик: Генеральная прокуратура
Истец: Иона Гуревич

6 ноября 1922 года окружной суд в Иерусалиме приговорил истца, согласно статье 155 [османского Уголовного кодекса], к шести месяцам заключения без исправительных работ за то, что он использовал [в суде] поддельные документы, зная о том, что они поддельные. Истец возбуждает иск по следующим причинам:

1 – “Частному истцу” разрешается, чтобы его замещал адвокат, не смотря на то, что он не подал в суд персональное прошение о том, что “частного истца” кто-то замещает.

2 – Генеральный прокурор не присутствовал на судебных заседаниях и не прислал никого, кто бы его замещал. Таким образом, суд чрезвычайно превысил свои полномочия, возложив на себя функции Генерального прокурора.

3 – Представителю “частного истца” позволено дважды выступить с речью перед судом и удостовериться в некоторых фактах, не приводя свидетелей и не предоставляя доказательств по поводу того, что он говорит.

4 – Не были предоставлены никакие доказательства, которые бы указывали на то, что истец знал о том, что вексель подделан.

5 – Вопреки всем предписаниям закона о том, что решение выносится в пользу подозреваемого, однако даже в вопросах, свидетельствовавших в пользу обвиняемого, суд выносил решения против него.

6 – В некоторых вопросах, когда были доказательства только в пользу подозреваемого, а не против него, суду удалось заставить ошибочно предположить, что эти факты были против подозреваемого:

а – подозреваемый и заместитель мэра господин Кайзерман⁷ свидетельствовали, что архимандрит в момент написания векселей пребывал в стесненном положении, и не представили никаких подтверждений этого факта; однако суд по собственному побуждению вынес решение о том, что у архимандрита Леонида в то время было достаточно денег;

б – вопреки тому, что Генеральная прокуратура упомянула, что архимандрит Леонид покинул страну в декабре 1914 года, суд решил, что подозреваемый в 1917, 1920 и 1921 годах должен был вести переговоры с архимандритом Леонидом, чтобы добиться получения перерасчета, а причина того, что он этого не сделал, согласно заключению суда, была не в пользу подозреваемого. Однако в это время архимандрит пребывал за пределами Палестины, в своей стране, находящейся в состоянии войны с Палестиной, либо был уже покойным;

первый раз, в 1922 г.: в английском варианте – окружной суд (District Court), в арабском варианте – Центральный суд (аль-махкама аль-марказийа) в Иерусалиме. По-видимому, Г. Сакер 9.11.1922 г. обращался в Верховный суд Палестины.

⁷ Возможно, имеется в виду Натан Кайзерман, занимавший руководящий пост в мэрии Хайфы.

в – свидетели, которые давали показания – среди них русский эксперт, которого привлекла Генеральная прокуратура, и русский адвокат, который был привлечен со стороны защиты — свидетельствовали, что слово «расписка» в русском языке не может иметь значение бумаги или вещи, которые можно заменить словом «платежный»; и вопреки тому, что мы не предоставили никаких доказательств, которые бы отрицали это, суд пришел к заключению, что это понятие надо определять согласно русскому языку и русскому законодательству, и, исходя из упомянутых показаний свидетелей, суд пришел к заключению, что слово «расписка» имеет значение “платежный вексель”.

7 – Истец *будет основываться [здесь не разборчиво. – М. Ш.]* на книгах и тетрадах покойного архимандрита Леонида, в этих тетрадах непременно упоминаются или содержатся упоминания об их взаимоотношениях, наподобие тех, которые мы наблюдаем сейчас. Факт не предоставления этих тетрадей Генеральная прокуратура сочла незначительным, так как посчитала, что они *не будут способствовать обвинению [в тексте не разборчиво. – М. Ш.]*. Вопреки всему, суд не потребовал предъявить эти тетради и не вынес никакого заключения по поводу их не предоставления.

[Заслушав] факты, которые изложил представитель истца, [суд] не посчитал обязательным принудить [ответчика] предъявить эти тетради, однако суд, который вел дело в отсутствие Генерального прокурора, должен был затребовать предъявление этих тетрадей. Поэтому истец считает нужным, чтобы Апелляционный суд потребовал предоставление упомянутых тетрадей.

8 – Единственное свидетельство, представленное перед судом в доказательство того, что вексель поддельный – это показания господина *Казкарова [фамилия неразборчива. – М. Ш.]*. После возбуждения иска от этих показаний не осталось и следа; и, поскольку они пропали, все факты, которые упоминал господин *Казкаров* в доказательство подделки, появились позже, после расследования, как будто бы этот вопрос был простым для толкования, и его разъяснение не заслуживает внимания. И вместе с этим, окружной суд, не приняв во внимание эти положения и вопреки предписаниям закона, вынес заключение против подозреваемого. Таким образом, были даны толкования в пользу ответчика и его точки зрения.

Точно так же в приговоре суд вынес новые заключения, которые не упоминались прежде ни в свидетельских показаниях, ни в ходе дознания; и приговор был построен именно на этих заключениях. защите не была предоставлена возможность уточнить эти положения и выстроить защиту. Впервые эти положения появились в решении суда, которое было объявлено публично.

9 – Во время подготовки этого иска мы не смогли получить в суде заверенную копию решения суда, поэтому невозможно уточнить все положения, заключения и выводы, к которым пришел суд. На основании этого истец оставляет за собой право изучить данный вопрос при возбуждении нового иска.

10 – Истец требует слушания для предъявления следующих доказательств:
а – предоставление тетрадей Русской духовной миссии;

б – представление свидетелей для того, чтобы они подтвердили, что архимандрит Леонид все время нуждался в деньгах;

в – привлечение экспертов по русскому торговому праву, чтобы они засвидетельствовали, что в русских коммерческих сношениях все платежные квитанции считаются приемлемыми для расчета, и называются “платежными векселями”, а слово “расписка” в российском законодательстве не имеет значения “платежный вексель”;

г – привлечение экспертов-графологов и предъявление других чеков, заверенных подписью архимандрита.

11 – Истец просит, чтобы его исковое требование было оглашено его представителем, и поскольку он подает иск лично, то требует:

- 1) копию решения окружного суда;
 - 2) или копию приговора и возобновление судебного заседания.
- 9 ноября 1922 года

Сакер»

В выступлении в суде адвокат Г. Сакер не отрицал факт подделки истцом платежного документа, и выстроил защиту следующим образом: суду необходимо провести профессиональную графологическую экспертизу, чтобы доказать подделку документа; ответчики должны предъявить все бухгалтерские записи, которые вел архимандрит Леонид; необходимо определить юридический характер финансовых документов, которые были выданы архимандритом И. Гуревичу. Последний вопрос действительно нуждался в подробном рассмотрении. Русская духовная миссия и подрядчик И. Гуревич, как выяснилось, вели финансовые дела и производили расчеты тремя способами: наличными деньгами, платежными векселями и расписками – долговыми обязательствами. Представитель истца доказывал, что предъявленные И. Гуревичем бумаги с подписью архимандрита Леонида являются платежными векселями, выданными на сумму 29 000 франков, подлежащими обналичиванию в банке⁸. Представители Русской духовной миссии настаивали на том, что эти бумаги представляют собой лишь долговые обязательства (расписки), выданные ему архимандритом в качестве гарантии погашения оставшегося долга 27 576,8 франков. Данные документы имели признаки как долгового обязательства (расписки), так и платежного векселя. Приведем оригинальный текст и перевод одного из них:

⁸ Из архивных материалов не понятно, с какими банками вели дела о. Леонид и подрядчик Миссии И. Гуревич. В бумагах упоминается Оттоманский банк, его отделение в Палестине и Англо-Палестинский банк.

«No. 10428

Jerusalem le 14 Août 1914. B.P. fran. 6000

Au 14 février 1915 je paierai par cette seule d'échange à l'ordre de

Monsieur J. Gourevitsch

La somme de francs six mille en or.

Valeur reçue en comptant.

[Подпись]

Chef de la Mission Russe

Archimandrité Leonide»

Арабский текст, имеющийся в бумагах И. Фараджи:

مترجمة عن الفرنسية

١٠٤٢٨

القدس ١٤ اغسطس ١٩١٤ فقط ستة الاف فرنك

في ١٤ شباط ١٩١٥ ادفع بهذه الكمبيالة الوحيدة لامر ي. غوريفتش مبلغ ستة الاف فرنك ذهب القيمة وصلت عدا ونقدا

الامضاء: رئيس المسيون الروسي

الارشمندريت ليونيد.

[Перевод документа на русский язык. — М. Ш.:]

«№ 10428

Иерусалим 14 августа 1914 года. 6000 франков.

14 февраля 1915 года я уплачу по этому платежному векселю единожды по распоряжению И. Гуревича сумму шесть тысяч золотых франков.

Сумма должна поступить наличными.

[Подпись]

Глава Русской миссии

Архимандрит Леонид»

Как сказано выше, таких документов было пять: четыре векселя на шесть тысяч франков и один – на пять тысяч франков золотом. Все пять документов датированы одним числом, то есть, предположительно, были выданы 14 августа 1914 г. Вексель на пять тысяч франков (поддельный) подлежал погашению самым первым – 14 января 1915 г.; остальные – векселя на шесть тысяч франков каждый – подлежали погашению 14 февраля 1915 г., 14 апреля 1915 г., 14 июня 1915 г. и 14 августа 1915 г. Оригинальный текст был составлен на французском языке. В деле присутствует перевод этих платежных документов на арабский язык. Как следует из оригиналь-

ного текста документа, он является «платежным векселем»: именно такой термин употребляется в текстах на французском и арабском языках. Кроме этого, в других документах дела, составленных на английском языке, употребляется слово «*bills*», что также соответствует термину «платежный вексель». В исковом заявлении Г. Сакера от 28 февраля 1921 г., которое приведено выше, составленном на английском языке, эти документы названы «*promissory notes*» – «долговые обязательства». По содержанию данные документы действительно представляют собой обязательства главы Русской духовной миссии архимандрита Леонида (лично) выплатить определенную сумму денег в положенный срок.

Русская духовная миссия, привлекая показания свидетелей, владеющих русским языком и знающих практику ведения финансовых дел в России, доказывала, что представленные документы являются расписками, а не платежными векселями. К сожалению, в архивном деле отсутствует решение суда по данному делу. Видимо, суд не счел нужным до конца выяснять природу этого документа; для вердикта было достаточно того, что один из этих векселей оказался поддельным – это было единственное преступное деяние в данном деле, имеющее доказательство. Поэтому истец превратился в обвиняемого, а его исковое заявление стало предметом уголовного дела, обращенного против самого истца. По-видимому, судебные институты в подмандатной Палестине не утруждали себя тщательным проведением следствия по мелким делам, которые касались подданных на тот момент уже не существовавшей державы – Российской империи, не имевших консульской защиты.

Выступая с речью в защиту И. Гуревича, его адвокат Г. Сакер настаивал на том, что поддельный вексель изначально был на сумму пять тысяч франков, а не на 3 576,8 франков, как утверждала Русская духовная миссия. Он убеждал суд в том, что предъявленные им векселя являются доказательством того, что сумма 29 тысяч франков не была выплачена И. Гуревичу в положенный срок, и он требует от Русской миссии выплаты этого долга. Оригинал поддельного векселя, по словам Г. Сакера, был утерян в годы войны, равно как и расписки на оставшуюся сумму долга. Адвокат И. Гуревича поведал суду историю о том, как в годы войны все иностранные подданные, проживавшие на территории Османской империи, обвинялись в шпионаже и подвергались преследованиям. По его словам, наличие у человека любых документов на языке вражеской державы было основанием для его ареста. Дом И. Гуревича тоже подвергался обыску. В годы войны истцу «не повезло трижды»: он был евреем, подданным Российской империи и инженером, то есть имел много различных документов на русском и иных иностранных языках, относившихся к его профессиональной деятельности

в Палестине. Опасаясь преследований со стороны османских властей, И. Гуревич якобы сжег большое количество имевшихся у него документов незадолго до обыска. Среди уничтоженных им документов, по его словам, был тот самый вексель на сумму пять тысяч франков и две расписки на получение оставшейся части долга.

Представитель ответчика адвокат И. Фараджи убеждал суд в том, что иных документов у И. Гуревича попросту не было, а имеющиеся векселя или расписки – единственное доказательство наличия долговых обязательств Русской духовной миссии перед истцом. Кроме того, адвокат Русской миссии указывал на то, что И. Гуревич намеренно искажил факты, а история с уничтожением документов во время войны – не более чем плод его воображения, и, по словам И. Фараджи, напоминает «сказки тысячи и одной ночи или легенды древних греков». Будучи арабом – подданным Османской империи, в годы войны он, как все арабы, тоже обвинялся в шпионаже и подвергался обыскам. Однако не зависимо от сложности своего положения, он никогда не позволял себе уничтожать служебные и иные документы, которые у него – как у практикующего адвоката – имелись в большом количестве. Уничтожение же финансовых документов, тем более долговых обязательств, – поступок, по его словам, более чем странный.

Адвокат И. Фараджи убеждал суд в том, что И. Гуревич лжет и занимается подтасовкой фактов. Он привлек внимание суда еще и к тому факту, что представитель истца Г. Сакер по какой-то причине возбудил два иска, вместо одного, который содержал бы все исковые требования целиком. Истец затребовал сначала сумму 29 тысяч франков, а потом дополнительно еще 27 576,8 франков, словно он не знал об оставшейся сумме долга. Это, по мнению ответчика, выглядит более чем странно: истец знает, что ему должны более 57 тысяч франков, однако требует только 29 тысяч.

Представитель И. Гуревича Г. Сакер пояснил такое решение тем, что у истца имелись письменные подтверждения наличия долговых обязательств на сумму 29 тысяч, а оставшаяся часть долга в 27 тысяч с лишним не имела документального подтверждения. Поэтому не удивительно, что он выдвинул сначала требование суммы по имеющимся платежным векселям, а затем попытался истребовать еще и оставшуюся – не доказуемую сумму долга.

Адвокат ответчика И. Фараджи убеждал апелляционный суд в правильности вердикта, вынесенного судом первой инстанции. Относительно требования истца предоставить тетради с бухгалтерскими записями архимандрита Леонида представитель Русской духовной миссии заявил о том, что они безвозвратно утеряны.

Поскольку в деле отсутствует решение суда, окончание этой истории остается неизвестным. По документу, приведенному ниже, можно заключить, что И. Гуревич вел тяжбу еще несколько лет. Адвокат истца сделал новый «ход», пытаясь доказать, что руководство Русской духовной миссии вообще не правомочно опротестовывать представленные суду векселя, поскольку не является его законным представителем:

«Иерусалим 25 февраля 1924 года

Господину Председателю окружного суда Иерусалима

Истец: Иона Гуревич

Ответчики: Русская духовная миссия, представленная ее доверенным лицом игуменом Мелетием

По этому иску ответчики не предоставили защиту в письменном виде. Их заявления перед судом были неожиданными, и поэтому прошу позволения разъяснить следующие моменты относительно того, было ли опротестование векселей произведено должным образом.

Первое: Насколько мне известно, архимандрит Леонид скончался в 1921 году. Если же, как утверждают ответчики, он умер задолго до этой даты, то именно ответчики должны были это подтвердить. Однако они этого не сделали.

Второе: Предположим – однако, не признавая – что архимандрит был умершим во время опротестования [векселей], в таком случае:

А – опротестование не может совершаться его преемниками, потому что его должность не передается его преемникам по наследству;

Б – никто из его преемников не был назначен [на должность] законным образом, а так называемый архимандрит Мелетий возглавляет офис де-факто, а не де-юре. Всем известно, что со времен войны ни одно законное Российское правительство не назначало Главу Русской духовной миссии – а оно единственное имело право назначать. Поэтому нынешний так называемый архимандрит, каковым он считается, поскольку сам себя так называет, не имеет право настаивать на опротестовании, которое могло бы или должно исходить от него.

По указанным выше причинам, ответчики не правомочны выступать с опротестованием.

Далее запрашивается, чтобы истец и его юридические консультанты получили доступ к досье по уголовному делу, которое было позже возбуждено против истца, чтобы получить документы, на которых основан этот иск, и представить их в суде.

Имею честь быть, сэр, Вашим покорным слугой,
С. Горовиц»

Это последний из имеющихся документов, который касается судебных претензий И. Гуревича к РДМ. Чем закончились тяжбы подрядчика Миссии,

сказать на сегодняшний момент невозможно: в деле отсутствует решение суда, поэтому окончание этой истории не известно. Тем не менее, представленные выше материалы проливают свет и на историю права в Палестине в 1920-х гг., и на историю русских духовных учреждений во Святой Земле после 1917 г. – оба сюжета до сих пор остаются мало изученными.

Библиография

Центральный сионистский архив Израиля. Дело J15/2880.

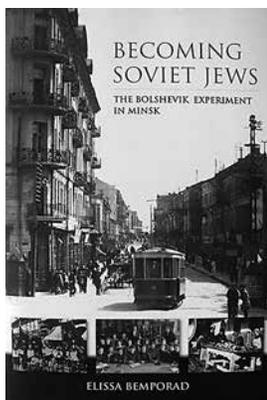
Россия в Святой Земле: Документы и материалы: В 2 т. / Архив внешней политики Рос. империи МИД РФ; Императорское православное палестинское о-во; Ин-т российской истории РАН. Т.2. М.: Междунар. отношения, 2000.

История Русской духовной миссии в Иерусалиме в письмах архимандрита Мелетия (Розова) в 1919–1929 гг. Б. г. [на сайте Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета] <<http://pstgu.ru/download/1302948257.rdm.pdf>>

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

А. Полян

Рецензия на: Bemporad E. *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik experiment in Minsk. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2013. xiv, 280 p.*

Среди книг о советском еврействе межвоенного периода, вышедших в свет за последние годы, – немало работ, написанных на белорусском материале: «*Мир: история местечка, что рассказали его жители*» И. Романовой и И. Маховской (Вильнюс, 2009), «*Belarusian Jewish Writers of the Twentieth Century: Origin, History, Discourse, and Biographies*» З. Гимпелевич (Уинфилд, 2010), «*Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.*» И. Соркиной (Вильнюс, 2010), «*Palimpsest Grodno. Nationalisierung, Nivellierung, und Sowietisierung einer mitteleuropäischen Stadt. 1919–1939*» Ф. Акермана (2011), «*Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в.*» О. Соболевской (Гродно, 2012), «*Трансформация местечек советской Белоруссии. 1918–1939*» А. Замойского (Минск, 2013), а также комментированное англоязычное издание, пожалуй, лучшего романа на идише, вышедшего в советской Белоруссии, – «*Зелменяне*» Мойше Кульбака (перевод Г. Галкина, комментарии и предисловие С. Сендеровича, 2013) и др. В этом ряду особое место занимает книга Элиссы Бемпорад, посвященная воссозданию облика еврейской общины в столице республики – Минске.

Монография Э. Бемпорад подводит итог многолетнему проекту автора, посвященного изучению еврейской жизни в межвоенном Минске. Исследование основано на широкой источниковой базе: изучены материалы архивов Беларуси (Национальный архив Республики Беларусь, Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства, Государственный архив Могилевской области, Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси), России (Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив литературы и искусства,

Российский государственный архив социально-политической истории), Израйля (Центральный сионистский архив Израйля, Архив Яд Ва-Шем, Архив Отделения устной истории Иерусалимского университета), использованы также материалы ИВО, советская (в первую очередь, белорусская) и польская межвоенная публицистика, воспоминания – как тех, о ком написана эта книга (белорусских евреев, заставших период 1920–1930-х гг.), так и еврейских путешественников, посетивших Минск в указанный период.

Советская политика коренизации была призвана создать целый ряд новых светских культур – «национальных по форме, социалистических по содержанию». Ее результаты очевиднее всего в тех регионах, которые не могли похвастаться существованием признанной неуконациональной светской культуры с высоким статусом и давними традициями. Белоруссия была хорошим примером такого региона: белорусская культура, обладающая высоким статусом и осознающая себя как таковая, стала формироваться лишь в начале XX в., Минск не был до революции ни академическим, ни серьезным культурным центром.

Отсутствие доминантной региональной культуры (какими были, например, украинская или польская) и смешанный национальный состав республики и ее столицы определили плюралистический характер коренизации в Белоруссии: официальными языками республики были провозглашены белорусский, русский, польский и идиш, и новые культуры создавались на всех четырех языках.

Несмотря на революционный террор, в 1920-е годы перспективы жизни в СССР представлялись для евреев в весьма оптимистическом свете: после завершения гражданской войны прекратились погромы, существовали места работы и возможности для мелкого частного («кустарного») производства, государственный антисемитизм отсутствовал.

Минское еврейство активно пользовалось новыми возможностями: евреи устраивались на работу во все государственные учреждения, в т.ч. в органы власти; они устремились в вузы, в т.ч. в только что открытый университет (в первый год его существования, 1921, евреи составляли 67% студентов). Особенно впечатляющим выглядел круг возможностей – профессиональных и социальных, – открывшихся перед еврейскими женщинами (гл.6).

Для того чтобы продемонстрировать новизну советского эксперимента на минской «еврейской улице», Э. Бемпорад прибегла к убедительному ходу: она показывает Минск 1920-х – 1930-х гг. глазами еврейских путешественников, приехавших из США и Европы (например, Исроэла Йоше Зингера – известного писателя, старшего брата нобелевского лауреата Ицхока Башевиса Зингера). Первым, что производило впечатление на туриста по

прибытии в Минск, было название города, написанное на здании вокзала на всех четырех официальных языках республики – в т.ч. на идише. Подтверждений небывало высокого статуса идиша было немало (гл. 4): идиш был языком преподавания в государственных еврейских школах и техникумах, языком обучения в еврейских детских садах, спортклубах; на идиш переводилось делопроизводство и судопроизводство; на идише можно было написать адрес на почтовом конверте; идиш был языком вывесок и надписей на кузовах машин, на нем разрабатывалась новая терминология, писались школьные учебники. В 1927 г. еврейская артель Миншвея отказалась обслуживать заказчика, т.к. тот не соглашался вести дела на идише. Заказчиком при этом была – не больше не меньше – Красная Армия (с. 71). Наконец, на идише формировалась новая академическая традиция: в Белгосуниверситете было создано еврейское отделение с преподаванием на идише, а в 1921 г. был открыт еврейский отдел Института белорусской культуры, который выпускал на идише научный журнал «Цайтшрифт». Такая масштабная деятельность, целиком поддерживаемая государством, производила на западных еврейских путешественников сильное впечатление.

Оборотная сторона новых возможностей – это уничтожение старого уклада жизни. Но, вопреки общепринятому мнению, в 1920-е и в начале 1930-х гг., несмотря на официальные преследования религии, к «пережиткам прошлого» – отдельным проявлениям еврейской религиозной жизни – власти относились достаточно либерально: не только в Минске, еврейское население которого в 1920-е – 1930-е гг. составляло до 43%, но и в Москве в это время действовали синагоги и – пусть и менее официально – хедеры, продавалось кошерное мясо, священные книги и религиозная атрибутика, а накануне Пейсаха на центральных улицах столицы открыто продавалась маца. Э. Бемпорад приводит еще более впечатляющие примеры (в гл. 5). В Минске действовали молельные дома (еще в 1930 г. в Минске и области их насчитывалось 89), в 1921 г. был создан Союз прихожан еврейских синагог и молитвенных домов в Минске, существовали подпольные хедеры, а в 1924 г. в синагоге «Шойвей маим» на Замковой улице р. Йоше Цимбалист основал иешиву, в которой обучалось примерно 70 человек – часть из них, привлеченные славой учителя, приехали из других городов Белоруссии и даже из Польши. Со временем в Минске появились еще пять иешив. Как и в дореволюционные времена, в Минске существовал «коробочный сбор» (налог на кошерное мясо, который являлся одним из основных источников дохода общинного руководства) – из него выплачивали жалование раввинам, дайенам и меламедам. Широко практиковалось обрезание – вплоть до того что ребенку одного из еврейских рабочих было отказано в приеме в советский детский сад с мотивировкой: «его ребенок “особый” в виду несо-

вершения над ним обряда обрезания». Большая часть мяса, продававшегося в Минске в 1920-е гг., была кошерна: почти все мясные кооперативы города состояли из бывших шойхетов, которые и в новых условиях забивали скот и разделывали мясо по религиозным законам. Вплоть до конца 1929 г. многие еврейские дети не ходили в школу по субботам (а если ходили – то не писали), а на Пейсах приносили в школу мацу.

Традиционная религиозная культура имела долгую историю, была привычной, и даже усилия Евсекции не могли искоренить ее быстро. Э. Бемпорад показывает, что похожую судьбу разделили и гораздо более молодые – в исторических масштабах – институции: в 1920-е гг. еще силен и влиятелен был Бунд, сохранявший свой клуб и печатный орган; бундист Герш Лекерт считался в Белоруссии народным героем вплоть до 1930-х гг. (гл. 3). Более того, до конца 1920-х гг. определенное влияние сохраняли и «Поалей-Циен» (гл. 2).

Одной из «воспитательных» целей политики коренизации было создание национальной самоидентификации. На еврейской улице это привело к возникновению концепта «белорусское еврейство». Ранее еврейские общины, находившиеся на территории Белоруссии, изучались как часть еврейства Великого княжества Литовского или, позже, – Российской империи. Инбелкульт имплицитно постулирует существование новой общности – «белорусского еврейства»: действовала краеведческая комиссия, изучавшая специфику именно белорусских еврейских общин; некоторые работы исторической комиссии были посвящены общественным процессам, происходившим в прошлом именно в общинах Белоруссии; лингвистическая комиссия, исследовавшая диалекты идиша, противопоставляла белорусский идиш другим северным (литовско-белорусским) диалектам, т.е. постулировала его отдельное существование (гл. 4).

Разумеется, во второй половине 1930-х гг. эта идея, как и идея свободной любви (гл. 6), наследие Бунда (гл. 3) и сионистов (гл. 2), была уже не ко двору. Большой террор положил конец большинству оригинальных начинаний на «еврейской улице» Минска, еврейские деятели высшего звена сгинули в партийных чистках. В 1938 г. по всему СССР были закрыты еврейские школы (гл. 7).

Автор пишет о большевистском эксперименте в межвоенном Минске с несомненной симпатией, стараясь подчеркнуть его толерантность и плюрализм – несмотря на революционный террор и новые порядки, выбросившие на социальную обочину «еврейской улицы» десятки тысяч «лишенцев». Даже говоря о периоде большого террора конца 1930-х гг., автор отмечает, что по сравнению с положением в соседних Польше и Литве, а тем более в Германии, для большинства еврейского населения условия жизни в со-

ветской Белоруссии на рубеже 1930-х – 1940-х гг. были несравнимо более благоприятными (гл. 7).

Книга проникнута своего рода ностальгией: автор жалеет, что война уничтожила территориальную (и материальную) преемственность современного Минска по отношению к межвоенному, и что по большинству упоминаемых в книге улиц можно прогуляться лишь в воображении. Так в этой книге появляется дополнительное измерение – литературное: архивное исследование становится своего рода утопией, описанием воображаемого города. Неслучайно эпиграфами к 1-й главе и заключению взяты строки из «Невидимых городов» итальянского прозаика Итало Кальвино – описание Евдоксии – города, который являет собой метафору мироздания и «дан во ощущение» в виде карты-ковра – и исчезнувшей Дзоры. Хранителями памяти о межвоенном еврейском Минске становятся архивные документы и фотографии, а сам город – символом судьбы всего советского еврейства – с его достижениями и падениями, неоправдавшимися надеждами, внутренними противоречиями, попытками приспособиться к новой власти и попытками обмануть ее.

Около года назад Э. Бемпорад сообщила, что заключила договор с издательством «РОССПЭН» об издании русского перевода своей книги. Мы ждем этого события – и надеемся, что книга займет достойное место в библиотеках по иудаике в СНГ и будет прочитана всеми, кто собирается заниматься историей раннесоветского еврейства.

На монографию Э. Бемпорад были опубликованы также следующие рецензии:

М. Крутиков, «Форвертс», 27.11.2013 <<http://yiddish.forward.com/articles/174495/minsk-the-jerusalem-of-soviet-belorussia>>

Г. Эстрайх, «Народ книги в мире книг», № 105, август 2013 <http://www.narodknigi.ru/journals/105/elissa_bemporad_becoming_soviet_jews>

И. Штаксер, *The NEP Era: Soviet Russia, 1921-1928*. № 7 (2013) <<https://dcommons.d.umn.edu/bitstream/10792/850/1/NEP%20Vol.%207%20book%20review%20-%20Inna%20Shtakser.pdf>>

Э. Адлер, *H-Judaic*, январь 2014 <<http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=39835>>

П. Кинз, *The American Historical Review*, 2014, vol.119, No.1 <<http://ahr.oxfordjournals.org/content/119/1/277.full>>

П. Друкер, *New Politics*, т. XIV-4 <<http://newpol.org/content/bolshevism-yiddish>>

Й. Баберовски, *Quest*, № 7, июль 2014 <<http://www.quest-cdecjournal.it/reviews.php?id=79>>

Рецензия на: Св. Гордей Щеглов. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах, 1914–1918. Минск, 2014.

В издательстве Минской епархии Белорусской Православной Церкви вышла в январе нынешнего 2014 года новая книга, рассказывающая об одной гуманитарной инициативе православных духовно-учебных заведений в связи со вступлением Российской империи в войну 1914 года. Речь шла об оказании помощи больным и раненым воинам действующей армии, и с этой целью был создан лазарет, получивший наименование Серафимовского. В состав отряда лазарета входили два врача, завхоз, медбрат и шесть сестер милосердия. Одним из врачей,

«младшим», был ивритский поэт Саул Черниховский.

Прежде всего следует отметить, что это исследование основательно документировано. Его автор – профессиональный историк, священник Гордей Щеглов – тщательно и дотошно изучил многие архивные фонды, в том числе Российского государственного исторического архива, Российской национальной библиотеки, Пушкинского дома, церковные документы и архивы частных лиц в России и Израиле. Цитаты и сведения, почерпнутые из тогдашних повременных изданий, помогают ему достоверно, в главном и в мелочах, воссоздать атмосферу тех особых для России лет. Будни лазарета реконструируются автором на основе переписки причастных к делу лиц, но особенно на основании мемуарной прозы Черниховского, ведь этот знаменитый поэт и переводчик мировой поэзии на иврит оставил немало рассказов, где в живой, зачастую мягко-ироничной форме запечатлел всевозможные характеры и казусы своей медицинской службы. Умелое, взвешенное чередование хроники лазаретной жизни и то забавных, то проникновенных историй, связанных с судьбой раненых или персонала, делает книгу увлекательной и в то же время не позволяет усомниться в подлинности изложенного.

Значительным достоинством книги является веротерпимость автора, его уважение ко всем персонажам своего исследования, независимо от их национальности и общественного положения. Священник Щеглов пишет об их благородстве и слабостях, никого не судит и ничего не приукрашивает, и читатель проникается теми высокими ценностями, которые вдохновляли создателей и сотрудников лазарета, а почти век спустя – церковного историка Гордея Щеглова. Приведу несколько цитат:

«9 сентября 1914 года подвижной лазарет духовно-учебных заведений Российской империи имени преподобного Серафима Саровского отбывал с особым поездом в Минск. Перед отправкой ему устроили торжественные проводы. Тогда, в первые месяцы войны, всё связанное с фронтом было еще в новинку, носило для многих восторженно-возвышенный характер и было овеяно некоей суровой романтикой. Это потом патриотический пыл в обществе поугаснет, война станет обыденностью, рутинной, бременем и проводы на фронт будут уже иметь совсем иной характер. Но тогда, в сентябре 1914-го, на отряд Серафимовского лазарета смотрели как на героев, отправлявшихся на фронт спасать жизни раненых воинов – защитников Отечества!» (с.19–20).

А вот как описывается подготовка к монаршему посещению Минска:

«Для минчан приезд монарха являлся событием выдающимся, особенно в столь тревожное время. С лихорадочной поспешностью жители бросились украшать город, чтобы придать ему как можно более торжественный и праздничный вид. Дома, балконы, витрины, перекрестки улиц расцвелись национальными флагами, гирляндами зелени, транспарантами, цветными тканями, коврами, портретами государя и царствующего дома...» (с.91-92).

Не обошел молчанием автор и антиеврейские меры военного командования России – факты, в свое время всколыхнувшие прогрессивную русскую интеллигенцию и писателей, выступивших в поддержку евреев (см. сб-к «Щит», 1915):

«Мобилизация среди евреев прошла практически без недобора. Процент евреев в армии оказался выше, чем в составе населения России в целом: в 1914 году в армии насчитывалось 400 тысяч евреев, а в 1916 году их число возросло до полумиллиона. Много евреев состояло в армии врачами, даже офицерами. Тысячи евреев получили награды, некоторые стали полными Георгиевскими кавалерами. Тем не менее, с первых дней войны среди высшего командования армии и военной администрации прифронтовых районов проявилось недоверчивое отношение к евреям. <...> Настоящим бедствием для еврейского населения стал 1915 год, когда во время Великого отступления начальник штаба Ставки генерал Н. Н. Янушкевич, подозревая в евреях пособников врага, стал издавать распоряжения о массовом выселении их из большей части Курляндской и Ковенской губерний. Россия наполнилась еврейскими беженцами, которые скитались с места на место, не находя пристанища» (с.183–184).

Автор подробно рассказывает о судьбе каждого из сотрудников лазарета до войны, а когда история лазарета исчерпана, приводит сведения о том, как сложилась жизнь этих людей в последующие годы. Книга богато иллюстрирована редкими фотографиями (некоторые были сделаны в палатах и в опе-

рационной), копиями документов, а также авторскими снимками памятных мест и артефактов.

Меня как исследователя ивритской словесности прежде всего интересовало то, что касалось Черниховского, и я имела возможность убедиться в том, что на сегодня материалы в этой книге – одна из самых, если не самая подробная публикация о Черниховском в годы войны (включая иврит). Позволю себе процитировать большой информативный фрагмент о еврейском поэте-враче:

«В начале осени 1912 года Черниховский выехал в Киев, где с разрешения Министерства народного просвещения в качестве экстерна держал комплексный экзамен перед медицинской комиссией при Киевском университете Святого Владимира. [В Царской России требовалось подтвердить полученный за границей диплом, а Черниховский учился в университетах в Гейдельберге и Лозанне. – З.К.] Успешно выдержав испытание, 16 октября он удостоился «степени лекаря со всеми правами и преимуществами». Благодаря этому Черниховский смог устроиться в Петербурге в Клинический институт Великой княгини Елены Павловны внештатным ассистентом при профессоре Владимире Адольфовиче Штанге. Еленинский институт представлял собой научно-учебное и лечебно-благотворительное учреждение, имевшее задачей «способствовать врачам усовершенствоваться на практике в важнейших отраслях медицинской науки». Профессор Штанге возглавлял кафедру физических методов лечения и нелекарственной терапии – первую и единственную в то время в России. Работая в институте, Черниховский занимался также частной практикой и приемом больных в приватной лечебнице доктора Саула Моисеевича Варшавчика, находившейся на Забалканском проспекте в доме № 37.

Незадолго до официального вступления России в войну, когда была объявлена всеобщая мобилизация, в лечебницу позвонил врачебный инспектор Петербурга и предложил Черниховскому принять участие в работе медицинской комиссии на одном из городских мобилизационных пунктов. <...> На следующий день Черниховский пришел по указанному адресу – в здание бань, которое приспособили для приема шести сотен мобилизованных. Но поскольку не все из призываемых были пригодны по состоянию здоровья к службе в армии, то таковых передавали в руки военно-врачебной комиссии. Вот именно в помощь ей и был приглашен Черниховский» (с.35–37).

Рассказав в общих чертах о деятельности комиссии, автор переходит к изложению конкретных эпизодов – с прямой речью, именами и портретами действующих лиц, все благодаря мемуарной прозе Черниховского, которую перевела с иврита супруга священника Гордея, гебраист Ольга Щеглова. И

так построено все повествование книги. Излишне добавлять, что источники всех цитат и сведений названы в постраничных примечаниях.

Одним из персонажей истории Серафимовского лазарета был Федор Михайлович Морозов, герой предыдущего труда священника Щеглова «Хранитель. Жизненный путь Ф. М. Морозова» (Минск, 2012). Этот интеллигент из крестьянского сословия, за смышленность и тягу к знаниям подержанный петербургским митрополитом Антонием, добровольцем пошел медбратом в Серафимовский лазарет. Его деятельность там вызывает почтительное благоговение. Морозов настоял, чтобы его освободили от канцелярской писанины:

«Он избрал для себя другую деятельность – просветительскую, «дававшую ему душевное удовлетворение» – занялся небольшой библиотекой, которую еще в Петрограде подготовил для лазарета Учебный комитет при Святейшем Синоде из книг и брошюр назидательного характера. Но вся литература без дела лежала на лазаретном складе. Тогда Морозов составил ее каталог и стал выдавать раненым. В свободное от дежурств время он ходил по палатам от кровати к кровати и одним, кто хотел, оставлял книги, другим, по желанию, – садился и читал вслух. <...> Но еще большее душевное удовлетворение Федор Морозов получал в перевязочной, где в свободное от общих перевязок время занимался по собственной инициативе обработкой ног больных и раненых. “Не было в теле поступающих солдат чего-либо более уродливого, чем ступни – по виду и по запаху, – вспоминал Черниховский. – Потому что ноги отекают от большого хождения, и также нет возможности помыть их”. Хотя каждый поступающий в лазарет солдат проходил через ванную комнату, откуда выходил вымытым и побритым, ступни, как правило, всегда оставались в неважном состоянии. <...> Так вот Морозов как брат милосердия нашел для себя занятие в том, что обрабатывал солдатам больные ноги, которыми никто специально не хотел заниматься. Он стал “любителем” этого дела и “занимался с усердием самыми зловонными ногами” – сидел и скоблил. <...> Занимался он этим делом изо дня в день, пока не приводил больные ноги в порядок» (с. 112–114).

По этим выдержкам можно составить представление о стиле и методе историка Щеглова, сумевшего показать неподдельную жизнь и деятельность медицинского и служебного персонала лазарета. Проникновенно написаны страницы заключительной части книги, где вкратце изложены судьбы ее героев. Не обойдены вниманием также европейский и палестинский периоды в жизни Черниховского, в 1922 году покинувшего Советский Союз.

В заключение позволю себе маленькую ремарку, ценную для филологов-руссистов. В поэтической книге Бориса Пастернака «Сестра моя – жизнь...», написанной летом 1917 года, есть такие строчки (подчеркнуто мной. – З.К.):

Но – моросило, и, топчась,
Шли пыльным рынком **тучи**,
Как рекруты, за хутор, поутру,
Брели не час, не век,
Как **пленные австрийцы...**

Благодаря книге о Серафимовском лазарете, где автор процитировал «Минскую газету-копейку» (1914, №713, с.4), легко понять, что пастернаковское сравнение туч с пленными австрийцами основывалось на реальных зрительных впечатлениях:

*«7 августа в Минск привезли первую партию пленных австрийцев. <...> Обращало внимание то, что австрийцы были одеты довольно тепло для сезона: в плотные куртки с подкладкой из непроницаемой материи и тяжелые кепи. У офицеров, кроме того, плечи покрывали короткие накидки из **серого** сукна, подбитые **белым пушистым** мехом, с позументами на бортах. Пленные выглядели чрезвычайно измученными» (Цит. по: св. Гордей Щеглов. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах, 1914–1918. Минск, 2014, с.52. Выделено мной. – З.К.).*

Книга священника Гордея Щеглова о Серафимовском лазарете заслуживает внимательного прочтения и может служить образцом честного и вдумчивого исторического труда.

Рецензия на: Соболевская, О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века. Гродно: ГрГУ, 2012. 443 с.

Евреи были и навсегда останутся атрибутом исторической Беларуси. Создание исторической панорамы еврейской жизни в Беларуси является одной из актуальных задач отечественной исторической науки. Важный вклад в решение этой задачи вносит монография кандидата культурологии, доцента О. Соболевской, посвященная реконструкции сфер повседневности, присущей еврейскому населению Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Безусловно, нельзя сказать, что евреи Беларуси в указанный период не являлись объектом исторического исследования. Имеется достаточно большое количество работ, посвященных данной проблеме. Но комплексное исследование, охватывающее практически все грани повседневной жизни евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX в., выполненное на основе современных методологических подходов, солидной базы источников, учета достигнутого уровня знаний по данной тематике, мы получили впервые.

Структура работы включает главы, всесторонне раскрывающие рассматриваемую проблему. Первая глава книги посвящена анализу инструментария исследования проблемы повседневной жизни евреев белорусской части черты оседлости (конец XVIII – первая половина XIX вв.). Автор сделала подробный обзор подходов в осмыслении сути феномена повседневности представителями разных гуманитарных наук (культурологии, антропологии, социологии, истории, археологии, этнографии и др.) и пришла к выводу, что, несмотря на попытки создания целостного знания о феномене повседневности, такая теория все еще не написана. Этим обусловлен полиметодологический подход, который лег в основание данного исследования. Источниковедческая часть первой главы монографии включает не только обзор мест хранения архивных документов по теме (многочисленные материалы из архивов Беларуси, России, Польши, Израиля), но и попытку типологизации комплекса использованных источников; приводится основательный обзор историографии теории повседневности.

Во второй главе, посвященной экономическим отношениям в контексте повседневного опыта евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв., рассматриваются такие аспекты их хозяйственной жизни, как тор-

говля, в том числе контрабандная, факторство, промышленное производство, финансовые операции, аренда, шинкарство, сельское хозяйство.

В главе «Социальное измерение повседневности» проанализирована социальная стратификация евреев Беларуси в указанный период (внимание автора привлекли социоцентризм еврейской культуры, структура и функции кагала, депутаты еврейского народа, сословный и классовый состав еврейского населения), рассмотрены субкультуры (учёные евреи, «гвиры» и «простые», а также гендерные, возрастные, религиозные субкультуры) и контркультуры еврейского мира (сторонники движения просвещения). Условия жизни представителей еврейской общности Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX вв. раскрываются через описание пространства быта – еврейского квартала и еврейского дома, медицинского обслуживания, повседневной одежды, еды, исчисления времени (хронотоп повседневности).

Глава, посвященная лакунам повседневности евреев Беларуси конца XVIII – первой половины XIX вв., включает такие подразделы, как «Трансцендентность и повседневность», «Праздник как альтернатива обыденности», «Рождение и смерть в контексте повседневного опыта».

Таким образом, даже краткий перечень сюжетов, которые нашли отражение на страницах монографии О. А. Соболевской, показывает, что перед нами новаторская, оригинальная работа, которая является новым словом в отечественной исторической науке. К несомненным достоинствам книги следует отнести и прекрасный стиль изложения материала, удачно подобранные цитаты, что делает чтение научного текста увлекательным.

Ред.

Рецензия на: Замоийский, А. С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939, Минск: И.П. Логвинов, 2013. 418 с.

В 2013 г. в Минске была издана книга историка Андрея Замоийского о белорусских местечках в межвоенный период. Основой этой книги послужило докторское исследование под научным руководством профессора Д. Гринберга, защищенное в 2008 г. в Институте истории Белостокского университета.

Работа состоит из трех больших частей, разделенных на девять глав, которые, по мнению автора, раскрывают различные аспекты трансформации белорусских местечек. Первая часть посвящена политическим преобразованиям, которые пережили местечки в первые десятилетия советской власти. В первой главе отражены проблемы дефиниции термина «местечко»; автор показывает типы таких населенных пунктов, их национальный состав, положение в ходе административных преобразований. Хотя во многих случаях евреи составляли большинство населения местечек, автор обращает внимание на их многонациональный характер. Автор останавливается на постепенном исчезновении феномена «традиционного штетла».

Другая глава сконцентрирована на политических преобразованиях, охвативших небольшие населенные пункты. От установления власти большевиков и разгрома политических оппонентов А. С. Замоийский переходит к проблемам национальной политики, в том числе и по отношению к еврейскому населению. Примерами советизации местечка стало усиление влияния коммунистов на его жителей, преследование сионистов и духовенства, попытка контролировать население, предоставляя ему определенные льготы (например, помощь ремесленникам), а также применение репрессивных мер.

Еще одна глава посвящена общественной жизни, деятельности тех или иных общественных организаций, участию жителей в местных органах управления, развитию массовых советских организаций, возникновению национальных советов и профсоюзов. Автор уделяет внимание роли женщины в жизни советских местечек, что было связано не только с поддержкой советской власти, но и с общими процессами модернизации, 1920-х – 1930-х гг.

В работе показано, что межэтнические отношения были далеки от того идеала, каким их хотела видеть власть. Последствия антиеврейских по-

громов, социальные, экономические, политические процессы в стране отразились на отношениях между евреями и неевреями.

Вторая часть отражает социально-экономические и демографические изменения в местечках. В ней обозначены проблемы социальной стратификации населенных пунктов и преобразование структуры местечек в результате политики советской власти. А. С. Замойский уделяет внимание положению различных социальных групп: ремесленников, торговцев, рабочих, земледельцев, лиц без определенных занятий. Автор показывает особую группу советского населения – «лишенцы» – те, кто по политическим причинам был лишен избирательных и прочих гражданских прав.

В одной из глав анализируются изменения, прошедшие в экономике местечек в период военного коммунизма, новой экономической политики (НЭП) и первых сталинских пятилеток. Автор подчеркивает, что разрушение экономики стало не только следствием воин и погромов, но и следствием модернизации. В книге прослеживаются разрушительные последствия, связанные с коллективизацией и борьбой власти против частной торговли.

Отдельно характеризуется демографическая структура местечек. Автор подчеркивает отличие местечек от больших городов и деревень именно по демографическим показателям. В отличие от городов, в местечках было меньшее количество смешанных браков, что являлось одним из важных показателей ассимиляции. Однако естественный прирост населения там был ниже, чем в селах.

Третья часть книги охватывает разные аспекты социально-культурной трансформации местечек. Автор прослеживает то, каким образом в результате мероприятий большевиков проходило вытеснение традиционного образования (борьба против хедеров), и то, как разрушалась система социальной опеки, характерная для еврейских общин. Особое внимание А. С. Замойский уделяет борьбе советской власти против религии. Автор подчеркивает, что в условиях сталинской диктатуры соблюдение традиций и норм перешло на уровень семьи, а жителям местечек, в отличие от горожан, несколько дольше удавалось сохранять свои национальные традиции.

В книге рассматривается также культурная жизнь местечек: развитие сети клубов и народных домов, появление радио, кино, спортивного досуга. Автор показывает и повседневную жизнь: проявления преступности, неудовлетворенность жилищными условиями, дефицит продуктов и товаров, проблемы здравоохранения.

По мнению автора, местечки, как особый феномен, перестали существовать к концу 1930-х гг., что явилось прямым следствием политики советской власти, которая все делала для того, чтобы превратить «старомодное» местечко в типичное советское социалистическое городское посе-

ление. Остатки традиционного штетла, этого специфического социального организма, постепенно исчезали до окончательной ликвидации их в период Холокоста.

Подходы автора к проблемам местечек коренным образом отличаются от тех, которые преподносит современная официальная белорусская историография. Так, на основании архивных материалов и опубликованных воспоминаний в книге показаны репрессии советской власти, принудительная коллективизация, преследование верующих и т.д. Методы, а также стиль автора, характерны для западной историографии, что выделяет исследование из современных белорусских работ. Монография А. Замойского представляет собой одно из полных исследований по теме: на основании широкого круга источников были рассмотрены различные стороны изменений, которые пережило местечко и его жители в 1920-х – 1930-х гг. Хотелось бы пожелать, чтобы данное исследование увидело свет на польском или английском языке.

Ред.

Рецензия на: Geissbühler, S. Once upon a time never comes again. The traces of the shtetl in Southern Podolia (Ukraine). [Bucharest?]: [Noi Media Print?], 2014. 135 p. (Bern: Project 36)

Гайсбюллер, С. Однажды никогда не вернется. Следы штетла в Южной Подолии (Украина). [Бухарест?]: [Noi Media Print?], 2014. 135 с., ил.

Симон Гайсбюллер – швейцарский дипломат, политический аналитик и историк, в 2007–2010 гг. служил в швейцарском посольстве в Бухаресте, и в 2010-2013 гг. – в дипломатическом представительстве в Варшаве. Именно в Бухаресте у автора появился устойчивый интерес к еврейской истории; в эти годы он издает несколько работ по истории евреев Румынии.

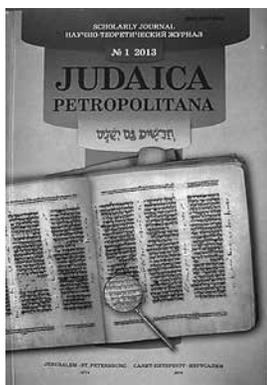
Рецензируемое издание весьма интересно. Это богато иллюстрированный буклет, сделанный в одном из трендовых направлений в западной историографии – документирование мест памяти, в которых автор побывал. Швейцарский дипломат через фотографии пытается максимально отстраниться от собственных чувств и передать то, что увидел во время собственных поездок по Подолии: Шаргород, Копайгород, Лучинец, Озаринцы, Немиров, Брацлав, Тульчин...

Буклет получился очень яркий, большая часть фотографий сделана самим автором. Книга, очевидно, оформлена по последним тенденциям фотоискусства и дизайнерского ремесла (так, например, буклет открывается фотоколлажем, составленным из наиболее интересных иллюстраций; фотографии красочные; сам иллюстративный материал хорошо подобран – это и фотографии, сделанные камерой автора, и старые почтовые открытки, и планы местности, сделанные на компьютере).

Текст буклета прост, доходчив, интересен; он написан в постмодернистском стиле. Автор текст закольцевал: книга начинается и заканчивается словами из песни Фрэнк Синатры – «Однажды никогда не вернется» (*Once upon a time never comes again*). Однако автор далек от того, чтобы идеализировать жизнь местечка (*штетла*): это, скорее, авторские ремарки по поводу историографических споров о местечках, его рецепция этих споров. Автор предлагает читателю выводы после такой рецепции и предпринятого им путешествия. Однако останавливаться на выводах не будем. Некоторые из них, безусловно, интересны и оригинальны; к некоторым, как, например, о полиэтничности штетла, западные авторы приходят вместе с авторами постсоветскими и независимо друг от друга (см. редакционный обзор выше на книгу А. С. Замойского). Хотелось бы обратить внимание на одну деталь. Оговоримся сразу: это не упрек автору рецензируемого издания, это мысль *a propo*. В постсоветской историографии местечко изучалось и продолжает исследоваться, однако западные авторы не берут в расчет работы, вышедшие здесь, работы, написанные не на Западе, не на английском языке. Неужели получается, что всё равно есть два научных мира: один их — «свой», другой наш — «чужой», чужой прежде всего для них, научный мир, который не замечают? А может действительно, как заметил в 2006 г. русский публицист К. А. Крылов, есть такие народы, «кому не только не позволено говорить о себе, но о которых молчат другие» и находятся они «к северу от Иерусалима, к востоку от Польши»? А для Запада эти страны всегда будут лишь предметом ностальгического страдания? Но и есть и другой момент: постсоветские академические круги за 20 лет сами сделали всё, чтобы быть вычеркнутыми из любого цивилизованного сообщества...

Ред.

Рецензия на: *Judaica Petropolitana*. СПб.-Иерусалим, 2013. №1

Научная периодика в постсоветских государствах пополнилась изданием *Judaica Petropolitana*, первый номер которого вышел в Санкт-Петербурге. Этот журнал – совместный проект кафедры еврейской культуры Санкт-Петербургского государственного университета и Центра Чейза по развитию иудаики на русском языке Иерусалимского университета.

Журнал многоязычный; статьи в нем публикуются на русском, английском, французском языках и иврите. Такой формат весьма распространен в европейском научном пространстве. В постсоветских странах в еврейской академической периодике он появился во второй половине 2000-х гг. в специальных выпусках серии *Сходознавчі студії* в журнале «Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв», которые издает Е. Котляр на украинском, русском и английском языках. *Цайтшрифт / Часопис* принял такой же формат. Отрадно, что в этом же ключе действуют наши коллеги из Санкт-Петербурга, несмотря на скептицизм некоторых других коллег в том же городе на Неве, которые безапелляционно уверены в том, что научный журнал обязан выходить на каком-либо одном языке – скажем, только на русском, или только на английском («Народ Книги в мире книг», №103, апрель 2013). И воля редакции определять формат и политику издания, в том числе языковую.

Первый номер *Judaica Petropolitana* открывается статьей главного редактора с российской стороны И. Р. Тантлевского «“Староновая” иудаика Санкт-Петербурга». Статья начинается кратким обзором рукописных и архивных еврейских коллекций в северной столице России. Автор выводит преемственность поколений исследователей иудаики – от основания Общества для распространения просвещения между евреями в России в 1863 г. до основания кафедры еврейской культуры в Санкт-Петербургском университете в 2011 г. и создания журнала, о котором идет речь в этом обзоре.

Исходя из материалов, представленных в первом номере, можно сказать, что редколлегию в большей степени интересует еврейская философия, древности, семитология, библеистика, история еврейства в России, а также еврейская литература нового и новейшего времени. Так, Статья С. Асланова, главного редактора с израильской стороны, не содержит никаких тезисов о политике журнала, а посвящена исключительно семитской филологии; А. В. Немировская (Санкт-Петербург), Р. В. Светлов (Санкт-Петербург) и

М. Понтопидан (Копенгаген) рассматривают различные аспекты интерпретации Ветхого Завета; В. Е. Кельнер описывает антиссионистские взгляды М. М. Винавера, еврейского общественного деятеля дореволюционной России. Часть статей посвящена еврейской литературе: В. Чернин останавливается на особенностях иврита в поэзии Смена Фруга; В. В. Федченко сравнивает английскую и идишскую версии романа И.–Б. Зингера «Враги. История одной любви»; Д. Розенсон анализирует дневник И. Бабея.

Представляется, что первый номер, в общем-то, получился, пожелаем удачи нашим коллегам из Санкт-Петербурга!

Ред.

SUMMARY

I. Sorkina

Jews and Belarusian National Movement in the Late 19th – Early 20th Centuries

The article is devoted to the problem of the influence of Jews on the development of the Belarusian national movement in the late 19th – early 20th centuries. The author analyzes the materials published in the Belarusian national newspaper *Nasha Niva* (1906–1915). The article shows that the newspaper strongly condemned anti-Semitism, covered the legal and economic situation of the Jews in Belarus and Lithuania. The leaders of the Belarusian national movement regarded the Jews as an integral part of ethnic and cultural landscape of Belarus and as allies in the political struggle against the tsarist regime.

D. Prokhorov

The Karaite Communities of the Northwestern Region of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries

The author analyzes some aspects concerning the dynamics of changes in the number of Karaite population on the territory of western provinces (*gubernias*) of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries. Statistical data and the geography of settlement of the Karaites are examined. The author comes to the conclusion that in the 19th – early 20th centuries the number of the Karaites of the Northwestern Region of the Russian Empire increased gradually. Birth and death rates, as well as the internal migration of Karaite population within the territory of the Russian Empire influenced the statistical data. During the 19th century the Karaites were settling in the southern and central provinces of Russia. As a result of this the Karaite communities appeared in many Russian cities and towns. By the end of the 19th century the total population of the Karaites was 12,894 people. Despite the inefficient work of departments of statistical control (red tape, ineffective methods of statistical recording, etc.), the Census data are a rich source of information on the Karaite population of the Northwestern Region of the Russian Empire.

Y. Brener

Michael Beinfest is “the Active Enemy of the Soviet Union”

It is the first article devoted to Michael Beinfest, who was the secretary of Belkomzet, a governmental committee in the Byelorussian SSR dealing with land allocation to Jewish families, and one of the founders of the Jewish Autonomous

region in the USSR. Michael Beinfest could be also called the first settler in Birobidzhan. The article is based on memoirs by Boris Beinfest, Michael Beinfest's nephew, Yosef Baskin, one of the leaders of Birobidzhan, who was jailed with M. Beinfest, and Esther Rozental-Shneydermann, who worked together with Beinfest in the Birobidzhan Academic Commission. The author uses documents from the State Archives of the Jewish Autonomous Region of Russia.

A. Zamoiski

**Jewish Collective Farms of Soviet Byelorussia
in the interwar period: formation, problems, and oblivion**

This article focuses on the history of Jewish collective farms (kolkhozes). In the 1920s many Jewish families decided to join collective farms mainly because of the collapse of local shtetls. It was an attempt of craftsmen, petty traders and other categories of the marginalized population to survive. The Soviet government tried to attract the local peasantry to collective farms, promoting collectivization and preventing the rise of Zionist ideas. The Jewish kolkhozes were supposed to serve as socialist patterns of economy and way of life. However, a lot of farmers followed the norms and traditions of Judaism. Members of Jewish collective farms faced certain difficulties, e.g. schooling, medical care, etc. Massive collectivization, as well as the creation of ethnically "mixed" kolkhozes (the so-called process of internationalization) resulted in an outflow of Jews. In the 1930s the number of Jewish collective farms decreased considerably. In the second half of the decade, the local Soviet administration did not mention Jewish farms in their statistics any longer.

I. Vavrenyuk

Synagogues and Jewish Prayer Houses of Brest from 1921 to 1939

This article is devoted to synagogues and Jewish prayer houses of Polish Brest (the 1920–1930s). The author demonstrates that the Jewish community in Western Byelorussia considered Judaism to be a fundamental element of national consciousness. The synagogue was an important unifying factor for the Jewish population of Poland. The synagogue also played a significant role in the cultural life of the Jewish community. The analysis illustrates that the synagogue raised funds to support Jewish educational institutions. It also provided financial assistance for cultural institutions, as well as rabbis' families. A network of Jewish schools was created due to cultural, religious and linguistic differences of the Jewish community in interwar Poland. That Jewish community continued to maintain their languages, Hebrew and Yiddish, in the multireligious society of Poland, refusing to learn the Polish language. The isolation of the community prevented Jews from integrating into Polish society and created a number of problems in their economic and social life.

A. Moshchuk

The Fight against Anti-Semitism in the Activity of the Polish Bund in Western Byelorussia, 1921–1939

The author of the article analyzes the activity of the Polish Bund in the interwar period in Western Byelorussia. The party mainly concentrated on the fight against anti-Semitism. The author argues that there were two waves of anti-Semitic actions in Poland in the 1920–1930s: in the early 1920s and in the mid-1930s till 1939. The aftermaths of economic crises of 1929–1932, as well as Hitler's popularity in Poland after his coming to power were the reasons for the rise of anti-Semitism in Poland in the second half of the 1930s. The author comes to the conclusion that starting from the mid-1930s to the very beginning of World War II the Polish Bund, trying to overlook the essential problems of the Jewish population in Western Byelorussia, abandoned the idea of class struggle and building a society based on Socialist principles.

A. Pavlyuk

A. Peretz's Commercial Interests in South Ukraine

The article examines the commercial activity of Abraham Peretz, who was one of the greatest merchants in the Russian Empire at the beginning of the 19th century. He did business in Southern Ukraine, produced salt, delivered wood and goods for the Black Sea Fleet and shipbuilding. Huge funds and contacts with Russian élité allowed him to influence Russian politics, economy and the army. Peretz's grip and enthusiasm make us believe that this merchant of a Jewish origin was engaged in every contract which the government had to offer. In addition to his success in business, A. Peretz made a significant contribution to the economic development of the region and the country as a whole.

Y. Korohodskyi

Jews of the Ukraine at Euromaidan

The author analyzes the participation of the representatives of Jewish community in the events on Maidan in Kyiv in winter 2013–2014. He studies the effect of xenophobia on Maidan and attempts to use it as a political technique against the Ukrainian national movement. The survey of the leading Jewish organizations of Ukraine and their attitude towards the events on Maidan are presented in the article. The author concludes that the “Jewish question” has been used by different political forces at Maidan. The representatives of the Ukrainian national movement tried to declare themselves tolerant, thus aiming to neutralize the theses of Russian propaganda about “fascists on Maidan”.

E. Iakimova

**On Political and Diplomatic Contacts of the Republic of Belarus
and the State of Israel between 2005–2014**

The article examines the political and diplomatic relations between Belarus and Israel between 2005-2014. The author analyzes historical features of the bilateral relations, demonstrating their effect on the current state of the Israeli–Belarusian cooperation. In addition, the author studies a number of controversies in these relations caused by two Israeli ambassadors Ze’ev Ben-Aryeh and Yosef Shagal. The author shows that the exchange of official visits has become less regular. She also supposes that the legal framework of mutual cooperation has not been formed yet, because Israel has postponed the ratification of several agreements. This fact creates a stumbling block to carrying out the countries’ projects, as well as a political vacuum, allowing Israeli political rivalries, such as Iran, to enlist the support of the Belarusian authorities. However, there is a positive effect of the bilateral relations on the cooperation between Israeli and Belarusian cities and the prospects of establishing a visa-free regime.

K. Kravtsova

**Japan and Israel: Political and Economic Relations
and Dialogue of Cultures**

At the beginning of the 2000s Japan revised its Middle East policy, which impacted the development of the Japanese-Israeli relations: it was decided to change the priorities of Japan’s Middle East policy, which previously had a pro-Arabic character, and to develop not only economic, but also political relations with Israel. The basic factors which influenced the political and economic relations between Japan and Israel are examined in the article. The author pays attention to the history of establishment and the current position of the Jewish community in Japan, as well as the essence of the problem of Japanese anti-Semitism. Japan is characterized by its motto “anti-Semitism without Jews”. The author stresses that anti-Semitic literature is very popular among the Japanese, but, at the same time, a lot of Japanese people are interested in history and culture of Jewish people, and there is a rapid increase in scientific contacts between the two countries. The author concludes that further development of bilateral relations, creation of companies and organizations specializing in building and fostering these relations, as well as expansion of cultural contacts will contribute to the implementation of a new positive attitude of Japan towards Israel.

E. Kotlyar

**Boris Schatz and the Early “Bezalel”:
The Utopia of Art and the Art of Management**

The School of Arts and Crafts “Bezalel”, founded by Boris Schatz in Jerusalem is known in history as the “Early Bezalel” (1906–1932). It was an unprecedented example of embodiment of the Jewish utopia: establishing a community of artists in Palestine and making it a brilliant commercial project in the field of Judaic art. Its revolutionary spirit was in the mix of ideas including communal labor, uniting all the Jews around the “artistic tabernacle of Zionism” and laying the foundation of national art in their historical homeland. The utopian nature of the project was in its cultural divorce from the realities of the time, conservatism of the artistic means, and artistic kitsch, which all ran counter to the era of modernism. “Bezalel” became a symbol of dreams and the difficult formation of the young Jewish state.

V. Chernin

**“And Answer Rebe in Peasant’s Tongue”.
Ukrainian and Belarusian Writers of Jewish Origin**

The presence of Jews in Ukrainian and Belarusian literature is a unique social and cultural phenomenon. The author studies this phenomenon by six periods: 1) the prehistory, until 1921, 2) the rise and fall of Ukrainization / Belarusization, 1921–1941, 3) the trauma of the war and the Holocaust, 1941–1948, 4) the period of ant-Semitic campaigns, 1948–1956, 5) the period of stagnation, 1956–1991, 6) the period of independence, after 1991.

The contribution of Jews to Belarusian and Ukrainian literature differs from their contribution to Russian literature. Literary writings, “imperialistic” by their nature, spread and were known beyond the Russian “ethnic” territory. The scope of Jewish literary works in Russian literature is much bigger than in Ukrainian and Belarusian literature, as the latter were not supported by the state until the 1920s. Literary works of Jews in Ukrainian and Belarusian are bright, although they remain unknown in the cultural history of Eastern European Jews. The author provides vivid examples of these works which have not been studied before.

In the **Records** there are several archival materials concerning the history of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. The materials were found in the file J15/2880 of the Central Zionist Archives of Israel and presented by M. Sheveliova, K. Vitiv, and D. Shavaliou.

There are also several book reviews in the fourth issue.

РЭЗІЮМЭ

І. Соркіна

Яўрэй і беларускі нацыянальны рух у канцы XIX – пачатку XX стст.

У артыкуле ставіцца праблема і прыводзяцца прыклады ўплыву яўрэй на развіццё беларускага нацыянальнага руху ў канцы XIX – пачатку XX ст. Аналізуюцца матэрыялы па яўрэйскай тэме на старонках беларускай нацыянальнай газеты “Наша Ніва” (1906–1915). Паказваецца, што газета рэзка асуджала антысемітызм, давала аб’ектыўную карціну прававога і эканамічнага становішча яўрэй ў Беларусі і Літве. Лідары беларускага нацыянальнага руху разглядалі яўрэй як неад’емную частку этнакультурнага ландшафту Беларусі і як саюзнікаў у палітычнай барацьбе супраць царскага рэжыму.

Дз. Прохараў

Караімскія абшчыны Паўночна-Заходняга краю Расійскай імперыі (XIX – пачатак XX стст.)

У артыкуле прааналізаваны аспекты, звязаныя з дынамікай змены колькасці караімскага насельніцтва на тэрыторыі заходніх губерняў Расійскай імперыі ў XIX – пачатку XX стст. Зроблены вывад аб тым, што ў перыяд з сярэдзіны XIX да пачатку XX стст. колькасць прадстаўнікоў караімскіх абшчын Паўночна-Заходняга краю Расійскай імперыі паступова павялічвалася. Статыстыка змянялася ў сувязі з паказчыкамі нараджальнасці і смяротнасці, а таксама ў выніку ўнутранай міграцыі караімскага насельніцтва на тэрыторыі Расійскай імперыі. На працягу XIX ст. караімы з традыцыйных месцаў пражывання паступова перасяляліся ў паўднёвыя і цэнтральныя губерні Расіі, а караімскія абшчыны ўзніклі ў многіх расійскіх гарадах. Да канца XIX ст. агульная колькасць караімскага насельніцтва дасягнула 12894 чал. Нягледзячы на ​​негатывыя моманты, якія суправаджалі працу органаў статыстычнага кантролю, (бюракратызм чыноўнікаў, недасканаласць методыкі правядзення статыстычнага ўліку і інш.), дадзеныя перапісаў насельніцтва з’яўляюцца інфарматыўнай крыніцай па статыстыцы караімскага насельніцтва Паўночна-Заходняга краю Расійскай імперыі XIX – пачатку XX стст.

І. Брэнер

Міхаіл Бейнфест – «... актыўны вораг Савецкага Саюза»

У нарысе ўпершыню распавядаецца пра Міхаіла Бейнфеста, савецкага работніка, адказнага сакратара Камісіі па землеўпарадкаванню працоўных яўрэяў пры Прэзідыуме ЦВК БССР (Белкомзета), які ўдзельнічаў у засваенні Яўрэйскай аўтаномнай вобласці (ЕАО). Яго па праву можна назваць першым пасяленцам у Бірабіджане. У аснову нарысу пакладзены ўспаміны Барыса Бейнфеста, пляменніка М. Бейнфеста, Іосіфа Баскіна, сукамерніка Бейнфеста ў 1938 г., Эстэр Розенталь-Шнайдэрман, яго калегі, супрацоўніцы бірабіджанскай Навуковай камісіі, а таксама архіўныя дакументы Дзяржаўнага архіва ЕАО.

А. Замойскі

Яўрэйскія калгасы Савецкай Беларусі ў міжваенны перыяд: станаўленне, паўсядзённыя праблемы, забыццё

Артыкул прысвечаны гісторыі яўрэйскіх калгасаў на Беларусі. У 1920-я гг. яны прыцягвалі многія яўрэйскія сем'і, якія пацярпелі ад пагромаў і распаду эканомікі мястэчак. Каб выжыць, у калгасы ўступалі збыднелыя рамеснікі, мелкія гандляры. Савецкая дзяржава падтрымлівала стварэнне яўрэйскіх гаспадарак каб прадухіліць распаўсюджванне ідэй сіянізму. Гэтыя гаспадаркі выкарыстоўваліся таксама ў якасці метада «прадуктывізацыі» яўрэяў. Іншай палітычнай мэтай сталася ўцягванне мясцовага сялянства ў калгаснае будаўніцтва. Яўрэйскія калгасы мусілі быць мадэллю сацыялістычнай эканомікі і сацыялістычнага ладу жыцця. У той жа час, многія яўрэі-сяляне прытрымліваліся нормаў і традыцый іудаізму. Жыццё калгаснікаў характарызавалі штодзённыя цяжкасці – праблемы з атрыманнем адукацыі і медыцынскага абслугоўвання, бытавыя праблемы, асабістыя канфлікты. Калектывізацыя, а таксама стварэнне этнічна змешаных гаспадарак у рамках так званай «інтэрнацыяналізацыі», прывялі да ўцёку яўрэяў з калектывных гаспадарак. У 1930-я гг. колькасць яўрэйскіх калгасаў значна скарацілася. У другой палове дзесяцігоддзя мясцовыя органы ўлады практычна не ўказвалі яўрэйскія гаспадаркі ў справаздачнай статыстыцы.

І. Вавранюк

Сінагогі і іудзейскія малітоўныя дамы Брэста-над-Бугам (1921–1939 гг.)

Артыкул прысвечаны сінагогам і бажніцам Брэста-над-Бугам у 1920-я – 1930-я гг. Аўтарка падкрэслівае, што іудаізм разглядаўся яўрэйскай грамадой у Заходняй Беларусі як асноўны элемент нацыянальнай самасвядомасці, а сінагога з'яўлялася адным з найважнейшых фактараў, што яднаў яўрэй-

скае насельніцтва Польшчы; сінагога адыгрывала таксама істотную ролю ў культурным жыцці. Аўтарка прыходзіць да высновы, што прыярытэтным накірункам у дзейнасці сінагогі зрабілася фінансаванне іўдзейскіх навучальных і яўрэйскіх асветніцкіх устаноў, аказанне матэрыяльнай дапамогі культурным арганізацыям і таварыствам, сем'ям рабінаў і г.д. Неабходнасць стварэння сеткі іўдзейскіх вучэльняў была абумоўлена культурнымі, рэлігійнымі і моўнымі адрозненнямі іўдзейскай грамады, якая ва ўмовах поліэтнічнага шматканфесійнага грамадства Польшчы працягвала захоўваць у першую чаргу, свае мовы (іўрыт і ідыш), адмаўлялася вывучаць польскую мову, што перашкаджала сацыялізацыі яўрэяў, стварала праблемы ў эканамічным і сацыяльным жыцці.

А. Машчук

Барацьба з антысемітызмам у Заходняй Беларусі ў практыцы польскага Бунда (1921–1939 гг.)

У артыкуле аналізуецца перадумовы зараджэння антысемітызму ў міжваеннай Польшчы і разглядаюцца асноўныя напрамкі работы Бунда па барацьбе з гэтай з'явай. Аўтар вылучае дзве хвалі антысемітызму ў Польшчы ў міжваенны перыяд: пачатак 1920-х гг. і перыяд з сярэдзіны 1930-х да 1939 г. Прычынамі ўсплёску антысеміцкіх настрояў ў другой палове 1930-х гг. паліслужлі, на думку аўтара, наступствы эканамічнага крызісу 1929–1932 гг. і рост прафашысцкіх настрояў у Польшчы пасля прыходу А. Гітлера да ўлады. Аўтар прыходзіць да высновы, што з сярэдзіны 1930-х гг. і аж да пачатку Другой сусветнай вайны ў сваёй палітычнай дзейнасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі польскі Бунд пераарыентаваўся на рашэнне надзённых праблем яўрэйскага насельніцтва краю; асноўным напрамкам такой дзейнасці стала барацьба з антысемітызмам. Такім чынам партыя шмат у чым адышла ад практыкі класавай барацьбы і імкнення перабудовы грамадства на сацыялістычных пачатках.

А. Паўлюк

Камерцыйныя інтарэсы Абрама Ператца на тэрыторыі Поўдня Украіны

Праца прысвечана камерцыйнай дзейнасці найбуйнейшага ў Расійскай імперыі прадпрымальніка пачатку XIX ст. Абрама Ператца на тэрыторыі Поўдня Украіны. Вялікі капітал і ўплывовыя сувязі купца яўрэйскага паходжання зрабілі магчымым яго ўплыў на расійскую палітыку, эканоміку, войска. Дзелавае хватка і энтузіязм А. Ператца стваралі ўражанне, што ён займаецца ўсімі магчымымі справамі, кантрактамі, пастаўкамі і падрадамі, якія толькі існавалі ў дзяржаве. Значную частку свайго капіталу прадпры-

мальнік зарабіў менавіта на тэрыторыі паўднёваўкраінскага рэгіёну, дзе ён займаўся саяной здабычай, пастаўкамі лесу і прадуктаў для Чарнаморскага флоту, а таксама падрадным суднабудаваннем. Зарабляючы вялікія грошы, А. Ператц рабіў немалы ўклад у развіццё эканомікі рэгіёну і краіны ў цэлым.

Ю. Карагодскі

Яўрэй Украіны на фоне падзей кіеўскага Майдана

У артыкуле аналізуецца ўдзел прадстаўнікоў яўрэйскай абшчыны ў падзеях на Плошчы незалежнасці ў Кіеве зімой 2013–2014 гг. Разглядаюцца ксенафобскія настроі на Майдане і спробы выкарыстоўваць гэта ў якасці палітычнай тэхналогіі, накіраванай супраць украінскага нацыянальнага руху. Даецца агляд вядучых яўрэйскіх арганізацый Украіны і іх пазіцыі з нагоды падзей на Майдане. Аўтар прыходзіць да высновы, што «яўрэйскае пытанне» выкарыстоўвалася рознымі палітычнымі сіламі, пры гэтым прадстаўнікі ўкраінскага нацыянальнага руху спрабавалі паказаць сябе ў якасці юдафільскага боку. Такім чынам яны імкнуліся да нейтралізацыі тэзісаў расійскай прапаганды пра «*фашиствующий Майдан*».

Л. Якімава

Асаблівасці палітыка-дыпламатычных кантактаў

Рэспублікі Беларусь і Дзяржавы Ізраіль у 2005–2014 гг.

У артыкуле зроблена спроба выяўлення асаблівасцяў беларуска-ізраільскіх адносін ў 2005 – пачатку 2014 гг. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на асаблівасцях палітыка-дыпламатычных кантактаў. Разгледжаны гістарычныя фактары фарміравання двухбаковых адносін, паказаны іх уплыў на сучасны стан беларуска-ізраільскіх адносін. Робіцца выснова аб недастатковай інтэнсіўнасці афіцыйных кантактаў, а таксама няскончанасці фарміравання дагаворна-прававой базы супрацоўніцтва. Гэтыя абставіны не толькі не даюць у поўнай меры рэалізаваць існуючы ў дзяржаў патэнцыял, але і ствараюць палітычны вакуум, які дазваляе ізраільскім праціўнікам заручыцца падтрымкай уладаў Беларусі. Разам з тым, адзначаецца станоўчы ўплыў пагадненняў аб супрацоўніцтве паміж гарадамі. У артыкуле даецца ацэнка перспектывы увядзення бязвізавага рэжыму паміж дзвюма дзяржавамі.

К. Краўцова

Японія і Ізраіль: палітыка-эканамічныя адносіны і дыялог культур

У пачатку 2000-х гг. Японія перагледзела блізкаўсходнюю палітыку, што адбілася і на развіцці япон-ізраільскіх адносін: было прынята рашэнне аб неабходнасці мяняць прыярытэты блізкаўсходняй палітыкі Японіі, якая насіла раней праарабскі характар, і развіваць не толькі эканамічныя, але і

палітычныя кантакты з Ізраілем. У артыкуле робіцца аналіз ключавых аспектаў японска-ізраільскіх адносін; разглядаецца гісторыя і сучасны стан яўрэйскай абшчыны ў Японіі; раскрываецца сутнасць праблемы японскага антысемітызму. Аўтар адзначае, што для Японіі характэрны феномен «антысемітызму без яўрэяў» – хоць антысеміцкая літаратура вельмі папулярная сярод японскіх грамадзян, японцы праяўляюць цікавасць да гісторыі і культуры яўрэйскага народа, а паміж краінамі ідзе бурнае развіццё навуковых кантактаў. Аўтар робіць выснову аб тым, што развіццё двухбаковых узаемаадносін, стварэнне спецыялізаваных таварыстваў і арганізацый, пашырэнне культурных кантактаў, а таксама імкненне Японіі прымаць самастойныя палітычныя рашэнні ў галіне рэгіянальнай палітыкі – усё гэта спрыяе рэалізацыі новага пазітыўнага падыходу Японіі ў дачыненні да Дзяржавы Ізраіль.

Я. Котляр

Барыс Шац і ранні «Бецалель»: ўтопія мастацтва і мастацтва кіравання

Рамесная школа ў Ерусаліме «Бецалель» была заснавана Барысам Шацам у 1906 г. У ранні перыяд існавання вучылішча (1906–1932), яно ўяўляла сабой яркі прыклад ажыццяўлення сіянісцкай утопіі ў мастацтве: заснаванне супольнасці мастакоў і рамеснікаў у Палестыне і спроба зрабіць школу камерцыйным праектам. Даследчыкі бачаць рэвалюцыйны характар школы ў заснаванні нацыянальнага мастацтва на гістарычнай радзіме яўрэйскага народа. Утапічнасць праекта заключалася ў адыходзе ад рэальнасці, кансерватыўнасці і кітчы, якія выступалі супраць мадэрнізацыі. «Бецалель» стаў сімвалам яўрэйскай дзяржавы – мары пра яе і цяжасці станаўлення.

В. Чарнін

«Адказаў рэбэ на мужыцкай мове». Украінскія і беларускія літаратары яўрэйскага паходжання

Удзел яўрэяў ва украінскай і беларускай літаратурах уяўляе сабой самастойны феномен, які валодае унікальнымі сацыяльна-культурнымі рысамі. Дадзены феномен разглядаецца ў артыкуле з вылучэннем шасці перыядаў: 1) пераадгісторыя (да 1921 г.), 2) уздым і спад украінізацыі / беларусізацыі (1921–1941 гг.), 3) траўма вайны і Халакосту (1941–1948 гг.), 4) перыяд антысеміцкіх кампаній (1948–1956 гг.), 5) перыяд застою (1956–1991 гг.), 6) перыяд незалежнасці (пасля 1991 г.).

Тыпалагічна феномен ўдзелу яўрэяў ва ўкраінскай і беларускай літаратурах рэзка адрозніваецца ад параўнальна нядрэнна вывучанага феномена іх удзелу ў літаратуры рускай. У сілу свайго «імперскага», «дзяржаваўтвараючага» характару руская мова і літаратурная творчасць на ёй атрымалі вельмі

шырокае распаўсюджванне за межамі ўласна рускай этнічнай тэрыторыі, у тым ліку ва Украіне і Беларусі. Маштабы ўдзелу яўрэяў Украіны і Беларусі ў літаратуры на рускай мове былі і засталіся невымерна больш, чым іх удзел ў літаратурах на пазбаўленых да пачатку 20-х гг. XX ст. дзяржаўнай падтрымкі украінскай і беларускай мовах. Гісторыя літаратурнай творчасці яўрэяў на іх уяўляе сабой яркую і да гэтага часу не апісаную старонку ў культурнай гісторыі ўсходнееўрапейскіх яўрэяў. У артыкуле шырока прадстаўлены фактычны матэрыял, які не быў да гэтага часу прадметам гісторыка-культуралагічнага аналізу.

У раздзеле **Крыніцы** прадстаўлены дакументы, знойдзеныя ў Цэнтральным сіянісцкім архіве Ізраіля. Матэрыял прысвечаны аднаму эпізоду з гісторыі Рускай духоўнай місіі ў Іерусаліме пасля 1917 г.

Наши авторы

БРЕНЕР Иосиф Семенович – кандидат культурологии, научный сотрудник Института комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (г. Биробиджан, Еврейская автономная область).

ВАВРЕНЮК Ирина Ильинична – соискатель кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета им. А. С. Пушкина.

ВИТИВ Христина Мирославовна – специалист в области международных отношений, живет в Хайфе (Израиль).

Д-р Андрей ЗАМОЙСКИЙ – научный сотрудник проекта CENDARI (Collaborative European Digital Archive Infrastructure, Совместная Европейская цифровая архивная инфраструктура) Института им. Фридриха Майнеке, Свободный Университет Берлина.

Д-р Зоя КОПЕЛЬМАН – преподаватель еврейской литературы в Институте еврейского образования для взрослых Дж. Ганделя при Еврейском университете в Иерусалиме; исследователь ивритской литературы и ее связей с русской культурой.

КОРОГОДСКИЙ Юрий Михайлович – соискатель Института истории Украины Национальной академии наук Украины.

КОТЛЯР Евгений Александрович – искусствовед, дизайнер, художник; кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории искусства Харьковской государственной академии дизайна и искусств (ХГАДИ), член Национального Союза художников и Союза дизайнеров Украины, член Международной ассоциации искусствоведов (Москва), куратор проектов по иудаике Центра востоковедения ХГАДИ, редактор научных сборников Центра «*Сходознавчі студії*» («Востоковедческие исследования»), автор более 100 публикаций по еврейскому искусству и архитектуре, истории евреев и караимов Харькова, в том числе книги «*Еврейский Харьков. Путе-*

водитель по истории, культуре и местам памяти» (2011); автор дизайна синагог, общинных центров, еврейских музеев и экспозиций в Харькове, Киеве, Сумах; главная тема профессиональных интересов – еврейское искусство. Живет в Харькове.

КРАВЦОВА Екатерина Владимировна – студентка 5-го курса факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

МОЦУК Анатолий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета.

ПАВЛЮК Андрей Николаевич – юрист, кандидат исторических наук, ассистент кафедры менеджмента организаций и права Николаевского национального аграрного университета. Автор ряда монографий и статей по истории еврейского народа на Юге Украины. В 2014 г. защитил диссертацию на тему: «Роль еврейского населения в экономическом развитии южноукраинского региона в XIX – начале XX в.». Автор и редактор историко-краеведческого веб-сайта «Николаевская область. Электронная историческая энциклопедия» (*history.mk.ua*).

ПОЛЯН Александра Леонидовна – научный сотрудник кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Научные интересы А. Л. Полян сконцентрированы на идише и идишской литературе.

ПРОХОРОВ Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по изучению истории и археологии Крыма при Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Сфера научных интересов: караимские, еврейские и крымскотатарские общины Российской империи в конце XVIII – начале XX вв.; автор 4-х монографий, в т.ч.: «И. И. Казас – просветитель караимов и крымских татар» (Симферополь, 2009).

СОРКИНА Инна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент; научные интересы связаны с исторической урбанистикой и историей евреев Беларуси; автор монографии «*Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.*» (Вильнюс: ЕГУ, 2010). Живет в Гродно.

Д-р Велвл ЧЕРНИН – этнограф, переводчик, литературовед; поэт, пишет на идише; участник еврейского движения в СССР, в 1990 г. репатрировался в Израиль; в 1999 г. защитил докторат по советской литературе на идише в Бар-Иланском университете, преподавал идиш и литературу на идише в университетах Израиля и России, в сферу его научных интересов входят постсоветское еврейство и история литературы на идише.

ШЕВЕЛЁВ Дмитрий Леонидович – академический директор Центра еврейских исследований Европейского государственного университета (Литва), главный редактор ежегодника *ЦАЙТШРИФТ / ЧАСОПИС*.

ШЕВЕЛЁВА Марина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент; научные интересы М. В. Шевелёвой связаны с современными международными отношениями на Ближнем Востоке.

ЯКИМОВА Елизавета Александровна – аспирантка кафедры международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

Contributors

Dr. Yosef BRENER is a research fellow of Institute for the Study of Regional Problems in the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Birobidzhan).

Dr. Velvl CHERNIN is an ethnologist and a Jewish poet; he writes in Yiddish. He participated in illegal Jewish movement in the USSR. V. Chernin moved to Israel in 1990. He defended PhD paper devoted to the Soviet Yiddish literature in Bar-Ilan University. Velvl Chernin instructed Yiddish and Yiddish literature in Israeli Universities and in Moscow. His research interests include the post-Soviet Jewry and history of Yiddish literature.

Ms. Elizaveta IAKIMOVA is a postgraduate student of the University of Nizhniy Novgorod, Russia.

Dr. Zoya KOPELMAN is a lecturer of Jewish literature in the Gandel Institute for Adult Jewish Learning, Hebrew University of Jerusalem. Her research interests include Hebrew literature and its connexions with Russian culture.

Dr. Eugeny KOTLYAR is an associate professor of Department of Art History of Kharkiv State Academy of Design and Arts. He is a member of the National Union of Artist of Ukraine, the Union of Designers of Ukraine, and the Art Critics and Art Historians Association. He is the editor-in-chief of *The Journal of Eastern Studies*, *Bulletin of Kharkiv State Academy of Design and Arts*. He is the author of more than 100 publications. Jewish art is his main field of research.

Mr. Yurii KOROHODSKYI is a post-graduate student of Institute of History of Ukraine at National Academy of Sciences of Ukraine.

Ms. Ekaterina KRAVTSOVA is a graduate student of International Relations Department of Belarusian State University.

Dr. Anatoli MOSHCHUK is the head of a chair for social science and history at Brest State Technical University.

Dr. Andrew PAVLYUK is a lawyer, and an lecturer of Nikolaev National Agrarian University. He is the author of a range papers devoted to the history of

the Jewish people in the Southern Ukraine. In 2014 he defended his PhD thesis devoted to the role of Jewish population in economical development of the South Ukrainian region in the 19th – early XX century. He is also the author and the editor of the website “Nikolaev region. Electronic Historical Encyclopedia” (*history.mk.ua*).

Ms. Alexandra POLYAN is a research fellow of Jewish Studies Department at Institute of Asian and African Studies, Moscow State University. Her academic interests include Yiddish and Yiddish literature.

Dr. Dmitri PROKHOROV is a senior research fellow of the Crimean Center for the Study of History and Archeology at V. I. Vernadsky Crimean Federal University. His academic interests concentrate on the history of the Caraites, the Jews, and the Crimean Tatars in the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries. He is the author of 4 monographs, including the one devoted to a Karaite enlightener I. I. Kazas «*И. И. Казас – просветитель караимов и крымских татар*» (Simferopole, 2009).

Dr. Ina SORKINA's research interests focus on urban history and the history of Belarusian Jews; she is the author of the monograph *Мястэчкі Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст.* (Vilnius, 2010). Dr. Ina Sorkina lives in Grodno.

Dr. Dzmitry SHAVIALIOU is the Academic Director of the Center for Jewish Studies at European Humanities University, Lithuania, and the editor – in – chief of the annual *Tsaytshrift / Časopis*.

Dr. Marina SHEVELIOVA's research interests focus on the contemporary Middle East politics.

Ms. Irina VAVRENYUK is a post-graduate student of history in Brest State University (Belarus).

Ms. Christina VITIV graduated in international relations. She lives in Haifa.

Dr. Andrei ZAMOISKI is a research fellow of the project *CENDARI* (Collaborative European Digital Archive Infrastructure) in the Friedrich Meinecke Institute at Freie University in Berlin.

Contents

Editors' notes.....	5
---------------------	---

The Historical Part

On Belarusian-Jewish contacts

Ina Sorkina, Belarus

Jews and Belarusian National Movement in the late 19th – early 20th centuries	14
---	----

Dmitri Prokhorov, Crimea

The Karaite Communities of the Northwestern Region of the Russian Empire in the 19th – early 20th centuries	29
--	----

Yosef Brener, Russia

Michael Beinfest is “the Active Enemy of the Soviet Union”	55
--	----

Andrei Zamoiski, Germany

Jewish Collective Farms of Soviet Byelorussia in the interwar period: formation, problems, and oblivion.....	78
---	----

Irina Vavrenyuk, Belarus

Synagogues and Jewish Prayer Houses of Brest from 1921 to 1939.....	98
---	----

Anatoli Moshchuk, Belarus

The Fight against Anti-Semitism in the Activity of the Polish Bund in Western Byelorussia, 1921–1939.....	111
--	-----

Andrew Pavlyuk, Ukraine

A. Peretz's Commercial Interests in South Ukraine	119
---	-----

The Ukrainian Crisis

Yurii Korohodskyi, Ukraine

Jews of the Ukraine at EuroMaidan.....	127
--	-----

The Study of the Middle East

Елизавета Іакімова, Russia

On Political and Diplomatic Contacts of the Republic of Belarus and the State of Israel between 2005–2014	135
--	-----

Ekaterina Kravtsova, Belarus

Japan and Israel: Political and Economic Relations and Dialogue of Cultures	147
--	-----

Art Studies

Eugeny Kotlyar, Ukraine

Boris Schatz and the Early “Bezalel”: The Utopia of Art and the Art of Management.....	161
---	-----

Records

Marina Sheveliova, Belarus, Khristina Vitiv, Israel, Dzmitry Shavialiou, Belarus
An Episode from the History of the Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem
(According to the Archival File J15/2880 of the Central Zionist Archives of Israel)... 177

Reviews

Bemporad E. Becoming Soviet Jews: The Bolshevik experiment in Minsk. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2013. xiv, 280 p. (by <i>A. Polyan</i>)	192
Св. Гордей Щеглов. Первый Серафимовский: история одного лазарета в событиях и лицах, 1914–1918. Минск, 2014. 315 с. (by <i>Z. Kopelman</i>).....	197
Соболевская, О. А. Повседневная жизнь евреев Беларуси в конце XVIII – первой половине XIX века. Гродно: ГрГУ, 2012. 443 с.	202
Замойский, А. С. Трансформация местечек Советской Белоруссии 1918–1939, Минск: И.П.Логвинов, 2013. 418 с.	204
Geissbühler, S. Once upon a time never comes again. The traces of the shtetl in Southern Podolia (Ukraine). [Bucharest?]: [Noi Media Print?], 2014. 135 p. (Bern: Project 36)	206
Judaica Petropolitana. СПб.-Иерусалим, 2013. № 1.....	208
Summaries / Рэзюмэ.....	210
Наши авторы / Contributors	221
Contents	226

The Yiddish part

Editors' notes.....	iii
<i>Dr. Velvl Chernin, Israel</i> “And Answer Rebe in Peasant’s Tongue”. Ukrainian and Belarusian Writers of Jewish Origin	vi
Summaries.....	lxx